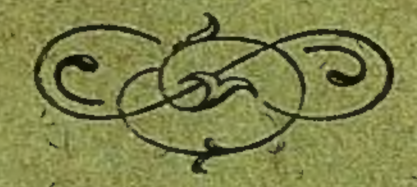
Издано на средства пожалованныя
ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ
АЛЕКСАНДРОМЪ МИХАИЛОВИЧЕМЪ.

Изъ записокъ Севастопольца.

Н. С. МИЛОШЕВИЧЪ.

Съ приложенiемъ плана обороны и осады Севастополя.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФIЯ.
1904.

Издано на средства пожалованныя
ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ
АЛЕКСАНДРОМЪ МИХАИЛОВИЧЕМЪ.

Изъ записокъ Севастопольца.

Н. С. МИЛОШЕВИЧЪ.

Съ приложенiемъ плана обороны и осады Севастополя.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФIЯ.
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Февраля 1904 г.

Авторъ этихъ записокъ, Николай Степановичъ Милашевичъ, или какъ онъ считалъ правильнѣе—Милошевичъ, былъ вѣроисповѣданія православнаго, родомъ изъ дворянъ Воронежской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ Воронежской классической гимназіи, гдѣ шелъ все время въ числѣ 1-хъ учениковъ. Выйдя изъ 6-го класса гимназіи, поступилъ въ Дворянскій полкъ, нынѣ Константиновское Артил. Училище. Въ 1846 г., 18 лѣтъ отъ роду, блестяще сдавъ офицерскій экзаменъ—1-мъ изъ 500 офицеровъ, былъ выпущенъ въ чинѣ прапорщика съ отличіемъ—съ прикомандированіемъ къ генеральному штабу 5-го пѣх. корпуса и съ назначеніемъ въ Конно-Артиллер. легкую № 21 батарею. За неимѣніемъ средствъ для поступленія въ Академію Генеральнаго Штаба, продолжать этой карьеры не могъ,—обстоятельство, о которомъ онъ до конца жизни вспоминалъ съ сожалѣніемъ. Въ 1848 г. былъ отчисленъ отъ генеральнаго штаба во фронтъ. Въ 1849 г., съ 1-го Іюня по 17 Сентября, принималъ участіе въ Венгерской кампаніи. Въ этомъ же году произведенъ въ подпоручики. Въ 1851-2 командовалъ 1-й кантонистской батареей 2-го кавалер. окр. Новороссійскаго военнаго поселенія и 2-й кант. бат. 1-го кавал. окр. Въ 1852 г. произведенъ въ поручики на вакансію. Въ августѣ 1853 г. отчисленъ во фронтъ переименованной изъ 21-ой въ конно-арт. № 19 бат. Въ маѣ 1854 г. прикомандированъ къ конно-резерв. артил. № 8 батареѣ. Въ іюлѣ 1855 г. переведенъ въ 11-ю Арт. Бригаду, и въ Крымскую войну участвовалъ во 2-й кампаніи съ января 1855 г. по 31 декабря, и въ это время, 4 августа, поступилъ въ составъ Севастопольскаго гарнизона. За отличіе при штурмѣ 27 ав-

густа награжденъ орд. Св. Станислава 3 ст. съ мечами. Съ 28 Авг. по 1 янв. 1856 г. и 3-ю кампанію, съ 1-го янв. по 20 марта 1856 г., находился на батареяхъ Сѣверной стороны. Въ 1856 г. за отличіе въ сраженіи произведенъ въ чинъ капитана со 2 дек. 1855 г. Въ 1857 г. командированъ для преподаванія наукъ въ дивиз. фейерверкскую школу 4-й Арт. Дивизіи, а въ 1858 причисленъ къ юнкерскому училищу, состоявшему при штабѣ 4-го Артил. Корпуса, квартировавшаго въ г. Воронежѣ. Здѣсь ему было поручено, между прочимъ, преподаваніе въ спеціальныхъ офицерскихъ классахъ, учрежденныхъ послѣ войны. Лекціи его по исторіи на столько отличались блестящимъ изложеніемъ, что обратили на себя вниманіе мѣстнаго высшаго военнаго начальства, не разъ посѣщавшаго его классы и выразившаго даже лектору свое удовольствіе и одобреніе присылкой ему въ подарокъ многотомной исторіи Кантю.

Въ родномъ ему Воронежѣ онъ, между прочимъ, близко сошелся съ кружкомъ такого передового человѣка, какимъ былъ тамъ въ то время Н. И. Второвъ, принимавшій живое участіе въ судьбѣ вошедшаго уже тогда въ славу поэта И. С. Никитина (см. соч. Никитина и его біографію, написанную Де-Пуле).

Для этого то кружка знакомыхъ впервые и былъ составленъ краткій очеркъ Крымской войны, положенный въ основу печатаемыхъ нынѣ: „Изъ Записокъ Севастопольца.“

Въ 1859 г. Н. С. Милошевичъ оставилъ военную службу въ чинѣ капитана и съ мундиромъ. Дальнѣйшая его служба съ 1860 по 1880 протекала сначала по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, до 1871, а затѣмъ, по выходѣ уже въ отставку, по предложенію Подольскаго губернатора—по мировымъ учрежденіямъ въ Юго-Западномъ краѣ.

Скончался въ 1901 г., на 74 году жизни, въ портѣ Императора Александра III, гдѣ и похороненъ.

Ваше Императорское Высочество!

Ободренный словомъ Вашимъ, принимаю смѣлость повергнуть на снисходительное вниманіе Вашего Императорскаго Высочества трудъ моей молодости—замѣтки о славной эпохѣ Севастопольской.

Онѣ не заключаютъ въ себѣ описанія цѣлой эпохи, или какихъ либо отдѣловъ ея, достойнаго послужить матерьяломъ для исторіи Севастопольской обороны; это не болѣе, какъ откровенный и безъискуственный разсказъ о впечатлѣніяхъ, слагавшихся во мнѣ и въ другихъ участникахъ великой эпохи, 16 лѣтъ назадъ, подъ свѣжимъ вліяніемъ совершившихся событій.

Почту себя счастливымъ и съ избыткомъ вознагражденнымъ, если Ваше Высочество соблаговолите удостоить мой слабый трудъ прочтеніемъ.

Съ глубочайшимъ чувствомъ высокаго почитанія имѣю счастье пребыть

Вашего Императорскаго Высочества

вѣрноподданный

Николай Милашевичъ.

Статскій Совѣтникъ, состоящій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

Октября, 1871 г.
С.-Петербургъ.

Помѣщая здѣсь это письмо, при которомъ былъ представленъ рукописный экземпляръ (вѣроятно болѣе подробный) Севастопольскихъ записокъ Его Императорскому Высочеству

Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу, впослѣдствіи Императору Александру III, для готовившагося въ то время сборника воспоминаній о Севастопольской оборонѣ (въ составъ котораго онѣ однако не вошли), мы руководились желаніемъ дать читателю этого разсказа нѣкоторую общую характеристику послѣдняго и устами самого автора (нынѣ уже покойнаго) указать ту исходную точку, которая должна служить критикѣ для наиболѣе правильной оцѣнки выпускаемаго нынѣ въ печать труда его.

Прим. изд.

Изъ записокъ Севастопольца.

Данiилъ рече: храбра, княже, борзо добудеши, а умный дорогъ есть.

Данiилъ Заточникъ.

Я былъ назначенъ въ составъ Севастопольскаго гарнизона по собственной просьбѣ, въ iюлѣ 1855 г., изъ конно-резервной № 8 батареи. Часто спрашивали потомъ: какiе разсчеты и побужденiя заставляли меня, человѣка семейнаго, напрашиваться въ Севастополь, гдѣ прежде всего и скорѣе всего я могъ найти смерть, оставлявшую семью мою безъ средствъ къ существованiю?

Энтузiазмъ и увлеченiя, свойственные первой молодости, были уже пережиты мною, а отъ мечты о фельдмаршальскомъ жезлѣ давно вылечилъ опытъ предшествовавшей 9 лѣтней армейской службы.

Отвѣчаю: никакихъ разсчетовъ у меня не было и не могло быть; просто на просто я былъ сыномъ своего времени, того великаго времени, когда въ русскомъ обществѣ царилъ духъ высокаго патрiотизма и народной чести.

Въ этомъ отношенiи я нимало не выдѣлялся изъ среды, въ которой жилъ тогда, и то, что сдѣлалъ я, готовъ былъ сдѣлать каждый изъ моихъ товарищей; лично мнѣ принадлежала лишь настойчивость въ достиженiи намѣченной цѣли.— Чувство воинской доблести держалось вообще очень высоко въ русской армiи въ царствованiе покойнаго Императора Николая Павловича; неравная борьба съ коалицiей еще болѣе подняла это чувство, и оно то направляло носящихъ военный мундиръ въ Севастополь, вопреки всякимъ разсчетамъ. Еслибъ

въ массѣ русскихъ офицеровъ того времени преобладали личные разсчеты, которые охватили ее черезъ годъ по окончаніи Крымской войны, развѣ была бы возможна Севастопольская эпопея...

Путь мой изъ Верхнеднѣпровска, гдѣ квартировала батарея, лежалъ на Бессарабію, куда я заѣзжалъ проститься съ семействомъ, на Одессу и Перекопъ.

Удачно проскользнувъ пространство отъ Перекопа до Симферополя, гдѣ тогда начиналось уже разстройство почтовыхъ сообщеній, въ день сраженія на Черной, 4-го августа, я добрался до сѣверной стороны Севастополя больной и измученный. Еще въ венгерскій походъ 1849 г. ко мнѣ привязалась лихорадка, не покидавшая меня съ тѣхъ поръ и періодически возобновлявшаяся съ пароксизмами, походившими на злую горячку. На переѣздѣ отъ Алешекъ къ Перекопу неосторожное лакомство мѣстными арбузами вызвало рецидивъ ея, и на предпослѣдней передъ Севастополемъ станціи Дуванкѣ я пролежалъ въ жестокомъ параксизмѣ съ утра до 5 ч. вечера, такъ что станціонный смотритель, изъ опасенія, чтобы я не умеръ у него на станціи, упросилъ проѣзжавшаго дружиннаго начальника Курскаго ополченія уложить меня въ его рессорный экипажъ. Въ совершенно безчувственномъ состояніи меня привезли на Сѣверную станцію часу въ 7 вечера. Очнувшись, здѣсь я увидѣлъ въ первый разъ понораму Севастополя, разстилавшагося вдали на разстояніи 6—7 верстъ. Пасмурное небо и пыль или пороховой дымъ, висѣвшій надъ городомъ, отнимали отчетливость у картины; тѣмъ не менѣе она приковала къ себѣ мои глаза. Взоръ сразу обнималъ все пространство города и укрѣпленій, хотя очертанія послѣднихъ и нельзя было уяснить себѣ. Правильной перестрѣлки въ этотъ моментъ не было, судя по неясно доносившимся отдѣльнымъ выстрѣламъ, и не было ничего поражающаго въ томъ, что я видѣлъ; видѣнное же не совсѣмъ отвѣчало заранѣе сложившимуся представленію, но все вмѣстѣ носило сумрачный колоритъ. На станціи и вокругъ было

пустынно, сумрачно и уныло: ни одного проѣзжающаго, ни одной живой души, кромѣ станціоннаго смотрителя. — Отказавшись отъ первоначальнаго намѣренія — тотчасъ же переправиться на южную сторону, такъ какъ едва держался на ногахъ вслѣдствіе слабости, я сталъ располагаться на ночлегъ, тутъ же возлѣ станціи, на землѣ и подъ открытымъ небомъ; въ станціонномъ помѣщеніи было душно и оно изобиловало мухами и скачущими насѣкомыми. Съ наступленіемъ темноты я улегся на свою импровизованную постель, лицомъ къ Севастополю; но желанный сонъ не приходилъ и во всю ночь мнѣ не удалось сомкнуть глазъ. Нервы были возбуждены въ сильнѣйшей степени, отчасти подъ вліяніемъ только что окончившагося лихорадочнаго пароксизма, но вѣроятно болѣе—подъ вліяніемъ толпившихся въ головѣ мыслей; къ тому же насѣкомые немилосердно терзали меня; волею-неволею оставалось слѣдить за огненными дугами, описываемыми полетомъ бомбъ. Съ разсвѣтомъ я былъ уже на ногахъ и въ 8-мъ часу утра, переправившись на военномъ катерѣ черезъ бухту, впервые ступилъ на многострадальную почву южной стороны Севастополя.

Начальникъ артиллеріи севастопольскаго гарнизона, полковникъ Шейдеманъ, котораго я не безъ труда отыскалъ въ лабиринтѣ безконечныхъ казематовъ Николаевской батареи, гдѣ съ августа сосредоточены были всѣ воинскія управленія, штабы и госпитали, принялъ меня довольно привѣтливо, спросилъ—гдѣ желаю находиться и послѣ отвѣта—на бастіонахъ—назначилъ на 5-ый бастіонъ.—„Тамъ теперь жарко“, сказалъ Шейдеманъ, отпуская меня,—„но къ этому можно привыкнуть“, а въ заключеніе прибавилъ наставленіе — не рисковать собою безъ пользы. Въ управленіи Шейдемана меня направили въ общую городскую квартиру офицеровъ легкой № 4 батареи 11-й артиллерійской бригады, въ которую, какъ оказалось, я былъ переведенъ вслѣдъ за назначеніемъ въ составъ Севастопольскаго гарнизона; штабъ-квартира же батареи и всѣ ея тяжести находились на Сѣверной

сторонѣ. Это былъ небольшой домикъ, въ 2 окна по фасаду, выходившему на площадь предъ Екатерининской улицей, рядомъ съ католическимъ костеломъ, входъ былъ со двора. Домикъ раздѣлялся переднею на двѣ половины, о 2 комнатахъ каждая; въ правой были свалены офицерскіе чемоданы и помѣщался приставленный къ нимъ деньщикъ, лѣвая лицевая, съ одною кроватью и столикомъ служила помѣщеніемъ для временно появлявшихся офицеровъ батареи. Нужно замѣтить, что всѣ безъ исключенія офицеры батареи находились въ разныхъ пунктахъ и при различныхъ обязанностяхъ, а потому появлялись на квартирѣ изрѣдка, случайно и на весьма короткое время. Квартира въ августѣ представляла далеко не безопасное убѣжище отъ бомбъ; осколки послѣднихъ то и дѣло ударялись въ лицевую сторону домика и давно поизрѣшитили оконные затворы, заслонявшіе выбитыя стекла и отчасти рамы. Подъ домомъ находился обширный погребъ со множествомъ пустыхъ винныхъ бочекъ; въ ночь оставленія Севастополя—27 августа, онѣ послужили прекраснымъ матеріаломъ для поджога костела и всѣхъ сосѣднихъ зданій. По счастливой случайности, я засталъ въ квартирѣ одного изъ новыхъ своихъ товарищей и притомъ съ 5 бастіона, который и предложилъ свои услуги для ознакомленія меня съ расположеніемъ города и укрѣпленій праваго фланга. Лучшаго чичероне нельзя было и желать; въ нѣсколько часовъ мы исполнили нашу программу, и такимъ образомъ я въ тотъ же день успѣлъ не только ознакомиться съ Севастополемъ и возвратиться на 5 бастіонъ, но и перезнакомиться съ большинствомъ находившихся тамъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія и вступить во всѣ права и обязанности члена этой семьи. Пристанище выпало мнѣ въ блиндажѣ лейтенанта Азарьева, командира батареи его же имени, находившейся на оконечности лѣваго фаса 5 бастіона, возлѣ редута Шварца. Съ того времени жизнь моя слилась и потонула въ общей жизни 5 бастіона и Севастополя, и болѣе выдающіеся моменты ея будутъ приведены въ своемъ

мѣстѣ; упомяну только о дальнѣйшемъ ходѣ своей болѣзни. Устроившись на бастіонѣ, я съ любопытствомъ ожидалъ третьяго дня—очередного дня пароксизма, въ надеждѣ, не оставитъ ли меня лихорадка, по бывшимъ примѣрамъ, также внезапно, какъ внезапно приходила она. Но утро третьяго дня убѣдило въ противномъ; рано почувствовавъ приближеніе пароксизма, я поспѣшилъ на городскую квартиру, гдѣ тотчасъ же болѣзнь сказалась въ новой формѣ. Дней 4 — 5 я лежалъ въ безчувственномъ горячечномъ состояніи, смутно припоминая ухаживаніе за собою деньщика, лекарства, стоявшія на столикѣ около кровати и фигуру какого то военнаго медика. Изъ разсказовъ деньщика впослѣдствіи выяснилось, что въ одинъ изъ короткихъ промежутковъ возвращавшагося ко мнѣ сознанія, я распорядился завертывать себя въ мокрыя простыни, но когда и это не помогало, деньщикъ, по собственной инициативѣ, отправился въ главный госпиталь и привелъ оттуда какого то доктора, который и посѣщалъ меня ежедневно, принося съ собою лекарства. Какъ только мнѣ стало лучше, онъ прекратилъ свои визиты и впослѣдствіи тщетно розыскивалъ я своего, быть можетъ, спасителя: деньщикъ фамиліи его не могъ назвать и не находилъ въ прежней палатѣ, а разспросы мои, по неясно сохранившейся въ памяти наружности доктора, остались безъ результата. Выздоровленію предшествовалъ слѣдующій эпизодъ. Однажды ночью я очнулся и сталъ прислушиваться къ грохоту шедшей канонады; дѣйствительно ли она была въ тотъ моментъ сильнѣе обыкновеннаго или такою представилась въ моей воспаленной головѣ, только мнѣ вообразилось, что безъ сомнѣнія идетъ штурмъ. Мысль, что я не на своемъ мѣстѣ, лежу на квартирѣ и ничѣмъ не могу оправдать свое отсутствіе съ бастіона, мгновенно овладѣла мною. Стыдъ, опасеніе отвѣтственности придали мнѣ столько возбужденія, что я моментально одѣлся въ нужную форму, осторожно переступилъ спавшаго на порогѣ комнаты деньщика съ горѣвшею на полу, возлѣ него, свѣчкою и отправился якобы на 5-й

бастіонъ. Что было дальше—не знаю; но очнулся я въ той же своей комнатѣ и на той же постели.

По словамъ деньщика, онъ проискалъ меня всю ночь и лишь на разсвѣтѣ, по указаніямъ матросовъ, набрелъ на меня, лежавшаго безъ сознанія на берегу артиллерійской бухты. Значитъ кому не суждено утонуть, тотъ не утонетъ. Черезъ сутки я былъ въ силахъ покинуть постель и вслѣдъ за тѣмъ отправился на свой бастіонъ.

Еще объ одномъ. Для незнакомыхъ съ впечатлѣніями войны, вѣроятно, интересно будетъ знать, съ какимъ внутреннимъ настроеніемъ отнесся я къ опасностямъ, встрѣтившимъ меня на бастіонѣ. Не слѣдуетъ забывать, что августъ мѣсяцъ представлялъ время почти безпрерывной бомбандировки всей оборонительной линіи и ежедневныя потери севастопольскаго гарнизона убитыми и ранеными были очень крупны. Охотно отвѣчаю. Прежде всего скажу, что слишкомъ живое чувство страха передъ опасностью не могло имѣть во мнѣ мѣста, потому что я былъ уже, что называется, окуренъ порохомъ во время Венгерской кампаніи. Въ Севастополѣ первые шаги мои, казалось, высказывали безстрашіе, но происходило это болѣе отъ непониманія всей суммы и всей ежеминутности дѣйствительно существовавшей опасности. Въ первое время, напримѣръ, я съ увлеченіемъ отдавался штуцерной стрѣльбѣ и смѣло расхаживалъ по банкету въ обычной тогда формѣ, т. е. безъ сюртука, не понимая, что бѣлизна бѣлья служила отличною цѣлью непріятельскимъ стрѣлкамъ, вслѣдствіе чего около меня особенно часто летали пули. Когда мнѣ разъяснили все это, я круто перешелъ къ осторожности и заботливо перестал выставляться подъ выстрѣлы. И затѣмъ уже, съ теченіемъ времени, привычка выработала истинное безстрашіе, всегда беззаботное и хладнокровное. Потому ли, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ опасности, обереганіе себя казалось безполезною и смѣшною заботою; потому ли, что самая жизнь теряла всякую привлекательность, но только мысль объ опасности не входила уже въ помыслы. Не есть ли этотъ про-

цессъ общій для человѣческой натуры; по крайней мѣрѣ—не кроется ли въ немъ объясненіе той несомнѣнной истины, что въ дѣлѣ войны одинъ обстрѣленный стоитъ многихъ необстрѣленныхъ.

Необходимо сказать еще о происхожденіи настоящихъ записокъ. Началомъ ихъ послужили не столько письма изъ Севастополя, сколько собранія необходимаго для нихъ матеріала, вслѣдствіе обязательства, даннаго прежнимъ сослуживцамъ по конной батареѣ о разъясненіи тѣхъ изъ предшествовавшихъ событій севастопольской обороны, которыя представлялись неясными изъ реляцій и оффиціальныхъ донесеній. Это-то обязательство заставило меня съ перваго шага въ Севастополь внимательно прислушиваться ко всѣмъ разсказамъ, слухамъ и отголоскамъ о прошломъ и настоящемъ, къ отзывамъ и мнѣніямъ о лицахъ и событіяхъ и по возможности записывать ихъ. Мало по малу составился довольно богатый запасъ отрывочныхъ свѣдѣній, относившихся почти до всѣхъ моментовъ Крымской войны. На Инкерманскихъ батареяхъ, на досугѣ, наступившемъ послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій, у меня естественно явилась идея разработать этотъ матеріалъ и свести его въ связное цѣлое. Такимъ образомъ составилась довольно объемистая рукопись. По окончаніи войны, когда въ нашемъ обществѣ настойчиво высказывалось желаніе ознакомиться съ севастопольскими событіями въ сколько нибудь связномъ изложеніи, я задумалъ удовлетворить этому желанію и для ближайшаго кружка своихъ знакомыхъ въ г. Воронежѣ составилъ краткій очеркъ Крымской войны на основаніи своей рукописи, выпустивъ изъ нея все частное и субъективное, а также всѣ техническія подробности и описанія сраженій. Но какъ въ первоначальной рукописи все дышало свѣжестью первыхъ впечатлѣній и оборотная сторона медали выставлялась безъ прикрасъ, а отзывы о лицахъ отличались рѣзкою откровенностью, то по нѣкоторымъ обстоятельствамъ я вынужденъ былъ уничч-

тожить весь основной матерьялъ ея и оставилъ одну рукопись послѣдней редакціи. По оставленіи военной службы въ 1859 г., новая обстановка и новыя условія жизни заставили меня совершенно забыть объ этой рукописи. Извлекая ее теперь на свѣтъ, если не въ первобытной полнотѣ, то по крайней мѣрѣ, въ первобытномъ характерѣ, я долженъ предварить читателя, что внесенные въ нее отзывы не есть результатъ моихъ личныхъ выводовъ или мнѣній, а итогъ тѣхъ выводовъ и мнѣній, которые высказывались въ Севастополѣ. Ни относиться къ нимъ критически, ни провѣрять ихъ происхожденія я не считалъ своей задачей по той простой причинѣ, что кругозоръ находившагося на бастіонѣ офицера былъ слишкомъ малъ. Равнымъ образомъ я не счелъ нужнымъ свѣрять записанное мною съ печатною литературою о Крымской войнѣ; отъ этого искушенія спасло меня, быть можетъ, то обстоятельство, что я лишенъ былъ досуга — слѣдить за нею послѣ оставленія военной службы. Несоотвѣтственность же въ записанныхъ подробностяхъ о разныхъ событіяхъ объясняется тѣмъ, что въ общемъ мнѣніи Севастополя они выдавались не столько по относительной важности своей, сколько по большей или меньшей выпуклости сопровождавшихъ ихъ обстоятельствъ; наконецъ, и время для исторіи севастопольской обороны еще не настало. *)

---

*) Послѣднія строки, начиная со словъ «По оставленіи военной службы».... въ рукописи были первоначально изложены въ другой редакціи; считаемъ не лишнимъ привести ее здѣсь, въ виду указанія на существованіе еще другого экземпляра этихъ записокъ, слѣдовъ котораго однако намъ не удалось розыскать. Гдѣ находятся рукописи, не вошедшія въ составъ сборника Севастопольскихъ воспоминаній, изданнаго въ 70-хъ годахъ, — остается до сихъ поръ невыясненнымъ. Рукопись, по которой нынѣ впервые печатаются «Изъ Записокъ Севастопольца» написана въ началѣ 80-хъ годовъ для одного изъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ которомъ однако она не была помѣщена.

Прим. изд.

«По оставленіи военной службы, записки оставались заброшенными до 1870 года, когда обнародовано было обращеніе Государя Наслѣдника Цесаревича къ защитникамъ Севастополя о доставленіи Его Высочеству

Столкновеніе съ западомъ, разразившееся Восточной войной 1853 — 1856 годовъ, казалось бы не должно было застигнуть Россію врасплохъ. Лѣтомъ 1852 г. война висѣла уже въ воздухѣ; на вѣроятность ея указывали особенная заботливость того времени о приведеніи въ исправность военнаго обоза и матеріальной части арміи, а о близости ея покойный Императоръ Николай Павловичъ лично предупредилъ войска на осеннемъ смотру, происходившемъ при г. Елизаветградѣ. Было такъ. По окончаніи маневровъ, составлявшихъ заключительный актъ смотра, Государь, прощаясь съ войсками, подзывалъ къ себѣ въ каждомъ отрядѣ офицеровъ, чего прежде никогда не случалось, и обратился къ нимъ съ рѣчью, могущество и обаяніе которой были на этотъ разъ исключительны. Государь благодарилъ насъ за вѣрную службу, за преданность Престолу и Россіи, не сомнѣвался, что мы и впредь сохранимъ эту преданность и выкажемъ ее на дѣлѣ, быть можетъ, въ скоромъ времени; затѣмъ прибавилъ, что Онъ видится съ нами, можетъ быть, въ послѣдній разъ. Въ голосѣ, во взорахъ, въ осанкѣ Императора проскальзывало что-то грустное, особенное, невольно сообщившееся всѣмъ намъ. Вообще, во все продолженіе смотра, Государь былъ кротокъ и милостивъ въ обращеніи къ войскамъ. Я служилъ тогда въ конной № 19 батареѣ, входившей въ составъ 2-го резервнаго Кавалерійскаго корпуса

воспоминаній и свѣдѣній объ оборонѣ Севастополя. Докончивъ свою рукопись нѣкоторыми подробностями о времени послѣ оставленія южной стороны Севастополя, исключительно по личнымъ своимъ воспоминаніямъ, я представилъ экземпляръ ея Его Высочеству. Въ основу своихъ записокъ я старался положить истину и безпристрастіе, но въ какой степени достигъ того—не мнѣ судить. Прибавлю, что въ нихъ нѣтъ ни одного слова, ни одного мнѣнія изъ печатной литературы о Севастополѣ, слѣдить за которой трудно было въ новой обстановкѣ; оффиціальнаго же описанія обороны Севастополя, откровенно сознаюсь, не имѣлъ терпѣнія читать, потому что не узнавалъ въ немъ того Севастополя, въ которомъ самъ находился; притомъ же это дорогое изданіе, очевидно, не предназначалось для мелкихъ дѣятелей Севастополя».

генерала Остенъ-Сакена, впослѣдствіи графа, и какъ теперь помню моментъ, когда Государь позвалъ къ себѣ офицеровъ. Бѣшеный прыжокъ впередъ сдѣлалъ мой усталый конь, ужаленный шпорами. По знаку Государя, мы сомкнулись вокругъ него полукругомъ. Мы смотрѣли ему въ глаза и чувствовали въ себѣ исполинскія силы для выполненія даннаго слова—умереть за него.

Наконецъ, въ іюнѣ 1853 г. войска наши перешли р. Прутъ и заняли Дунайскія княжества, а въ октябрѣ Турція объявила намъ войну. Блистательный синопскій разгромъ турецкаго флота, поднявшій народное чувство въ Россіи, послужилъ предлогомъ къ объявленію намъ войны со стороны Англіи и Франціи. Начинался длинный рядъ тяжкихъ и оскорбительныхъ неудачъ нашихъ.

Дунайская кампанія 1853—1854 годовъ не могла быть успѣшна по одной той причинѣ, что велась безъ опредѣленной цѣли. Или не прозрѣвая истиныхъ намѣреній Австріи, или въ увѣренности на сохраненіе нейтралитета съ ея стороны, мы старались не противорѣчить ея требованіямъ и связали себѣ руки. Оборона лѣваго берега Дуная не сопровождалась ни единымъ удачнымъ дѣломъ, наступательныя же дѣйствія скоро оставлены подъ давленіемъ Австріи. Кампанія эта не принесла намъ ни чести, ни пользы и, подтвердивъ старую доблесть русскаго солдата, обнаружила только поголовную неспособность военначальниковъ, да массу вкравшихся въ армію злоупотребленій. Въ іюлѣ 1854 г. русскія войска со стыдомъ и озлобленіемъ вернулись въ свои предѣлы отъ стѣнъ непокоренной Силистріи, а союзники обратили взоры на Крымъ.

Высадка въ Крымъ съ тѣми силами, съ которыми она была предпринята, принадлежитъ къ числу самыхъ отважныхъ, или вѣрнѣе сказать, просто сумасбродныхъ военныхъ предпріятій и едва ли чѣмъ другимъ можетъ быть объяснена, какъ совершеннымъ невѣдѣніемъ союзниковъ о численности, степени умственнаго развитія и вообще о значеніи татарскаго населенія полуострова. Не подлежитъ сомнѣнію, что осада

Севастополя въ томъ видѣ, какъ она потомъ сложилась, никогда не входила въ предположенія англо-французовъ. Отправляясь въ Крымъ, они предпринимали смѣлую вылазку, отважный coup de main, разсчитанный на внезапность, на содѣйствіе мѣстнаго населенія и такъ вѣрно согласовавшійся съ личными свойствами ихъ главнокомандующаго - маршала Сентъ-Арно. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать серьезнымъ военнымъ предпріятіемъ высадку 50-ти тысячнаго отряда въ непріятельскую страну, выставлявшую болѣе милліона храбраго и привыкшаго къ побѣдамъ войска, въ край малонаселенный и бѣдный. Увѣренъ, что планы непріятеля основывались на возстаніи крымскихъ татаръ, обѣщанномъ при первомъ появленіи ихъ турецкихъ единовѣрцевъ и заранѣе подготовлявшемся турецкими эмиссарами. Союзники разсчитывали, что возстаніе это, если и не передастъ въ ихъ руки значительную часть крымской территоріи, то по крайней мѣрѣ отвлечетъ на себя большую часть нашихъ слабыхъ силъ въ Крыму, а между тѣмъ предоставленный самому себѣ Севастополь сдѣлается легкою добычею дессантной арміи. Гипотезы эти назовутъ, пожалуй, слишкомъ произвольными, на томъ основаніи, что нельзя де допустить, чтобъ союзники, подготовляя экспедицію, не запаслись заблаговременно основательными свѣдѣніями о томъ, что невѣжественное и безоружное татарское населеніе Крыма не могло доставить имъ никакой существенной помощи. Но если, скажу въ отвѣтъ, англо-французы отправлялись въ Крымъ съ необходимымъ запасомъ вѣрныхъ свѣдѣній о краѣ и его условіяхъ, то какъ же мы, съ своей стороны, не могли добыть въ то же время болѣе простыхъ свѣдѣній о цѣли варнскихъ приготовленій непріятеля и не изготовиться къ отпору вторженію. Въ военномъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, случается иногда многое, необъяснимое для здраваго смысла. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду тѣ нелѣпости, которыя распространяла о Россіи западная пресса въ 1853—1856 г. и которымъ Европа чистосердечно вѣрила, а слѣдовательно могли вѣрить и руководители Крымской эк-

спедиціи. Да и трудно было не вѣрить, когда у насъ несомнѣнные факты какъ будто нарочно спѣшили оправдывать многое невозможное въ естественномъ порядкѣ вещей. Напр., какъ случилось, что евпаторійская высадка осталась неразгаданнсй для князя Меньшикова, когда приготовленія къ десанту производились у него на глазахъ, подъ рукою, и притомъ столь продолжительное время. Куда могла направиться экспедиція, подготовлявшаяся въ Варнѣ?—На Кавказъ, въ Азовское море, на Сѣверное Черноморское прибрежье и наконецъ въ Крымъ... Высадка на Кавказъ не отвѣчала никакой разумной цѣли; Азовское море, какъ извѣстно, не доступно военнымъ кораблямъ и большимъ транспортнымъ судамъ; военныя операціи между Днѣстромъ и Бугомъ, въ предѣлахъ Бессарабіи и Херсонской губерніи, имѣли бы нѣкоторый смыслъ единственно при условіи союза съ Австріей, котораго тогда не существовало, не говоря уже о томъ, что арміи союзниковъ были слишкомъ малочисленны для вторженія во внутрь страны, не имѣли перевозочныхъ средствъ и съ удаленіемъ отъ береговъ лишались своего базиса и средствъ къ продовольствію. Затѣмъ оставался Крымъ, на который и указывали иностранныя газеты, общее мнѣніе въ Европѣ и общія догадки въ Россіи.

Тѣмъ не менѣе Крымъ оставался почти беззащитнымъ, когда 26 августа 1854 г. непріятельскія суда вышли изъ Варны и съ 1 на 2 сентября безпрепятственно высадили у Евпаторіи, на южной ея сторонѣ, близъ такъ называемаго стараго укрѣпленія, отъ 50 до 55.000 французовъ, англичанъ и турокъ.—Тутъ опять самъ собою напрашивается вопросъ—какъ могло случиться, что князь Меньшиковъ не зналъ о времени выхода въ море экспедиціи и не воспрепятствовалъ высадкѣ, располагая боевымъ флотомъ до 60 вымпеловъ. Допустимъ, что Черноморскій флотъ состоялъ преимущественно изъ парусныхъ судовъ, далеко уступалъ въ боевой силѣ соединеннымъ флотамъ союзниковъ и не могъ разсчитывать на успѣшный поединокъ съ ними. Но въ этомъ

случаѣ дѣло шло не о поединкѣ за военную честь или о побѣдѣ, а о защитѣ своихъ береговъ, объ охраненіи собственной территоріи, ради чего и сооружаются военные флоты. При томъ, французскіе военные корабли, въ большинствѣ, несли на себѣ дессантныя войска, и лишь англійская эскадра прикрывала транспортную армаду.

Какъ же тутъ было не попытаться нашей линейной эскадрѣ изъ паровыхъ и первоклассныхъ кораблей, которыхъ считалось свыше 14, завязать дѣло съ англичанами, а другому отряду изъ всѣхъ остальныхъ судовъ ворваться въ это время въ транспортныя колонны, произвести въ нихъ страшное смятеніе, разсѣять ихъ, потопить и истребить часть судовъ съ войсками, боевыми и продовольственными запасами. Разумѣется, большинство изъ нашихъ кораблей могло погибнуть, но они погибли бы съ пользой, такъ какъ предпріятіе союзниковъ, если бы даже не было разстроено окончательно, несомнѣнно, потерпѣло бы тогда неудачу при встрѣчѣ съ арміей князя Меньшикова. Развѣ мысль о безпощадномъ боѣ съ соединенными непріятельскими флотами въ открытомъ морѣ не обсуждалась въ Севастополѣ нѣсколько дней спустя и при условіяхъ, несравненно болѣе неблагопріятныхъ для насъ.

Неустройствамъ въ англійской арміи и невѣдѣнію союзниковъ о точной численности и дизлокаціи нашихъ силъ въ Крыму слѣдуетъ приписать шестидневное бездѣйствіе ихъ, слѣдовавшое за высадкой. Между тѣмъ кн. Меньшиковъ успѣлъ сосредоточить всѣ войска, находившіяся у него въ распоряженіи, на р. Альмѣ, въ позиціи при дер. Бурлюкѣ; въ Севастополѣ оставлено всего 2—3 слабыхъ батальона. Около полудня 8 сентября Сентъ-Арно атаковалъ нашу армію, состоявшую изъ 42 батальоновъ, 16 эскадроновъ и 84 орудій, всего около 33.000. Дѣло было жаркое. Не смотря на численный перевѣсъ свой и превосходство въ вооруженіи, непріятель нерѣшительнымъ успѣхомъ дня обязанъ преимущественно нашимъ ошибкамъ. Перевѣсъ долго не склонялся ни на чью сторону, пока небольшой отрядъ изъ французской дивизіи Боске не

взобрался на нашъ лѣвый флангъ, считавшійся недоступнымъ по мѣстности; мы потеряли голову и начали отступленіе.— Альминское, или, какъ называютъ его иначе, Бурлюкское сраженіе впервые выказало отсталость въ вооруженіи нашей пѣхоты; у англо-французовъ преобладали нарѣзныя ружья, стрѣлявшія пулями Минье на 300—400 саж., у насъ же линейная пѣхота имѣла гладкоствольныя, разстрѣлянныя и вообще негодныя ружья, прицѣльная дальность коихъ едва достигала 100—150 саж., а между тѣмъ еще въ Венгерскій походъ опытъ указывалъ на громадное преимущество нарѣзныхъ винтовокъ (литтскихъ штуцеровъ), которыми вооружены были наши стрѣлковые батальоны. Послѣднихъ имѣлось при началѣ восточной войны всего 8, т. е. по одному на каждый пѣхотный корпусъ. Тоже самое можно сказать и о вооруженіи полевой артиллеріи. Тогдашнія бронзовыя 6 ф. пушки и $^1/_4$ пуд. единороги легкихъ батарей, составлявшихъ свыше $^2/_3$ общаго числа послѣднихъ, въ большинствѣ, старой отливки и разстрѣлянныя въ нѣсколькихъ предшествовавшихъ войнахъ, не давали вѣрнаго прицѣльнаго выстрѣла даже на 300—350 саж. Съ 1853 г.*) стали появляться въ Крыму такъ называемые облегченныя орудія сравнительно лучшей поражаемости.

Союзники по недостатку кавалеріи и отсутствію опредѣленнаго плана о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, не преслѣдовали разбитую ими армію въ отступленіи ея къ сѣверной сторонѣ Севастополя, а между тѣмъ отступленіе это, предоставленное на волю частныхъ начальниковъ, производилось не въ порядкѣ. Самъ главнокомандующій отправился неизвѣстно куда; по крайней мѣрѣ войска не видѣли его и не знали—куда посылать донесенія. Это былъ обыкновенный пріемъ Адмирала, которому онъ не измѣнялъ и впослѣдствіи въ Севастополѣ; онъ намѣчалъ только конечную цѣль, послѣднюю точку, не входя въ промежуточныя детали, указаніе же спо-

---

*) Въ рукописи годъ написанъ неразборчиво. *Прим. изд.*

собовъ къ достиженію цѣли онъ никогда не принималъ на себя. Можно ли ставить это въ вину князю Меньшикову, какъ моряку по профессіи—не берусь судить, но во всякомъ случаѣ выборъ князя Меньшикова для начальствованія въ Крыму былъ роковою ошибкою, за которою Россія поплатилась слишкомъ дорого.

Съ отступленіемъ отъ Альмы связывается разсказъ о каретѣ князя Меньшикова, попавшей въ руки непріятеля, который изъ содержанія найденныхъ будто бы въ ней бумагъ пришелъ къ увѣренности, что на Альмѣ сражалась не вся Крымская армія, а лишь часть ея. Движеніе англо-французовъ къ Сѣверной сторонѣ Севастополя, а потомъ перемѣна его въ направленіи къ южной сторонѣ производилось медленно, нерѣшительно, ощупью, тогда какъ овладѣнье Сѣверною стороною не представляло никакого затрудненія. Чтобы овладѣть тогда Севастополемъ, непріятелю стоило только протянуть руки. И если это не было сдѣлано, то единственно благодаря счастливой для насъ случайности, именно: вслѣдствіе болѣзни и послѣдовавшей за ней смерти маршала Сентъ-Арно, бывшаго фактическимъ главнокомандующимъ обѣими союзными арміями и отважность котораго исключала возможность наставшихъ послѣ него колебаній въ союзномъ лагерѣ. Изъ преемниковъ Сентъ-Арно—Канробера—во французской арміи и лорда Раглана—въ англійской сдѣлавшихся независимыми другъ отъ друга, первый отличался крайней осторожностью и нерѣшительностью, а послѣдній—не пользовался авторитетнымъ голосомъ по сравнительной малочисленности англійскаго контингента; при томъ они часто не сходились въ мнѣніяхъ. Понятно, что все это тотчасъ же отразилось на дѣйствіяхъ союзниковъ, отнявъ у нихъ энергію и духъ инициативы. Вторичный же бой предъ Севастополемъ имѣлъ еще ту невыгодную для насъ сторону, что моральная сила нашей арміи, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Бурлюкскаго пораженія, была видимо парализована и долженствовала пасть еще болѣе подъ зрѣлищемъ господствовавшей тогда въ Севастополѣ

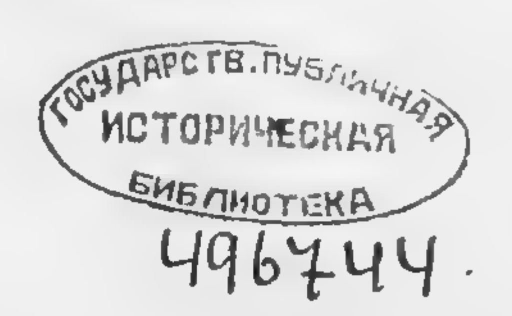
сумятицы. Во время наступленія непріятеля отъ Альмы, князь Меньшиковъ сдѣлалъ весьма удачное по идеѣ фланговое движеніе къ Бахчисараю и потомъ 16 сентября—обратное къ Севастополю, гдѣ и занялъ позицію между Бельбекомъ и Инкерманомъ.

День 13 сентября можно считать началомъ осады Севастополя. При этомъ естественно сдѣлать вопросъ: могъ ли Севастополь удержаться и не быть покореннымъ, не смотря на неслыханныя дотолѣ средства могущественнѣйшихъ европейскихъ государствъ, соединенныя для покоренія его? Повидимому, единственный правильный отвѣтъ на подобный вопросъ долженъ заключаться въ слѣдующемъ: Севастополь ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ пасть въ руки осаждавшаго его непріятеля; мало того, необъяснимо и непонятно для здраваго смысла, какъ удержался въ Крыму самъ осаждавшій и какъ онъ десять разъ не былъ втоптанъ въ море, не плѣненъ или истребленъ до послѣдняго солдата. Если бы Крымская борьба заключалась только въ осадѣ Севастопольскихъ укрѣпленій союзными силами и оборонѣ ихъ нашимъ гарнизономъ, то конечно Севастополь, рано или поздно, долженъ былъ пасть вслѣдствіе той простой истины, что никакая крѣпость не можетъ устоять противъ правильной и искусной осады. Въ Крыму было совсѣмъ иное. Севастополь, независимо отъ громадныхъ средствъ къ оборонѣ, заключавшихся въ немъ самомъ, какъ въ складѣ оружія и военныхъ припасовъ для черноморскаго флота и Кавказа, независимо отъ храбраго и многочисленнаго гарнизона, всегда сохранялъ свои сообщенія и, слѣдовательно, располагалъ средствами къ пополненію убыли въ гарнизонѣ, въ своихъ боевыхъ и продовольственныхъ запасахъ, а главное, имѣлъ постоянно подъ рукою цѣлую армію или неуступавшую по численности непріятельской, или превосходившую ее. Отсюда ясно, что Севастополь не можетъ быть приравниваемъ къ обыкновенной крѣпости и потому при осадѣ вовсе не подвергался исходной участи осажденной крѣпости. Оче-

видно, что участь Севастополя во многомъ зависѣла отъ стратегическихъ и тактическихъ дѣйствій прикрывавшей его Крымской арміи, но и неуспѣхи послѣдней не обусловливали еще безуспѣшность обороны его,—такъ были своеобразны и исключительны условія осажденнаго города. Коренныхъ причинъ паденія Севастополя немного: первая изъ нихъ заключалась въ неспособности военачальниковъ, а вторая—въ отсутствіи удобныхъ путей сообщенія. Зимою 1854—1855 г.г., въ моментъ наибольшей слабости и разстройства непріятельскихъ силъ, дѣйствія наши парализованы были недостаткомъ продовольствія; лѣтомъ 1855 г.—они стѣснялись недостаткомъ пороха и боевыхъ припасовъ и истощеніемъ вновь прибывавшихъ войскъ вслѣдствіе долгаго изнурительнаго похода.

Къ обложенію южной стороны Севастополя англо-французы приступили вслѣдъ за занятіемъ Балаклавы, при чемъ въ небольшихъ бухтахъ между Балаклавою и Севастополемъ: Балаклавской, Камышевой, Песчаной, Казачьей и др., они отыскали удобныя стоянки для своихъ военныхъ кораблей. Говорю отыскали потому, что въ нашихъ понятіяхъ бухты эти считались недоступными даже для мелкихъ судовъ портовой службы. Мнѣ самому, осенью 1855 г., неоднократно случалось наблюдать съ Инкерманскихъ батарей, какъ большіе 3-хъ дечные корабли плавно и медленно проходили мимо Константиновскаго форта, подъ безвредными залпами съ него, въ Карантинную бухту, гдѣ и бросали якорь.—„Мы боялись ходить туда“,—замѣчали смотрѣвшіе тутъ же матросы,—„на шаландахъ (плоскодонныхъ баржахъ), чтобы не застрясть на мели“.—Первоначальныя предположенія непріятеля, современныя обложенію города, склонялись въ пользу немедленнаго овладѣнія имъ открытою силою, но сдѣланная 18 сентября рекогносцировка, указавшая неожиданно выросшія у осажденныхъ укрѣпленія, заставили отказаться отъ такого намѣренія. Было рѣшено построить батареи, сбить нашу артиллерію и затѣмъ уже овладѣть Севастополемъ открытою атакою.

2

Что же дѣлалось въ Севастополѣ въ это время?—Извѣстія о высадкѣ, занятіи Евпаторіи, Бурлюкскомъ сраженіи и движеніи къ городу англо-французовъ были для Севастополя громовыми ударами, слѣдовавшими одинъ за другимъ; смятеніе было общее и первоначально всякая мысль о спасеніи города и флота казалась сумасбродною. И дѣйствительно, положеніе было критическое. Обезпеченный отъ вторженія на рейдъ непріятельскихъ флотовъ каменными фортами, построенными въ послѣднее царствованіе, городъ былъ открытъ и беззащитенъ со стороны приближавшихся союзныхъ армій. Со стороны Бахчисарая онъ имѣлъ такъ называемое сѣверное укрѣпленіе, состоявшее изъ довольно правильнаго восьмиугольника долговременной постройки, о 40 пушкахъ, къ которому въ послѣднее время присоединено было нѣсколько отдѣльныхъ батарей и полевыхъ укрѣпленій, а также приспособленная къ одной ружейной оборонѣ кремальерная траншея отъ Голландіи [1]) до морского берега, на высотѣ сѣвернаго укрѣпленія. Все это, имѣя назначеніемъ прикрывать подступъ къ рейду и фортамъ сѣверной стороны: Михайловскому, Константиновскому и др., не представляло серьезнаго сопротивленія 40 тысячной арміи. Съ южной стороны, кромѣ фортовъ Павловскаго, Николаевскаго и Александровскаго, имѣлись оборонительныя казармы съ оборонительными стѣнками съ правой стороны города и Малахова башня—на Корабельной (такъ называлась часть города за южною бухтою). Вообще, со стороны Балаклавы Севастополь былъ еще болѣе беззащитенъ. Къ счастью, тамъ находился Корниловъ, начальникъ штаба черноморскаго флота, сразу выказавшій себя на высотѣ обстоятельствъ, и потому недоумѣніе продолжалось недолго. На собранномъ имъ военномъ совѣтѣ было опредѣлено: для отнятія у непріятеля всякой возможности прорваться на рейдъ, затопить часть военныхъ кораблей между Александровскимъ и Константиновскимъ

---

[1]) Такъ назывался одинъ изъ овраговъ или балокъ сѣверной стороны

фортами, а для отраженія нападенія съ сухого пути—построить батареи, вооруживъ ихъ корабельными пушками и матросами съ затопленныхъ судовъ.—Мнѣнія, высказанныя на военномъ совѣтѣ, были діаметрально противоположны. Большинство, имѣя во главѣ адмирала Нахимова и Вукотича, предлагало: выйти въ море, сразиться съ непріятельскими эскадрами и прорваться въ Средиземное море, или погибнуть съ честью. Самъ Нахимовъ говорилъ, что ничего болѣе не остается, какъ *взорваться на воздухъ*. Но капитанъ 1 ранга Заринъ и нѣкоторые изъ командировъ судовъ проводили мысль о защитѣ въ укрѣпленіяхъ и загражденіи входа на рейдъ затопленіемъ судовъ, причемъ освободившіеся матросы должны были усилить гарнизонъ. Корниловъ, первоначально раздѣлявшій мысль Нахимова, присоединился потомъ къ Зарину, мнѣнію котораго Меньшиковъ далъ окончательный перевѣсъ.—Распоряженіе по постройкѣ укрѣпленій дано было инженеръ-подполковнику Тотлебену [1]).

Энергія Корнилова, сообщившись всему населенію города, въ короткое время произвела чудеса: матросы, солдаты, городскіе обыватели, арестанты, даже женщины и дѣти, взялись за работу. По мѣрѣ того какъ выростали укрѣпленія, возрастала и общая рѣшимость отстаивать городъ до послѣднихъ силъ. Въ половинѣ сентября были окончены и вооружены батареи на важнѣйшихъ пунктахъ, и Севастополь могъ уже оспаривать свое существованіе.

Чтобы не возвращаться болѣе къ Севастопольскимъ укрѣпленіямъ, взглянемъ на нихъ въ томъ видѣ, когда они окон-

---

[1]) Затоплены были слѣдующія суда, начиная отъ Константиновскаго форта: 1) Купеческое судно и корветъ Пиладъ, 2) Фрегатъ 64 пуш. Сизополь, корабль 84 пуш. Уріилъ, корабль 120 пуш. Три Святителя, корабль 84 пуш. Салафаилъ, корабль 84 пуш. Варна, корабль 120 пуш. Силистрія и 64 пуш. Гавріилъ и фрегатъ 40 пуш. Флора. Впослѣдствіи, между Николаевскою и Михайловскою батареею, затопленъ 2-й рядъ изъ судовъ: фрегатъ 64 пуш. Кагулъ, кораблей—84 пуш. Святославъ, 120 пуш. Двѣнадцать Апостоловъ, 84 пуш. Ростиславъ и фрегатовъ Мессемврія и Мидія. Въ промежуткѣ между обѣими линіями находился еще бонъ изъ бревенъ.

чательно опредѣлились. Прежде всего нужно помнить, что извѣстные всему міру славные бастіоны Севастопольскіе были ничто иное, какъ простыя земляныя батареи усиленныхъ профилей, первоначально назначавшіяся для отраженія штурма и затѣмъ уже усиленныя и развитыя для противодѣйствія непріятельскимъ подступамъ, по мѣрѣ развитія осадныхъ работъ. Понятно, что они не вытекли изъ строго обдуманнаго плана, такъ какъ вначалѣ никто не разсчитывалъ на правильную осаду, а потому начертаніе оборонительной линіи, пріурочиваясь къ существовавшимъ оборонительнымъ казармамъ, отчасти обозначилось само собою. Окончательное устройство севастопольскія укрѣпленія получили послѣ перваго штурма. При всемъ томъ укрѣпленія эти были весьма сильны по калибру и громадному количеству своей артиллеріи, состоявшей изъ корабельныхъ орудій. Всего орудій на укрѣпленіяхъ южной стороны считалось до 1.700. Но этимъ далеко не исчерпывались оборонительныя средства южной стороны; сюда нужно присоединить еще: полевую артиллерію въ неограниченномъ числѣ, для дѣйствія при штурмахъ, батареи и баррикады внутри города, рядъ сильныхъ прибрежныхъ батарей Сѣверной стороны, обстрѣливавшихъ внутренность города и доставлявшихъ фланговую оборону оконечности лѣваго фланга Корабельной и наконецъ форты, военные корабли и пароходы на рейдѣ, долженствовавшіе разгромить непріятеля, ворвавшагося въ городъ. Вообще, по массѣ оборонительныхъ средствъ, Севастополь представлялъ единственный примѣръ въ военной исторіи. Строителемъ Севастопольскихъ укрѣпленій называютъ Тотлебена, но позволительно усомниться въ томъ, что онъ былъ единственнымъ и верховнымъ распорядителемъ въ этомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ первое время; для этого едва-ли ему доставало достаточнаго авторитета въ глазахъ Корнилова, Нахимова и друг., считавшихъ себя полновластными въ „своемъ“ Севастополѣ и вообще неохотно подчинявшихся чужимъ авторитетамъ.—Въ интересахъ истины нельзя умолчать и объ оборотной сто-

ронѣ медали. Выше сказано, что севастопольскія укрѣпленія строились и устраивались во все продолженіе осады, а, между тѣмъ, до послѣдняго дня ея они оставались недостаточно обработанными въ подробностяхъ, а именно: не имѣли прикрытаго пути, траверзовъ, надежныхъ пороховыхъ погребовъ; крайне нуждались въ блиндажахъ и вообще прикрытіяхъ для артиллерійской прислуги, а главное — удерживали неизмѣннымъ первоначальное слишкомъ частое размѣщеніе артиллеріи. Послѣднее было цѣлесообразно въ первые моменты обороны, когда вся задача сводилась къ отраженію ожидаемаго штурма, и въ первую бомбардировку сослужило свою службу; но какъ только вѣроятность штурмовъ миновала, такое размѣщеніе обратилось въ великій вредъ осажденнымъ. При частомъ размѣщеніи орудій и при слабой профили крѣпостного вала, мерлоны (пространство между двумя смежными амбразурами) выходили столь малы, что осыпались и совсѣмъ разрушались не только отъ непріятельскихъ снарядовъ, но и отъ собственныхъ выстрѣловъ. Исправленіе этихъ поврежденій, производившееся обыкновенно по ночамъ, подъ навѣснымъ и штуцернымъ огнемъ непріятеля, крайне утомляло войска, стоило намъ большихъ потерь убитыми и ранеными и въ глазахъ солдатъ составляло самую ненавистную службу. Въ способѣ размѣщенія артиллеріи въ Севастополѣ невольно усматривается взглядъ моряка, привыкшаго къ борту корабля, сплошь унизанному пушками. Это отчасти подверждаетъ высказанное выше мнѣніе, что Тотлебенъ не вездѣ былъ полноправнымъ распорядителемъ по инженерному дѣлу. О первоначальномъ слабомъ укрѣпленіи Корабельной стороны, составлявшей ключъ къ Севастополю, я не говорю, такъ какъ сами осаждающіе не скоро оцѣнили ея значеніе.

Артиллерійская прислуга на передовой линіи въ первое время состояла исключительно изъ матросовъ, смышлености, ловкости, храбрости и самоотверженію которыхъ трудно отдать должную справедливость. Командирами бастіоновъ и батарей также были храбрые и достойные офицеры черноморскаго

флота; заслуги, оказанныя ими, громадны и оцѣнены единодушнымъ голосомъ Россіи, и я нисколько не дерзаю умалять ихъ, если скажу, что имъ недоставало однако спеціальныхъ свѣдѣній въ артиллерійскомъ дѣлѣ, во всей ихъ обширности, которыя и не входили въ кругъ образованія моряковъ того времени. А между тѣмъ, во второй періодъ осады, когда всѣ дѣйствія сосредоточились съ одной стороны—въ подступахъ къ укрѣпленіямъ, а съ другой—въ противодѣйствіи этимъ подступамъ, спеціальныя артиллерійскія знанія оказались необходимыми. Вообще, дѣйствительность артиллерійской стрѣльбы не совершенствовалась, по мѣрѣ приближенія осадныхъ работъ, какъ слѣдовало бы, а напротивъ ослабѣвала. Объясненіе очень просто. Въ началѣ руководили стрѣльбою опытные и обученные корабельные наводчики (комендоры); но потомъ, по мѣрѣ убыли комендоровъ, мѣста ихъ занимали простые матросы, а послѣднихъ замѣщали пѣхотные солдаты. Притомъ, въ лабараторіяхъ морского вѣдомства не было порядка, и заряды приготовлялись крайне небрежно. Говорю это по собственному опыту и притомъ въ крупномъ размѣрѣ. По вступленіи въ командованіе, осенью 1855 г., редутомъ № 37 на Инкерманѣ, при повѣркѣ пороховаго погреба, я не нашелъ почти ни одного заряда не только обусловленнаго, но и одинаковаго вѣса. Съ пріѣздомъ кн. Горчакова, стали назначать на бастіоны, для командованія батареями, офицеровъ полевой артиллеріи, но мѣра эта не получила большого примѣненія, вслѣдствіе упрямства Нахимова, не желавшаго никого, кромѣ своихъ моряковъ.

Сентября 27-го союзники заложили первую параллель, или правильнѣе первыя свои батареи, а 5 октября открыли бомбардированіе, извѣстное въ исторіи севастопольской обороны подъ именемъ перваго.—Бомбардированіемъ въ Севастополѣ называлось такое дѣйствіе непріятельской артиллеріи, когда она бросала всевозможные снаряды тучами и когда на укрѣпленіяхъ не оставалось аршина пространства, куда бы

безпрестанно не падали эти снаряды. Книжныя наши понятія о бомбардировкахъ оказались никуда негодными. Первая бомбардировка 5 октября, по новизнѣ своей, произвела на первыхъ порахъ едва не панику между обороняющимися, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ матросы начали было покидать свои пушки; но скоро всѣ осмотрѣлись и стали отстрѣливаться спокойно и самоувѣренно, въ особенности, когда замѣтили, что изъ непріятельской пальбы выходило болѣе грому, чѣмъ дѣйствительнаго вреда собственно для артиллерійской прислуги, по той причинѣ, что непріятельскія батареи были далеко и стрѣляли преимущественно сплошными снарядами (ядрами), падавшими за укрѣпленіями. При всемъ томъ, потеря наша въ первую бомбардировку была очень велика, во 1-хъ, потому, что, въ ожиданіи штурма, на укрѣпленіяхъ собраны были войска, а во 2-хъ, потому что, по новости дѣла, артиллерійская прислуга была слишкомъ многочисленна. Значительная доля потери произошла вслѣдствіе взорванія пороховыхъ погребовъ, при спѣшности строенныхъ на живую нитку.—Первая бомбардировка имѣла еще грандіозный видъ вслѣдствіе участія въ ней 5 октября огромнаго флота союзниковъ. Масса снарядовъ, выпущенныхъ непріятельскими кораблями, дѣйствительно была поразительна; напр. у стѣнъ Константиновскаго форта въ слѣдующіе дни насчитано до 3 тысячъ 30 фунтовыхъ ядеръ. Изъ береговыхъ фортовъ, отвѣчавшихъ караблямъ, потерпѣли нѣсколько Александровскій и Константиновскій; у послѣдняго верхняя банковая батарея принуждена была замолчать. Въ свою очередь, непріятельскій флотъ, не смотря на отдаленную позицію, которую занялъ онъ (отъ 500 до 750 саж.), не избѣжалъ поврежденій, судя по прибитымъ къ нашему берегу осколкамъ дерева и цѣлымъ мачтамъ. Разсказывали анекдотъ изъ времени первой бомбардировки о томъ, что одинъ изъ командировъ прибрежныхъ земляныхъ батарей, армейскій офицеръ, стрѣлялъ 5 октября по кораблямъ картечью, о чемъ и разсказалъ князю Меньшикову, когда тотъ осматривалъ батарею; анекдотъ этотъ ха-

рактеризуетъ нѣсколько севастопольскіе порядки того времени.

Безконечные споры по вопросу: могъ ли непріятельскій флотъ ворваться въ Севастопольскую бухту, если-бы она не была защищена затопленными судами, едва ли не правильнѣе разрѣшить отрицательно, даже и въ томъ невѣроятномъ случаѣ, когда бы форты Александровскій или Константиновскій были разрушены, или заняты непріятелемъ. Въ Севастополѣ выдавали за несомнѣнный фактъ, въ которомъ однако позволяю себѣ усомниться, попытку англичанъ высадить 5 октября дессантъ для овладѣнія Константиновскимъ фортомъ. По словамъ находившагося на послѣднемъ офицера, были спущены уже шлюпки съ войсками, при видѣ которыхъ на батареѣ распространилась паника, и только присутствіе духа нѣкоторыхъ офицеровъ, ставшихъ въ проходахъ съ обнаженными саблями, воспрепятствовало орудійной прислугѣ разбѣжаться, а, между тѣмъ, нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ съ сосѣдней батареи—Волохова башня—затопили одну шлюпку, что и заставило остальныя повернуть назадъ. Не отрицая сказанной попытки, я склоненъ предполагать цѣлью ея что либо другое, но никакъ не завладѣніе Константиновскою батарею. Справедливость требуетъ сказать, что все пространство большого сѣвернаго рейда защищалось безукоризненно хорошо батареями Сѣверной стороны и фортами Михайловскимъ, Павловскимъ и Николаевскимъ и казалось бы, что пробившійся корабль, подъ сосредоточеннымъ огнемъ ихъ, неминуемо долженъ быть взорванъ или потопленъ. Но съ другой стороны, боязливое опасеніе со стороны вполнѣ компетентныхъ лицъ за доступность бухты, выразившееся въ спѣшномъ затопленіи почти всего черноморскаго флота, частію—съ полнымъ вооруженіемъ и 4-хъ мѣсячнымъ запасомъ продовольствія, имѣло же свое основаніе.

Кстати о севастопольскихъ фортахъ. Они были громадны, стоили многихъ милліоновъ, но построены были недобросовѣстно, какъ строится у насъ все казенное. Въ самой тех-

никѣ ихъ крылись недостатки: своды были слабы и не выдерживали бомбъ большого калибра, какъ оказалось на Константиновскомъ 6 октября; не представлялось свободнаго выхода пороховому дыму и потому безпрерывная пальба не могла имѣть мѣста. Самый важный изъ фортовъ, по положенію своему, былъ Константиновскій, самый громадный—Николаевскій—на 900 слишкомъ пушекъ, представлявшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, блиндированную казарму на 10 тыс. человѣкъ.—Съ постройкой послѣдняго соединено преданіе, что строитель-инженеръ сократилъ его противъ плана на одну амбразуру; замѣтили это только тогда, когда все зданіе было выведено подъ крышу. Никто будто бы не рѣшился доложить объ этомъ покойному Императору.

Самая чувствительная потеря Севастополя и Россіи въ первую бомбардировку заключалась въ Корниловѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что это былъ единственный человѣкъ, таившій въ себѣ способность дать совершенно иной ходъ крымскимъ событіямъ; такъ много обѣщали его умъ, дарованія, энергія и авторитетъ въ глазахъ князя Меньшикова. Первоначальныя укрѣпленія, отстоявшія Севастополь въ началѣ осады, обязаны своимъ возникновеніемъ и устройствомъ Корнилову; ему же предстояла послѣдующая роль главнаго и талантливаго руководителя въ дѣлѣ обороны города, помощника и совѣтника главнокомандующаго. Послѣднее представляло неизмѣримую важность въ томъ отношеніи, что гарантируя для Севастополя власть единую, твердую и разумную, устранило бы утвердившіяся въ немъ впослѣдствіи безначаліе, неспособность, интриги и борьбу за власть и вліяніе, такъ могущественно вліявшія на неуспѣхъ Крымской войны вообще и обороны Севастополя въ особенности.—Послѣ Корнилова у насъ не осталось никого въ уровень съ событіями того времени, и въ смерти его заключалось какъ бы первое зловѣщее указаніе на исходъ войны.

Дни отъ 5 до 8 октября Севастополь переживалъ въ трепетномъ ожиданіи общаго энергическаго штурма, но напрасно:

непріятель, обманувшись въ надеждахъ на срытіе своими выстрѣлами вновь выросшихъ укрѣпленій, которые, напротивъ, разгромили его собственную артиллерію, уже не помышлялъ о штурмѣ и, въ виду спѣшившихъ къ намъ подкрѣпленій, впервые сталъ озираться на собственное положеніе. Неудача первой бомбардировки вообще имѣла сильное нравственное вліяніе на союзниковъ; прежняя самонадѣянность ихъ исчезла, они надолго перешли къ осторожности, колебаніямъ и нерѣшительности и принялись за правильную осаду, избравъ пунктомъ атаки 4 бастіонъ, къ которому вслѣдъ затѣмъ и повели траншейные подступы. Такимъ образомъ, въ половинѣ октября Севастополь былъ уже внѣ всякой близкой опасности, и князь Меньшиковъ перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

Первыя значительныя подкрѣпленія, прибывшія въ Крымъ послѣ Альминскаго сраженія, состояли изъ двухъ дивизій кавалеріи, которая если не приняла существеннаго участія въ крѣпостной войнѣ, то была весьма полезна въ томъ отношеніи, что подавила всякое броженіе въ татарскомъ населеніи полуострова и обезпечила насъ со стороны Евпаторіи, гдѣ укрѣпились Турки. 12 октября пришла подъ Севастополь 12-я пѣхотная дивизія. Идея Инкерманскаго сраженія въ это время созрѣвала уже въ головѣ князя Меньшикова, и онъ безотлагательно приступилъ къ подготовкѣ его. Цѣль Кадыкіойскаго сраженія 13 октября состояла въ овладѣніи непріятельской позиціей впереди дер. Чаргуна, столь важной для послѣдующихъ видовъ нашихъ на Сапунъ гору, что открывало возможность дѣйствовать въ тылъ союзникамъ и на сообщенія ихъ съ Балаклавою, отнимая у нихъ въ то же время воду изъ рч. Черной и фуражъ изъ Байдарской долины. Нападеніе окончилось успѣшно и имѣло результатомъ взятіе 4-хъ редутовъ съ 11 пушками и истребленіе двухъ полковъ англійской кавалеріи. Въ одномъ изъ редутовъ солдаты наши захватили нѣсколько мѣшковъ турецкихъ серебряныхъ меджидіе, которые потомъ продавали по 20 к. штуку, спѣша поскорѣе избавиться отъ „басурманской нечисти“.

Съ прибытіемъ остальныхъ двухъ дивизій 4 пѣхотнаго корпуса, располагая, кромѣ Севастопольскаго гарнизона, сорока тысячною арміею, князь Меньшиковъ проигралъ 24 октября знаменитое Инкерманское сраженіе. Цѣль его заключалась въ овладѣніи Сапунъ горою, какъ въ первомъ шагѣ къ освобожденію города отъ осады, за которымъ должно было слѣдовать оттѣсненіе союзниковъ къ Балаклавѣ и совершенное изганіе ихъ изъ Крыма. Оно было соображено основательно, соединяло всѣ данныя къ полному успѣху и тѣмъ не менѣе обратилось въ кровавое и рѣшительное пораженіе, благодаря непостижимымъ ошибкамъ частныхъ начальниковъ. Главнымъ виновникомъ неудачи считаютъ генерала Данненберга, командира 4 пѣхотнаго корпуса, составителя и исполнителя плана сраженія.—Я зналъ Данненберга и хорошо присмотрѣлся къ нему въ 1846—1848 гг., въ Одессѣ, когда онъ былъ начальникомъ штаба 5-го пѣхотнаго корпуса генерала Лидерса, а я состоялъ въ прикомандированіи къ тому штабу въ качествѣ причисленнаго къ генеральному штабу. Онъ пользовался репутаціей свѣдущаго въ военномъ дѣлѣ генерала. И дѣйствительно, это былъ умный, отлично образованный и притомъ честный и благонамѣренный человѣкъ, выдѣлявшійся своимъ сдержаннымъ характеромъ и деликатнымъ обращеніемъ. Но было что то странное, непрактическое и неприложимое къ русской почвѣ во всемъ, что составляло Данненберга: въ его складѣ ума и пріемахъ, однимъ словомъ, въ каждомъ шагѣ. Еще въ то время много говорили о какихъ то его проектахъ замѣны солдатскаго ранца карманами и о новой формѣ солдатской шинели, проектахъ, вызывавшихъ однѣ улыбки. Вообще это былъ нѣмецкій мужъ, туманный мыслитель и теоретикъ временъ гофъ-кригсъ-рата. Такимъ оказался онъ и подъ Инкерманомъ; составленный имъ планъ нападенія былъ разсчитанъ математически правильно, но не былъ примѣренъ къ второстепеннымъ исполнителямъ, которымъ не разъяснили смысла выраженій: по сю-сторону и по ту-сторону; онъ предусматривалъ множество мелочей, но не предусмотрѣлъ время,

необходимое для построенія моста на рч. Черной, чрезъ который предстояло переходить цѣлой пѣхотной дивизіи и многочисленной артиллеріи. И вышло такимъ образомъ, что одни ничего не поняли, другіе вездѣ опоздали и все переврали. Далекій отъ глумленія надъ несчастливцами, бывшими виновниками этого безпримѣрнаго пораженія, изъ которыхъ нѣкоторые искупили честною смертію свои ошибки, я никогда не могъ подавить въ себѣ болѣзненнаго чувства при видѣ этихъ отвѣсныхъ скалъ Сапунъ горы, 30 саженной высоты, съ которыхъ 24 октября сбрасывались внизъ цѣлые батальоны наши, а видѣть ихъ приходилось ежедневно впродолженіе семи мѣсяцевъ. Громко обвинялся еще генералъ Липранди, командовавшій Чоргунскимъ отрядомъ и своимъ бездѣйствіемъ дозволившій французамъ подкрѣпить во время англичанъ, изнемогавшихъ въ борьбѣ съ нашими полками. Одно движеніе впередъ со стороны Липранди и—Боске съ своимъ корпусомъ долженъ былъ бы оставаться на мѣстѣ, а тогда сраженіе было бы выиграно, несмотря на всѣ первоначальныя ошибки. Къ несчастію Липранди былъ не изъ такихъ, которые отваживаются на доблестные и самоотверженные подвиги. Потеря 10 тысячъ выбывшими изъ строя, упадокъ нравственнаго духа въ войскахъ, недовѣріе ихъ къ своимъ начальникамъ и недовѣріе къ войскамъ князя Меньщикова были результатами неудачи, надолго поставившей русскую армію въ пассивное положеніе. Судьба Крымской кампаніи была предрѣшена: лучшій моментъ для освобожденія Севастополя упущенъ, дѣйствія наши утратили послѣднюю самоувѣренность, а въ арміи началось нравственное разложеніе, приведшее къ неслыханнымъ дотолѣ злоупотребленіямъ. Непріятель, послѣ Инкерманскаго сраженія, почти совсѣмъ пріостановилъ осадныя работы и обратилъ все вниманіе на укрѣпленіе Сапунъ горы, Балаклавскихъ высотъ и Камышевой бухты. Осажденные продолжали усиливать атакованный 4 бастіонъ, мало озабочиваясь Корабельною стороною.

Осада Севастополя, по ходу и характеру, раздѣляется на

два періода: первый до мая 1855 г. при Канроберѣ, когда атака велась на городскую сторону—на 4 бастіонъ, отличался вялостью, нерѣшительностію и безуспѣшностію; второй—со вступленія въ командованіе французскою арміею Пелисье, перенесшаго атаку на Корабельную сторону—на Малаховъ курганъ, обозначился энергіею и смѣлостью. Канроберу много ставили въ вину ошибочный выборъ 4-го бастіона для веденія атаки. Не входя въ безполезный разборъ этого обвиненія, нужно замѣтить, что если и была со стороны Канробера ошибка, то послужила она всецѣло на пользу осаждающаго, а не осажденнаго. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы атакующій съ самаго начала обратился на Корабельную, то осажденный, въ свою очередь, не замедлилъ бы наилучшимъ укрѣпленіемъ ея, что въ продолженіи глубокой осени и зимы, въ эпоху бѣдственнаго состоянія союзныхъ армій, могъ исполнить безпрепятственно; приступать же къ этому съ весны, какъ онъ сдѣлалъ, оказалось слишкомъ поздно, подъ огнемъ оправившагося и усилившагося непріятеля. Къ тому же, съ пріѣздомъ князя Горчакова, былъ поставленъ вопросъ: слѣдуетъ ли вообще защищать Севастополь; онъ оставался открытымъ до послѣдняго дня обороны и не могъ не влiять на дѣятельность Тотлебена. Въ апрѣлѣ—маѣ выгоды осаждающаго требовали перемѣны пункта атаки ни раньше, ни позже; заслуга Пелисье состоитъ въ томъ, что онъ угадалъ слабую сторону осажденнаго; но безъ ошибокъ послѣдняго, помогшихъ Пелисье выдвинуться и пріобрѣсти авторитетъ, мнѣнія его едва ли бы восторжествовали во время.

Въ ноябрѣ и декабрѣ положеніе обѣихъ сторонъ было таково. Осадныя работы, заложенныя въ чрезмѣрно далекомъ разстояніи, почти вовсе перестали подвигаться впередъ, и выстрѣлы осаждающаго, не достигая внутренности города, мало вредили ему. Послѣ Инкерманскаго сраженія въ Крыму осталось не болѣе 35 т. штыковъ въ союзныхъ арміяхъ, считая до 23.000 французовъ и до 12.000 англичанъ, разбросанныхъ отъ Балаклавы до Камышевой бухты по Сапунъ

горѣ и траншеямъ передъ Севастополемъ; изъ осаждающихъ они перешли въ положеніе осажденныхъ и на свои траншеи стали смотрѣть какъ на средства къ оборонѣ и защитѣ противъ вылазокъ или нападеній изъ Севастополя. Буря 2 Ноября, потопившая много транспортныхъ судовъ, отозвалась недостаткомъ въ теплой одеждѣ и лишеніями всякаго рода, которыя въ свою очередь вызвали болѣзни и смертность. Французская армія, составленная по преимуществу изъ полковъ, закаленныхъ въ африканской войнѣ, еще лучше переносила труды и лишенія передъ Севастополемъ, но англійская не выдержала, и къ веснѣ въ рядахъ ея осталась лишь горсть людей изъ числа высадившихся въ Евпаторіи. У англичанъ уже сдѣланы были распоряженія объ отступленіи въ Балаклаву для обратной посадки на суда: они должны были, въ случаѣ атаки русскихъ, бросить всю свою артиллерію, какъ осадную, такъ и полевую, по совершенному неимѣнію лошадей, и защищать укрѣпленія передъ Балаклавой одними штуцерами. Въ лагерѣ французовъ, истощаемыхъ траншейной службою въ долгія сырыя и холодныя ночи, также нерѣдко поселялось отчаяніе; по собственному ихъ сознанію, бывали моменты, когда осажденные могли, почти безъ отпора, завладѣть всѣми траншеями и батареями, если-бы только атаковали рѣшительно и въ достаточныхъ силахъ. Нельзя допускать, чтобы кн. Меньшиковъ черезъ лазутчиковъ и толпами перебѣгавшихъ дезертировъ не зналъ о бѣдственномъ состояніи противника, и потому остается вѣрить, что онъ не въ состояніи былъ предпринять что либо рѣшительное. Современное состояніе Русской арміи въ Крыму немногимъ отличалось отъ армій союзниковъ. Князь Меньшиковъ ни прежде, ни послѣ не имѣлъ правильно организованнаго штаба, что при недостаткѣ административнаго навыка у самого главнокомандующаго, породило въ войскахъ безпорядки и злоупотребленія. Армія нуждалась во всемъ: въ пищѣ, одеждѣ, фуражѣ, боевыхъ припасахъ, и некому было заботиться объ удовлетвореніи этихъ нуждъ. Начальники частей, предоставленные самимъ

себѣ, вынуждены были брать все необходимое у мѣстныхъ жителей, и такимъ образомъ край разорялся, вопреки основному правилу военной науки. Самъ же главнокомандующій, заключившись въ Севастополѣ, гдѣ впрочемъ какъ бы устранялъ себя отъ непосредственнаго руководства обороною, посылалъ въ Петербургъ однѣ успокоительныя донесенія, совершенно умалчивая о нуждахъ арміи, изъ опасенія скомпрометировать себя требованіемъ денегъ. Крымская армія послѣ Инкерманскаго сраженія не могла вывести въ строй и 30.000 штыковъ, болѣзни же и госпитали ежедневно сокращали ее. Состояніе госпиталей было ужасно; въ медикахъ чувствовался крайній недостатокъ, а медикаментовъ и госпитальныхъ принадлежностей вовсе не было. Но преобладающее препятствіе къ военнымъ операціямъ заключалось въ недостаткѣ продовольствія: интендантской части въ арміи не существовало, страна была разорена, дороги непроходимы и о сборѣ въ Севастополѣ 7 дневнаго продовольствія на 30—40 т. человѣкъ нельзя было и помышлять.

Изъ приближенныхъ князя Меньшикова наибольшимъ довѣріемъ его пользовался полковникъ Вуншъ, какъ утверждали, еврейскаго происхожденія, человѣкъ умный и вкрадчивый, но мало знакомый какъ съ военной наукой, такъ и съ военной администраціей. Онъ былъ командиромъ одного изъ черноморскихъ линейныхъ батальоновъ, съ которымъ и попалъ въ Крымъ. До назначенія генерала Семякина начальникомъ штаба Крымской арміи, Вуншъ считалъ себя въ этомъ званіи и даже носилъ мундиръ генеральнаго штаба; общимъ правиломъ его было—скрывать отъ главнокомандующаго всѣ нужды и потребности арміи, чтобы не обнаружить несостоятельности своей въ дѣлѣ устраненія ихъ. Семякинъ же, въ видахъ сохраненія добрыхъ отношеній съ любимцемъ главнокомандующаго, раздѣлился съ Вуншемъ, уступивъ ему части продовольственную и наградную. Оба эти лица старались представить кн. Меньшикову положеніе дѣлъ въ самомъ наилучшемъ видѣ, въ чемъ по временамъ сами были добросовѣстно убѣждены. Семякинъ,

никогда до того не управлявшій большою частью, образовалъ свой штабъ по образцу полкового, изъ одного старшаго адъютанта, одного казначея и одного квартирмистра. На обязанности этого штаба лежало, между прочимъ, завѣдываніе пожертвованіями, присылаемыми въ армію. Каково было завѣдываніе— можно судить потому, что были выпиты въ штабѣ водка и ликеръ, однажды присланные для Великихъ Князей. Князь Меньшиковъ постоянно говорилъ: „насъ въ Петербургѣ судятъ по конвертамъ“ —и всегда высказывалъ неудовольствіе, когда ему докладывали, что войска нуждаются въ деньгахъ, вслѣдствіе чего начальникъ штаба не рѣшался напоминать ему о деньгахъ; требованія же денегъ со стороны начальниковъ частей оставлялъ безъ движенія. Ближайшимъ послѣдствіемъ подобной системы было то, что начальники отдѣльныхъ частей, руководствуясь правиломъ, что правительство, не отпуская слѣдуемаго, не имѣетъ права требовать должнаго, перестали заботиться о благосостояніи ихъ. Напр., въ Уральскомъ казачьемъ № 1 полку, содержавшемъ аванпосты у Чоргуна, половина людей поумирала отъ лишеній разнаго рода, а лошади пообъѣдали другъ у друга гривы и хвосты. Назначенное слѣдствіе окончилось тѣмъ, что полкъ отослали на поправку за Перекопъ. Если это могло случиться въ казачьемъ полку, то что же было въ прочихъ войскахъ!?... Въ полевой артиллеріи буквально ни одна батарея не имѣла полнаго комплекта лошадей, попадавшихъ отъ голода. Команды, расположенныя въ степной части Крыма, продовольствовались на счетъ жителей, у которыхъ подъ этимъ предлогомъ отбирались рогатый скотъ, овцы, верблюды и лошади, сѣно и хлѣбъ, и цѣлыми караванами отправлялись для продажи за Перекопъ; находившіеся же въ окрестностяхъ Севастополя вовсе не кормили лошадей, предоставляя имъ питаться подножнымъ кормомъ. Въ сказанномъ не трудно найти объясненіе, почему Русская армія, въ періодъ наибольшаго безсилія непріятеля, оставалась недѣятельною и не могла перейти даже къ частнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ. Декабрь мѣсяцъ отмѣченъ въ Севастополѣ частыми

вылазками, которыя, впрочемъ, не имѣли опредѣленной цѣли и, производимыя небольшими командами охотниковъ, не приносили никакой дѣйствительной пользы. Хотя успѣшность этихъ вылазокъ сама собою указывала на слабость противника, но при всемъ томъ она не навела на мысль испытать вылазку въ бо́льшемъ размѣрѣ, которая тотчасъ обнаружила бы полное безсиліе англичанъ и по малой мѣрѣ передала бы въ руки осажденнаго Сапунъ-гору. Передовыя непріятельскія траншеи въ декабрѣ отстояли отъ 4 бастіона въ 75 саж., отъ 5-го—въ 300 с., отъ 3-го—въ 400 с. и еще дальше отъ Малахова кургана. Декабря 7 осажденные заложили первыя минныя работы во рву 4-го бастіона.

Съ минной войной въ Севастополѣ неразрывно связано имя сапернаго офицера Мельникова, получившее европейскую извѣстность и пользовавшееся большимъ уваженіемъ въ непріятельскихъ арміяхъ. Умолчать о немъ тѣмъ болѣе трудно, что ни объ одномъ изъ выдававшихся Севастопольскихъ дѣятелей не существовало столь противорѣчивыхъ сужденій, отзывовъ и слуховъ, какъ о Мельниковѣ; одни горячо превозносили его, другіе же, преимущественно товарищи по оружію, безпощадно унижали. Истина же въ томъ, что Мельниковъ дѣйствительно былъ отличный минеръ; съ глубокимъ пониманіемъ миннаго искусства онъ соединялъ рѣдкую проницательность намѣреній противника въ подземной войнѣ и столь же рѣдкую способность—оставаться долгое время въ темныхъ, душныхъ и смрадныхъ минныхъ галлереяхъ. Отсюда произошло приданное ему между Севастопольцами названіе *кротъ* или *оберъ-кротъ*. Дѣлу своему онъ отдавался со страстію и увлеченіемъ, жертвовалъ ему своимъ здоровьемъ и достойно заслужилъ если не признательность соотечественниковъ, то—уваженіе враговъ. Въ Севастополѣ нашлись однако соперники его, считавшіе себя также геніями и въ этой отрасли инженерной науки; они не могли относиться къ Мельникову безпристрастно еще потому, что этотъ не признавалъ ихъ авторитета и, несмотря на подчиненное положеніе свое, не

подчинялся слѣпо ихъ указаніямъ, коль скоро находилъ такія ошибочными. Когда народившаяся такимъ образомъ личная вражда оказалась безсильною существенно повредить Мельникову, сильному установившеюся репутаціею, тогда сторонники противной болѣе сильной партіи, въ угодность ея патрону, задумали побороть его клеветою. Вотъ источникъ ходившихъ въ Севастополѣ басенъ о невѣжествѣ Мельникова въ инженерномъ дѣлѣ, о непониманіи миннаго искусства, о промахахъ въ его минныхъ работахъ. Доходили до того, что Мельникову угрожали военнымъ судомъ, когда онъ взорвалъ совсѣмъ изготовленную контръ-мину, не выжидая прибытія начальства, изъявившаго желаніе присутствовать при взрывѣ и нѣсколько разъ послѣдовательно отлагавшаго свое прибытіе. Мельниковъ вышелъ изъ Севастополя обойденнымъ въ чинахъ не только сверстниками, но и младшими по службѣ, съ одною существенною наградою—Георгіевскимъ крестомъ, пожалованнымъ по личному назначенію Государя, сгорбленный, съ совершенно разстроеннымъ здоровьемъ. Послѣ войны ему предлагали, во время инспекторскаго смотра саперной бригадѣ (въ Кіевѣ), въ которой онъ служилъ, „покойное мѣсто“ командира внутренняго гарнизоннаго батальона, отъ котораго онъ съ негодованіемъ отказался. Говорятъ, что у Мельникова сохраняется до сего времени подлинный журналъ минныхъ работъ, веденный въ Севастополѣ, не вполнѣ согласный съ напечатаннымъ оффиціальнымъ, и прибавляютъ, что журналъ этотъ служилъ для Мельникова въ родѣ талисмана, предохраняющаго его отъ болѣе серьезныхъ послѣдствій стараго соперничества *).

Насталъ январь 1855 г. Положеніе союзниковъ стало во всѣхъ отношеніяхъ улучшаться; къ нимъ начали прибывать

*) Если не ошибаюсь въ 1870 г., при случайной встрѣчѣ на желѣзной дорогѣ съ однимъ изъ сослуживцевъ Мельникова того времени, я полюбопытствовалъ освѣдомился у него про этотъ журналъ, безъ сомнѣнія весьма драгоцѣнный для правдивой исторіи Севастопольской обороны. Тотъ отвѣчалъ, что журналъ требуетъ систематической сводки и хотя нѣкоторой обработки, а Мельниковъ тяжелъ на подъемъ и лѣнивъ писать.

значительныя подкрѣпленія. Въ этомъ же мѣсяцѣ пріѣхалъ для руководства осадой французскій генералъ Ніель, считавшійся однимъ изъ лучшихъ инженеровъ во французской арміи. Въ представленномъ имъ донесеніи императору Наполеону была высказана мысль, что необложенный Севастополь можно считать неприступнымъ и взять его почти нельзя. Всѣ свои разсчеты союзники полагали въ томъ, что съ весны Русскіе опять перейдутъ къ наступленію, послѣ отраженія котораго быть можетъ представится возможность обложить Севастополь со всѣхъ сторонъ. Въ концѣ января прибылъ въ Крымъ генералъ Пелисье и, при первомъ обозрѣніи осадныхъ работъ, указалъ на ошибку въ выборѣ атаки на 4 бастіонъ, вмѣсто Малахова кургана, но тогда голосъ его не имѣлъ еще вѣсу.

Около этой же поры, повидимому въ Петербургѣ, стали составляться планы наступательныхъ дѣйствій въ Крыму, которымъ должно было предшествовать овладѣніе Евпаторіей. Планы эти не имѣли шансовъ на успѣхъ, потому что затрудненія союзниковъ уже миновали и численная сила ихъ армій превосходила нашу армію, неустройства въ которой продолжались по-прежнему, и вновь прибывавшія войска пополняли только одну убыль отъ болѣзней. Князь Меньшиковъ понималъ, что наступленіе при такихъ обстоятельствахъ будетъ пагубно, но высказать это прямо онъ не рѣшался и съ лукавымъ намѣреніемъ предоставилъ генералу Хрулеву сдѣлать попытку, чтобы краснорѣчіемъ самихъ фактовъ доказать Петербургу неудобоисполнимость его смѣлыхъ разсчетовъ. Вообще мысль о взятіи Евпаторіи не принадлежала князю Меньшикову, но она нравилась покойному Императору, далеко не знавшему объ истинномъ положеніи дѣлъ; едва ли не послѣдовало прямого приказанія о приведеніи ея въ исполненіе. Адмиралъ очень сомнѣвался въ успѣхѣ предпріятія, но начальникъ его штаба былъ другого мнѣнія и до того успѣлъ убѣдить своего начальника, что тотъ сталъ наконецъ охотно прислушиваться къ разсказамъ Семякина о блестящей побѣдѣ и важныхъ результатахъ ея. Въ это время князь Меньшиковъ называлъ Семякина

не иначе какъ по имени и отчеству—„Константинъ Романовичъ",—послѣ же неудачи 5 февраля не хотѣлъ его видѣть, долго не принималъ даже съ докладами и уѣхалъ, не простясь съ нимъ. Когда командовавшій Евпаторійскимъ отрядомъ ген. Врангель отказался отъ выполненія предписаннаго ему нападенія, за него взялся будущій Севастопольскій герой—генералъ Хрулевъ. Доброжелатели Хрулева упрекали его за сговорчивость въ этомъ случаѣ, а недоброжелатели указывали на нее, какъ на аргументъ въ пользу непониманія имъ военнаго дѣла. Въ дѣйствительности и тѣ, и другіе неправы: Хрулевъ строго держался правила—никогда и ни отъ чего не отказываться, правила, которому не измѣнилъ и 5 февраля.

Евпаторія лежитъ на плоскомъ морскомъ берегу и въ послѣднее время, какъ только непріятель провѣдалъ о намѣреніяхъ нашихъ, была укрѣплена довольно основательно. Городъ и пространство между нимъ и берегомъ, а отчасти и предъ городскими укрѣпленіями, обстрѣливались съ кораблей. Въ случаѣ занятія укрѣпленій, атакованные могли, подъ прикрытіемъ своихъ кораблей, сѣсть на суда; удержаться же атакующимъ въ занятомъ городѣ было трудно подъ огнемъ съ кораблей. Къ тому же, самое покореніе Евпаторіи не приносило стратегическихъ выгодъ для Русскихъ и не вліяло бы на главныя операціи подъ Севастополемъ. Атака Хрулева, предпринятая 5 февраля, была отбита вслѣдствіе того, что штурмовыя лѣстницы оказались короткими. При этомъ нельзя не поставить ему въ заслугу, что онъ не упорствовалъ въ ней. Дѣло это еще замѣчательно въ томъ отношеніи, что войска наши сохраняли стройный порядокъ до послѣдняго момента сраженія, отъ чего давно отвыкли въ Крымской арміи.

Князь Меньшиковъ дожидался только результата атаки на Евпаторію, чтобы испросить себѣ увольненіе отъ званія главнокомандующаго Крымскою арміею; было совершенно достаточно для его собственнаго убѣжденія, что при осложнявшихся съ каждымъ днемъ обстоятельствахъ, онъ не въ силахъ былъ руководить событіями. Преемникомъ его назначенъ князь Горча-

ковъ. Достойны вниманія предшествовавшія отношенія Горчакова къ Крымской арміи. Узнавъ о высадкѣ, онъ сказалъ: „теперь предстоитъ Меньщикову получить фельдмаршальскій жезлъ, и я отъ души желаю ему того“. Горчаковъ вполнѣ доказалъ, что слова эти были искренни и отвѣчали дѣйствіямъ, выказывавшимъ въ немъ высокій патріотизмъ и пренебреженіе личными интересами. Меньщиковъ не вдругъ понялъ величіе души Горчакова и долго не довѣрялъ его искренности, не смотря на то, что тотъ съ перваго же разу прислалъ къ нему лучшихъ своихъ инженеровъ и офицеровъ генеральнаго штаба, а потомъ щедрою рукою присылалъ войска, медиковъ, госпитальные припасы и наконецъ послалъ своего генералъ-интенданта Затлера.

Затлеръ есть безспорно одна изъ замѣчательныхъ личностей, прославленныхъ Крымскою войною. Не касаясь тѣхъ злоупотребленій, которые приписываютъ ему въ отношеніи расходованія казенныхъ денегъ, нельзя не отдать справедливости искусству, съ которымъ онъ успѣлъ вывести, въ короткое время, Крымскую армію изъ безнадежнаго, по общесложившемуся мнѣнію, положенія относительно продовольствія. По пріѣздѣ въ Крымъ, Затлеръ представилъ князю Меньщикову записку, въ которой изложилъ: 1) отчаянное положеніе арміи относительно продовольствія, 2) въ какомъ видѣ должна находиться эта часть, 3) какъ исправить сдѣланное уже зло, т. е. разореніе той части полуострова, въ которой находились войска, вслѣдствіе чего на мѣстѣ нельзя было достать ничего съѣстнаго, а сѣна—ближе 300 верстъ и наконецъ 4) какъ возстановить дороги и сообщенія, почти совершенно прерванныя и создать транспортныя средства. Меньщиковъ провелъ нѣсколько вечеровъ въ бесѣдахъ съ Затлеромъ, благодарилъ его за уясненіе предмета и оправдывался тѣмъ, что у нихъ во флотѣ интендантская часть не входитъ въ соображенія адмирала и совершенно ему неизвѣстна. Затлеръ убѣдилъ его просить денегъ изъ Петербурга, говоря: „дитя не плачетъ— мать не знаетъ“. Распоряженія Затлера, по составленному

имъ проекту, должны были принести слѣдующіе результаты: къ концу февраля армія должна быть снабжена всѣми запасами на 1 мѣсяцъ, а къ концу марта—на 3 мѣсяца, что дѣйствительно и исполнено. Съ тѣхъ поръ въ Крыму не знали что значитъ недостатокъ въ продовольствіи.

Еще до прибытія новаго главно-командующаго осажденные обратили наконецъ вниманіе на Корабельную сторону и въ февралѣ заложили редуты: Селенгинскій (10-го числа), Волынскій (16-го ч.) за Киленъ-балкой и Камчатскій (26-го ч.) впереди Малахова кургана. Кому принадлежала первая мысль о постройкѣ этихъ укрѣпленій и выходила ли она изъ плана о постепенномъ овладѣніи Сапунъ-горой, приписываемаго генералу Остенъ-Сакену, временно начальствовавшему тогда въ Крыму, утвердительно не говорили; достовѣрно извѣстно только, что изъ начальствовавшихъ первое время въ Севастополѣ, съ Тотлебеномъ включительно, никто не сознавалъ значенія Корабельной и никто не предугадывалъ роли, которую суждено было играть впослѣдствіи Малахову кургану, за исключеніемъ развѣ артиллерійскаго генерала Тимофеева, предсказывавшаго еще въ началѣ осады, что рано или поздно осаждающіе обратятся всѣми силами на Малаховъ курганъ и потому совѣтовавшаго заблаговременно позаботиться объ укрѣпленіи его. Но мнѣніе это такъ мало отвѣчало общимъ понятіямъ, что заслужило кличку *тимофеевщины*. Значеніе редутовъ Камчатскаго, Волынскаго и Селенгинскаго, названныхъ такъ по именамъ строившихъ ихъ полковъ 11 и 14-й пѣхотныхъ дивизій, весьма важно: выдаваясь далеко передъ общею оборонительною линіею, они прикрывали Корниловскій бастіонъ и всю Корабельную и предохраняли отъ выстрѣловъ осаждающаго внутренность города, бухту и Сѣверную сторону. При существованіи ихъ взятіе Севастополя было немыслимо, и самая осада не приняла бы страшнаго колорита времени, послѣдовавшаго за паденіемъ ихъ. Изъ траншейныхъ дѣлъ, сопровождавшихъ постройку редутовъ, замѣчательны: дѣло генерала Хрущева въ ночь на 12 февраля передъ Селенгинскимъ

редутомъ, когда зуавы, подъ командой генерала Моне (Monet), атаковали наши работы, но были отражены съ жестокою потерею, вдвое превосходившею потерю Русскихъ, и кровопролитная вылазка Хрулева передъ Камчаткой, въ ночь на 11 марта, когда солдаты наши такъ увлеклись преслѣдованіемъ французовъ, что не слушались команды объ отступленіи. Оба эти дѣла весьма важны по своимъ послѣдствіямъ. Первое, поколебавшее во французахъ вѣру даже въ храбрость зуавовъ, надолго отняло у Канробера рѣшимость штурмовать русскія укрѣпленія, и нужна была вся энергія Пелисье, чтобы склонить его на новую къ тому попытку слишкомъ черезъ два мѣсяца. Оно дозволило намъ безпрепятственно окончить редуты, при чемъ французы спѣшили копать траншеи и батареи за Киленъ-балкой—въ смыслѣ обороны со стороны этихъ редутовъ. Второе остановило траншейные подступы французовъ къ Камчаткѣ, начатые впрочемъ въ видѣ диверсіи, для отвлеченія вниманія осажденныхъ отъ 4 бастіона.

Прибытіе князя Горчакова въ Севастополь было благодѣтельно въ первое время: онъ привелъ съ собою свѣжія войска, обширную власть и неограниченныя денежныя средства, устранившія нужды арміи, за исключеніемъ недостатка въ порохѣ, а главное поднялъ нравственный духъ въ войскахъ. Всѣ надѣялись, что онъ начнетъ смѣлыя наступательныя дѣйствія и сдѣлаетъ блистательный переворотъ въ кампаніи; такъ по крайней мѣрѣ обѣщалъ онъ въ приказѣ о своемъ вступленіи въ командованіе, говоря: „за мной идутъ войска и я надѣюсь скоро покончить дѣло“, или что то въ этомъ родѣ. Но почему Горчаковъ ни тотчасъ, ни вскорѣ затѣмъ не воспользовался своими средствами и возбужденнымъ духомъ арміи—въ Севастополѣ не умѣли объяснить.

Марта 7-го убитъ одинъ изъ доблестныхъ севастопольскихъ дѣятелей—контръ адмиралъ Истоминъ, начальствовавшій лѣвымъ отдѣломъ оборонительной линіи.

Между тѣмъ открылась на второй день Пасхи, 28-го марта, вторая бомбардировка по всей оборонительной линіи Севасто-

поля, продолжавшаяся 11 дней, хотя съ 5-го апрѣля она значительно ослабѣла. Огонь ея преимущественно направленъ былъ на 4 бастіонъ и сосѣдніе съ нимъ—3-й и 5-й. Непріятель имѣлъ въ виду штурмовать 4 бастіонъ послѣ бомбардировки, но не рѣшился на это, такъ какъ ему не удалось ни сбить русскую артиллерію, ни разрушить укрѣпленія. Послѣдующія работы тихою сапою, начатыя изъ воронокъ, образовавшихся отъ взорванныхъ 1 апрѣля минъ передъ 4 бастіономъ, также были прекращены дѣйствіемъ нашей артиллеріи и не могли быть возобновлены, не смотря ни на какія усилія французовъ; они успѣли только немного подвинуться впередъ передъ 5-мъ бастіономъ. Вторая бомбардировка стоила намъ 123 офицеровъ и 6,324 солдатъ выбывшими изъ строя по той причинѣ, что, въ ожиданіи штурма, на укрѣпленія стянуты были большія массы войскъ, и особенно замѣчательна въ томъ отношеніи, что у осажденныхъ оказался недостатокъ въ порохѣ, такъ что со второго же дня послѣдовалъ приказъ—выпускать изъ орудій только по 10 выстрѣловъ въ сутки. Послѣдствіемъ сего была особенная мѣткость непріятельскихъ канонировъ, мало обезпокоиваемыхъ въ прицѣливаніи и, такимъ образомъ, большія противъ обыкновеннаго потери осажденныхъ въ артиллеріи съ ея принадлежностями и въ войскахъ.

Апрѣль мѣсяцъ представляетъ критическій моментъ въ процессѣ Севастопольской борьбы. До сего времени оборона Севастополя, въ общемъ, была довольно удачна и, по собственному сознанію союзниковъ, имѣла перевѣсъ надъ осадой. Непріятелю ничего не удавалось: онъ подошелъ близко къ 4 бастіону, но штурмовать его не рѣшался, въ справедливомъ опасеніи неудачи, а между тѣмъ осадныя работы стоили ему большихъ жертвъ войсками и требовали огромныхъ матерьяльныхъ средствъ. Непріятельскіе главнокомандующіе не знали, что дѣлать; частые военные совѣты не приводили ни къ какимъ рѣшеніямъ, такъ какъ на нихъ обнаруживалось полное разногласіе: атака на Мекензіеву позицію признавалась рискованною, высадка на рч. Качу считалась раздробленіемъ

силъ. Но тутъ осажденные стали дѣлать капитальныя ошибки, которыя быстро повернули успѣхъ на сторону непріятеля.

Первая ошибка князя Горчакова, безполезно ослаблявшая силы обороняющихся, состояла въ томъ, что онъ ввелъ въ Севастополь войскъ болѣе, чѣмъ требовалось крайнею необходимостью. Не смотря на постоянныя жалобы частныхъ начальниковъ въ Севастополѣ на недостатокъ войскъ на томъ или другомъ пунктѣ, князь Меньшиковъ не хотѣлъ слушать объ усиленіи ихъ. Понятенъ вредъ отъ излишняго скопленія войскъ въ осажденномъ городѣ, не имѣвшемъ для укрытія ихъ отъ непріятельскаго огня казематированныхъ помѣщеній. По этому поводу между французами ходила слѣдующая печатная каррикатура. Представлены сидящіе на землѣ Пелисье съ вытянутыми ногами, между которыми большая ступка, и vis-a-vis, на корточкахъ—князь Горчаковъ. Пелисье толчетъ въ ступкѣ русскихъ солдатиковъ, а Горчаковъ подсыпаетъ въ ступку новыхъ, бросая въ то же время обратно выскочившихъ оттуда при толченіи. Но капитальная и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне грубая ошибка, предавшая Севастополь въ руки враговъ, заключалась въ устройствѣ контрапрошей и ложементовъ (траншей впереди главныхъ укрѣпленій, которыя велись на встрѣчу траншеямъ осаждающаго). Они не усиливали оборону главныхъ верковъ, потому что не имѣли артиллеріи и овладѣть ими по той же причинѣ не составляло большого труда, а со взятіемъ контрапрошей непріятель разомъ придвигался къ крѣпости на большое пространство, пройти которое обыкновенными осадными работами—требовало бы многаго времени и стоило бы большой траты въ людяхъ. Въ этомъ случаѣ мы работали для непріятеля.

Въ ночь на 12 апрѣля Тотлебенъ заложилъ передъ редутомъ Шварца (на 5 бастіонѣ) 4 ложемента; на слѣдующую ночь французы сдѣлали попытку разорить начатыя работы, но были отражены генераломъ Хрущевымъ. Французскій главнокомандующій былъ сильно смущенъ этой неудачей, но Пелисье убѣдилъ его, что собственная ихъ выгода требуетъ —

не разорять эти ложементы, а дать свободу къ окончанію ихъ и затѣмъ уже овладѣть ими. Въ слѣдующіе дни русскіе, безпрепятственно продолжая свои работы, соединили ложементы въ двѣ общія траншеи, но не успѣли еще дать имъ окончательный видъ, какъ 19 числа въ 10 ч. вечера были атакованы превосходными силами французовъ, подъ начальствомъ Пелисье. Кровопролитное дѣло окончилось взятіемъ траншей съ 9-ю мортирами и утвержденіемъ въ нихъ непріятеля, который, такимъ образомъ, вдругъ очутился въ 50 саж. передъ редутомъ Шварца.

Дѣло 19 апрѣля имѣло чрезвычайную важность и вліяніе на ходъ осады: оно подняло нравственный духъ союзниковъ, это былъ первый успѣхъ ихъ въ осадной войнѣ; подняло значеніе Пелисье, по мысли и настоянію котораго предпринято это нападеніе и которое онъ привелъ въ исполненіе, несмотря на контръ-приказаніе Канробера, данное за 2 часа до атаки, а главное—вывело его въ главнокомандующіе. Безъ успѣха 19 апрѣля непріятель едва ли бы рѣшился на атаку редутовъ 26 мая, а извѣстно, что 26-е мая рѣшило вопросъ о Севастополѣ.

Мая 7-го Канроберъ уступилъ свое мѣсто Пелисье. Новый французскій главнокомандующій, соединивъ de facto въ рукахъ своихъ раздѣленное до того начальствованіе надъ союзными арміями, недоумѣніямъ и нерѣшительности князя Горчакова противопоставилъ опредѣленныя цѣли, смѣлость, настойчивость и энергію въ достиженіи этихъ цѣлей. Блистательный успѣхъ сопровождалъ его, пока онъ не перешелъ къ самонадѣянной отвагѣ; но, наученный урокомъ 6-го іюня, онъ сумѣлъ вернуться на прежній путь, и всѣ послѣдующія дѣйствія его могутъ считаться безукоризненными.

Новый планъ осады, составленный Пелисье, имѣлъ въ виду: овладѣть повсемѣстно ложементами обороняющагося и редутами Камчатскимъ, Волынскимъ и Селенгинскимъ; придвинувъ, такимъ образомъ, осадныя работы къ самымъ стѣнамъ крѣпости и заключивъ осажденныхъ въ главную ограду,

разстроить его усиленнымъ концентрическимъ огнемъ, перенеся въ то же время главную атаку на Корабельную, противъ Малахова кургана, который съ паденіемъ редутовъ, являлся слабѣйшимъ пунктомъ Севастополя. Исполненіе слѣдовало неуклонно и систематически; къ 26 мая всѣ ложементы и редуты были уже въ рукахъ осаждающихъ. Въ ряду вышедшихъ при этомъ столкновеній обращаетъ на себя вниманіе ночное побоище передъ 5-мъ бастіономъ съ 10 на 11 мая.

Продолжая исчерпывать систему контрапрошей и обращая все вниманіе на правый свой флангъ, осажденные ночью на 10 мая, заложили у кладбища, между 5 и 6-мъ бастіонами, длинную линію ложементовъ. Цѣль состояла въ томъ, чтобы устроить тамъ батарею для анфилированія непріятельскихъ подступовъ къ 5 бастіону и вновь завладѣть потерянными траншеями передъ редутомъ Шварца. На слѣдующую ночь французы атаковали эти работы. Съ нашей стороны участвовали въ дѣлѣ—полкъ Орловскій—Паскевича Эриванскаго, Подольскій и части Углицкаго, Житомирскаго и Минскаго; французы ввели въ бой до 15 т. лучшихъ своихъ войскъ. Всю ночь, до 3 часовъ утра, продолжалась свалка, неоднократно переходившая въ ожесточенный штыковой бой, въ которомъ сильно пострадали французская гвардія и зуавы. Эриванскій полкъ, бывшій въ огнѣ въ первый разъ, выказалъ чудеса храбрости: приспѣвшая въ разгаръ боя французская дивизія была, такъ сказать, растрепана имъ. Солдаты наши дрались съ небывалымъ ожесточеніемъ и въ штыковыхъ схваткахъ никому не давали пощады. Потерю французовъ въ этомъ побоищѣ можно считать до 4.000 человѣкъ, хотя въ оффиціальныхъ отчетахъ она показана въ половину меньше; у насъ выбыло изъ строя 73 офицера и 2836 солдатъ, въ томъ числѣ изъ одного Эриванскаго полка около 1500. Здѣсь былъ убитъ художникъ-герой полковникъ Зацѣпинъ, командиръ 4-го сапернаго батальона. Потерю нашу увеличила Полынковая (Шемякина) батарея 6-го бастіона, которая,

сыпля картечъ въ спѣшившія на мѣсто боя массы французовъ, въ темнотѣ ночи отчасти поражала и своихъ.

Честь побоища 11-го мая принадлежитъ генералу Хрулеву и исполнявшему его распоряженія генеральнаго штаба подполковнику Ростовцеву. Носились слухи, что прикрытіе работъ передъ 5 бастіономъ первоначально поручено было генералу Баумгартену, но тотъ, не одобряя самую идею предпріятія, уклонился отъ порученія, вслѣдствіе чего и долженъ былъ оставить Крымскую армію.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о Хрулевѣ. Послѣ Евпаторійскаго дѣла 5 февраля, онъ появляется въ Севастополѣ, гдѣ скоро пріобрѣтаетъ величайшую популярность. Въ общемъ мнѣніи Хрулева привыкли считать чѣмъ то въ родѣ партизана, но выдающихся способностей генерала ему не придавали; въ Севастополѣ онъ оказался не только распорядителемъ и дѣйствователемъ въ болѣе важные и критическіе моменты, но и мужемъ совѣта. Хрулева восторженно любили войска: онъ умѣлъ водить ихъ въ бой, а они, въ свою очередь, умѣли слѣдовать за нимъ. Къ несчастію, интрига обращала особое вниманіе на Хрулева.

Мая 13-го союзники на другомъ концѣ Крыма заняли г. Керчь. Обладаніе Керченскимъ проливомъ и Азовскимъ моремъ не приносило непріятелю существенной выгоды и по отношеніи къ дѣйствіямъ его, направленнымъ къ покоренію Севастополя, имѣло развѣ то значеніе, что лишало русскихъ подвоза продовольствія для Крымской арміи черезъ Азовское море. Предпріятіе это вынуждено было общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи и Франціи, требовавшимъ отъ своихъ войскъ громкихъ подвиговъ, и было основано и разсчитано на непредусмотрительности и безпечности Русскихъ. Еще при Меньшиковѣ, въ началѣ осады Севастополя, обратили вниманія на г. Керчь, какъ ключь къ Азовскому морю. По составленной инженерами смѣтѣ, на укрѣпленіе пролива требовалась такая большая сумма, что не рѣшились затрачивать ея и ограничились полумѣрами, именно—затопленіемъ въ проливѣ ком-

мерческихъ судовъ, устройствомъ подводныхъ фугасовъ и т. п. Всего израсходовано свыше 200000 рублей и проливъ объявленъ былъ непроходимымъ. Впослѣдствіи, когда союзная эскадра прошла черезъ него безпрепятственно, было назначено слѣдствіе, которое производилъ генералъ Херхеулидзевъ, пока дѣло не было прекращено по просьбѣ князя Горчакова. Въ началѣ февраля, вслѣдствіе предположеній, что снаряжавшіяся въ Крымъ Сардинскія войска назначены для высадки въ Керчь, князя Меньшикова спрашивали изъ Петербурга, какую помощь онъ можетъ дать генералу Хомутову, командовавшему независимо въ восточной части Крыма, который не считалъ себя въ силахъ удержаться противъ 15 тысячъ сардинцевъ. Располагая всего только одною неполною дивизіею подъ Евпаторіей, князь Меньшиковъ, по совѣту генеральнаго штаба подполковника Герсеванова, отвѣчалъ, что не допуститъ занятія Керчи и всегда подастъ ей помощь во-время. Съ своей стороны, князь Горчаковъ также не принималъ мѣръ къ защитѣ Керченскаго пролива, хотя впослѣдствіи оффиціально высказалъ, что предвидѣлъ покушеніе на него. Казалось бы, что послѣ 22 Апрѣля, когда Канроберъ отправилъ было экспедицію въ Керчь и потомъ, по обычной своей нерѣшительности, вернулъ ее назадъ, слѣдовало распорядиться очищеніемъ города, если не доставало средствъ къ дѣйствительной защитѣ пролива и нельзя было ослаблять себя въ Севастополѣ отдѣленіемъ войскъ. Непріятель засталъ все врасплохъ: въ Керчи были укрѣпленія, но недостаточно сильныя, а войскъ вовсе не было, и занятіе ея совершилось въ нѣсколько часовъ. Постыдное дѣло разграбленія города принадлежитъ исключительно англичанамъ вмѣстѣ съ туземными татарами; французы не только не принимали участія въ немъ, но старались, насколько могли, охранять жизнь и имущество обывателей и вѣшали татаръ, грабившихъ подъ прикрытіемъ англичанъ.

Возвратимся къ Севастополю. Овладѣвъ ложементами городской стороны, Пелисье обратилъ все вниманіе на Корабельную и началъ быстро подвигаться летучею сапою къ

редутамъ: Камчатскому, Волынскому и Селенгинскому. Слѣдуетъ третье бомбардированіе 25 мая противъ Корабельной и преимущественно противъ передовыхъ редутовъ, и штурмъ ихъ—26-го мая. Князь Горчаковъ, съ переходомъ главной опасности съ праваго на лѣвый флангъ, назначилъ на послѣдній Хрулева, но къ сожалѣнію—слишкомъ поздно. Хрулевъ прибылъ на Корабельную 26 мая, часа въ два или три пополудни, и потому ко времени штурма не успѣлъ еще осмотрѣться и сдѣлать какія либо распоряженія. Хотя о приготовленіяхъ непріятеля къ нападенію предупреждали въ одинъ голосъ начальники передовыхъ укрѣпленій, но для отраженія его ничего не было сдѣлано, и безпорядокъ во всемъ выходилъ изъ уровня обыкновеннаго. Редуты были сильно разбиты бомбардированіемъ, артиллерія ихъ демонтирована, а гарнизона находилось на Волынскомъ и Селенгинскомъ—по двѣ слабыхъ роты, а въ Камчаткѣ—одинъ столь-же слабый по числу батальонъ. Въ 5 ч. пополудни, сдѣлавъ послѣдній залпъ, французы вышли изъ траншей, бросились на редуты и, встрѣченные разъединенными кучками защитниковъ, мгновенно заняли ихъ вмѣстѣ съ Забалканскою батареею. Зуавы и алжирскіе стрѣлки тотчасъ пошли дальше—въ тылъ Малахова кургана и на батарею Жерве (вправо отъ послѣдняго, у Доковой балки), но были отбиты съ большимъ урономъ Хрулевымъ. Камчатскій редутъ вскорѣ послѣ занятія французами также былъ отбитъ Хрулевымъ и Нахимовымъ, но, съ прибытіемъ къ французамъ свѣжей бригады, опять отнятъ. Мы удержали только Забалканскую батарею, которая безъ редутовъ теряла всякое значеніе и на другой день добровольно очищена. Редуты Камчатскій и Селенгинскій названы французами послѣ 26 мая—первый „la redoute—Bransion“, по имени полковника Брансіона, командира 50 линейнаго полка, а второй—„Ouvrages Lavarande“, по имени генерала Лаваранда, командира 1 бригады 4 дивизіи, убитыхъ при взятіи этихъ укрѣпленій; прежде же назывались у нихъ—„Mamelon vert“ и „Ouvrages blancs“.

Паденіе редутовъ породило въ Севастополѣ множество толковъ, переходившихъ едва не въ открытый ропотъ въ войскахъ, при чемъ произносилось слово измѣна. Указывали, что генералъ Жабокрицкій, начальникъ гарнизона на Корабельной, съ утра 26 мая вывелъ оттуда одинъ полкъ, гарнизоны редутовъ сократилъ на половину, а самъ, за нѣсколько часовъ до штурма, отправился на Сѣверную сторону. Въ самомъ дѣлѣ, скрывалось что-то загадочное въ томъ обстоятельствѣ, что передъ штурмомъ, который предвидѣли и ожидали, въ угрожаемыхъ редутахъ находился столь ничтожный гарнизонъ, а на Корабельной не было резервовъ. Разумѣется, измѣны въ данномъ случаѣ не было никакой, хотя случаи измѣны между поляками офицерами бывали и прежде, и послѣ; но была бездѣятельность со стороны высшихъ начальниковъ и безпечность со стороны второстепенныхъ. Нѣкоторые изъ первыхъ вначалѣ не хотѣли даже вѣрить, что непріятель штурмуетъ редуты. Не смотря на существованіе въ Севастополѣ спеціальнаго начальника гарнизона, въ лицѣ генерала Остенъ Сакена, тамъ не существовало, однако, единой головы, которая направляла бы все къ одной цѣли, однихъ глазъ, которые видѣли бы все тамъ происходившее и одной власти, которая сдерживала бы порывы мелкихъ страстей второстепенныхъ начальниковъ.

Легкій успѣхъ 26 мая вскружилъ непріятелю голову. Севастопольскія укрѣпленія, до сихъ поръ столь грозныя въ глазахъ французовъ, теперь стали казаться имъ ничтожными; у нихъ появилось сожалѣніе, что не атаковали 26 мая съ бóльшими силами и не овладѣли всею Корабельною. Пелисье рѣшилъ немедленно исправить сдѣланный якобы промахъ. Іюня 5 открылось четвертое бомбардированіе, за которымъ послѣдовалъ штурмъ 6-го іюня. Но предварительно взглянемъ— какія послѣдствія вытекли для Севастополя изъ утраты редутовъ, и что тамъ противопоставлялось ожидаемому штурму.

Занятіемъ ложементовъ нашихъ и передовыхъ редутовъ осаждающіе сблизили и округлили цѣпь траншей и батарей

своихъ, охватившихъ осажденный городъ отъ устья рѣчки Черной до Херсонесскаго мыска. Съ этого времени осада принимаетъ видъ бойни, которая, послѣдовательно увеличиваясь въ размѣрахъ, достигла страшнаго апогея своего въ дни августа мѣсяца. Мѣстность вообще предоставляла союзникамъ выгоду командованія осажденными укрѣпленіями, редуты еще болѣе дополнили это преимущество: теперь непріятель видѣлъ все происходившее не только въ городѣ, но и внутри бастіоновъ, которые стали обстрѣливаться спереди, съ боковъ и сзади; въ рукахъ непріятеля редуты, въ особенности Камчатскій, превратились въ грозныя батареи, громившія Корабельную, городъ на всемъ его пространствѣ, обѣ бухты и часть Сѣверной стороны. Въ Севастополѣ не осталось уголка, куда бы не могли достигать непріятельскія бомбы.

Тотлебенъ, послѣ 26 мая, началъ укрѣплять рогатку (линію, соединявшую Малаховъ курганъ съ вторымъ бастіономъ) и приводить въ лучшее оборонительное состояніе ничтожные по своей силѣ бастіоны—первый и второй, получившіе теперь боевую важность.

Четвертая бомбардировка (противъ Корабельной) отличается отъ прежнихъ тѣмъ, что со времени ея получаютъ полное развитіе и огромное значеніе навѣсные огни, самое губительное изъ всѣхъ средствъ, какія были употреблены противъ Севастополя, средство безспорно покорившее его. До того осаждающіе имѣли мортиры въ маломъ числѣ и дѣйствовали преимущественно прицѣльными выстрѣлами, теперь же обратились къ элеваціоннымъ станкамъ и мортирамъ, число коихъ въ концѣ осады возросло до 300. Непріятель употреблялъ бомбы въ массахъ, разомъ пуская ихъ по нѣскольку штукъ на одинъ пунктъ, что, при Севастопольскомъ каменистомъ грунтѣ и наскоро построенныхъ укрѣпленіяхъ, производило невѣроятное пораженіе. Бомба, падая въ стѣсненной внутренности бастіона, дѣйствовала при разрывѣ подобно камено-метному фугасу; врываясь въ мерлонъ, она засыпала разомъ обѣ амбразуры; засѣдая въ траверзѣ, разбрасывала его, и люди гибли

отъ осколковъ, отъ камней, подъ обрушавшеюся землею. Ночью, когда въ Севастополѣ обыкновенно исправляли поврежденія въ веркахъ, масса падающихъ на укрѣпленія бомбъ была особенно велика, независимо отъ сыпавшихся въ возстановляемыя амбразуры штуцерныхъ пуль. Съ своей стороны, осажденные не могли противопоставить равносильнаго оружія, такъ какъ имѣли ничтожное число мортиръ, да и къ тѣмъ не доставало бомбъ. Такимъ образомъ четвертая бомбардировка была безъ сравненія губительнѣе прежнихъ и крайняго ожесточенія достигла передъ вечеромъ 5 іюня. Съ наступленіемъ сумерокъ она приняла характеръ эффектный. Вечеромъ приблизился къ городу англійскій 120 пушечный корабль Royal—Albert съ нѣсколькими паровыми фрегатами; по сигналу перваго, всѣ непріятельскія батареи пускали разомъ тучу снарядовъ, и все это сопровождалось потрясающими залпами Royal—Albert'а и фрегатовъ. Картина была величественная, но разсчитаннаго дѣйствія на защитниковъ Севастополя она не произвела. Осажденнымъ не оставалось сомнѣнія, что непріятель приготовляется къ штурму; это единогласно подтверждали и показанія перебѣжчиковъ, которыхъ всегда было много, въ особенности изъ иностраннаго легіона союзниковъ, составленнаго изъ отребья всѣхъ національностей. Ночью Хрулевъ сдѣлалъ на Корабельной тревогу, чтобы пріучить войска скоро и въ порядкѣ занимать свои мѣста; значительный резервъ былъ переправленъ съ сѣверной стороны; гарнизонъ всю ночь напряженно трудился надъ исправленіемъ поврежденій въ веркахъ. Къ разсвѣту все было готово и войска стали въ ружье. Ожиданіе продолжалось недолго; бомбардировка, не умолкавшая всю ночь, съ появленіемъ зари вдругъ прекратилась повсемѣстно,—наступила тишина, длившаяся съ полчаса. Наконецъ съ редута Викторія (близь главной квартиры Пелисье) поднялась ракета, и непріятель повелъ штурмъ на бастіоны—первый, второй и третій, рогатку и Малаховъ курганъ.

Планъ атаки, составленный Пелисье, заключался въ слѣ-

дующемъ: три французскія дивизіи Мейрана, Брюне и д'Отмарра, имѣя въ резервѣ гвардейскую дивизію Меллине, подъ общимъ начальствомъ Реньо де Сентъ-Жанъ-д'Анжели, должны были атаковать первый и второй бастіоны, рогатку, Малаховъ курганъ и батарею Жерве, а двѣ англійскія дивизіи, подъ командой Броуна (Brown),—третій бастіонъ. Въ случаѣ успѣха на этихъ пунктахъ, три дивизіи корпуса де Салля, съ дивизіей д'Орелля въ резервѣ, назначались для овладѣнія бастіонами четвертымъ и пятымъ. Дивизія Мейрана, обнаруженная нашими секретами, не выждавъ условленнаго сигнала, первая атаковала бастіонъ № 1 и лѣвый фасъ второго; вслѣдъ затѣмъ былъ атакованъ правый фасъ Малахова кургана и наконецъ лѣвый фасъ вмѣстѣ съ правымъ фасомъ второго бастіона. Встрѣченные на всѣхъ пунктахъ картечью и ружейнымъ огнемъ французы остановились; немногіе храбрецы, добѣжавшіе до вала, умерли на штыкахъ. Отбитые отъ лѣваго фаса кургана и праваго фаса второго бастіона соединились въ одну массу и залегли противъ рогатки, гдѣ и завязалась живая ружейная перестрѣлка. Между тѣмъ часть дивизіи д'Отмарра спустилась въ доковый оврагъ (раздѣляющій третій бастіонъ отъ батареи Жерве и выходящій въ тылъ Малахову кургану) и, вышедши имъ въ тылъ батареѣ Жерве, овладѣла ею и заняла домики позади кургана. Но тутъ былъ Хрулевъ. Приказавъ двумъ полевымъ орудіямъ, стоявшимъ за доковой стѣнкой, обстрѣлять картечью занятую батарею, гдѣ уже переворачивали на насъ пушки, онъ схватилъ возвращавшуюся съ ночной работы пятую роту Сѣвскаго пѣхотнаго полка, подъ командой штабсъ-капитана Островскаго и, присоединивъ къ ней отступавшіе гарнизонъ и артиллерійскую прислугу батареи Жерве, лично повелъ ихъ на французовъ. Атака эта рѣшила дѣло: выбитые изъ батареи французы бросились бѣжать, затѣмъ дрогнула и вся линія нападающихъ, поражаемая сосредоточенными выстрѣлами Кургана, 1 и 2 бастіоновъ и батареи Яновскаго (3-го бастіона). Атака англичанъ

на 3-й бастіонъ была отражена нѣсколько ранѣе картечью и ружейнымъ огнемъ.

Излишне говорить, что вся слава, вся честь дня 6 іюня принадлежитъ Хрулеву.

Съ 5-го по 7 іюня у насъ выбыло изъ строя 95 офицеровъ и 4.745 нижнихъ чиновъ. Непріятель въ день штурма потерялъ около 7.000 человѣкъ и генераловъ Мейрана, Брюне и Джона Кампбелля.

Французскій главнокомандующій понялъ сущность и объемъ своей ошибки 6 іюня, которая заключалась въ недостаточной предварительной подготовкѣ благопріятныхъ условій для задуманнаго штурма и тотчасъ принялся за исправленіе ея. Къ чести французовъ нужно сказать, что они исполнили эту задачу съ искусствомъ, мужествомъ и терпѣніемъ. Прежде всего осаждающему предстояло приблизиться къ атакованнымъ укрѣпленіямъ, и французы повели подступы отъ Камчатскаго редута къ Малахову кургану и отъ соединительной траншеи между Селенгинскимъ и Камчатскимъ—къ второму бастіону. Англичане, въ виду перенесенной атаки на Малаховъ курганъ, считали дальнѣйшее приближеніе къ 3 бастіону безполезнымъ и потому, оставивъ траншейныя работы, занялись сооруженіемъ нѣсколькихъ новыхъ батарей, преимущественно для обстрѣливанія Малахова кургана. Въ началѣ французы шли летучею сапою, потому что осажденные заняты были отстраиваніемъ важныхъ батарей на рогаткѣ и окончательнымъ усиленіемъ 1 и 2-го бастіоновъ, но при первомъ серьезномъ противодѣйствіи со стороны осажденныхъ — перешли къ тихой сапѣ. Нельзя умолчать, что въ этотъ важный періодъ, когда перевѣсъ въ борьбѣ между крѣпостью и подходившимъ къ ней непріятелемъ зависѣлъ исключительно отъ успѣха въ артиллерійскомъ состязаніи сторонъ, въ дѣйствіяхъ нашихъ командировъ отдѣльныхъ батарей замѣчался недостатокъ единства. Никѣмъ не руководимые и предоставленные собственному кругозору, который естественно не могъ быть обширенъ, они не всегда вѣрно оцѣнивали общій смыслъ и конечную цѣль

непріятельскихъ работъ, а потому по временамъ приходили къ неудачнымъ рѣшеніямъ. Съ другой стороны, на импульсивность защиты могли вліять недоумѣнія самого главнокомандующаго на счетъ дальнѣйшихъ рѣшеній относительно Севастополя. Удача 6 іюня, при всей ея важности, не возвратила оборонѣ перевѣса надъ осадой, утраченнаго 26 мая. Князя Горчакова пугала мысль о тяжкихъ жертвахъ, съ которыми соединялась дальнѣйшая защита города; личныя его симпатіи склонялись въ пользу немедленнаго оставленія его, но высказаться открыто за это оставленіе онъ не находилъ въ себѣ гражданскаго мужества.

Іюня 28 Севастополь понесъ невознаградимую утрату въ лицѣ адмирала Нахимова, убитаго на бастіонѣ пулею въ голову. Значеніе его было велико. Не обладая геніемъ Корнилова, Нахимовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ умовъ, которые понимаютъ не вдругъ, но понявъ, обхватываютъ предметъ со всѣхъ сторонъ и проникаютъ его до мелкихъ подробностей. Съ благороднымъ и открытымъ характеромъ онъ соединялъ честность, высокое безкорыстіе, дѣятельность неутомимую и имѣлъ неограниченное вліяніе на войска и въ особенности на матросовъ. По званію главы черноморскаго флота, будучи истиннымъ хозяиномъ Севастополя, онъ постоянно такъ сказать жилъ на укрѣпленіяхъ и, вникая во всѣ ихъ нужды и потребности, умѣлъ устранять первыя и снабжать послѣдними, а своимъ прямодушнымъ посредничествомъ успѣвалъ прекращать многія столкновенія. Не управляя разумомъ обороны, Нахимовъ былъ душою ея внѣшней стороны и единства, и сосредоточивалъ въ себѣ могучую нравственную силу Севастополя, которою могъ двигать по усмотрѣнію и которая въ его рукахъ способна была творить чудеса. Врагъ всякихъ полумѣръ, онъ часто говаривалъ, что не отдастъ Севастополя въ руки враговъ и если даже весь городъ будетъ взятъ, онъ со своими матросами, будетъ защищаться на Малаховомъ курганѣ еще цѣлый мѣсяцъ, до послѣдняго человѣка. Съ Нахимовымъ Севастопольскій гарнизонъ потерялъ

свою путеводную звѣзду, главнѣйшую изъ пружинъ, подвигавшихъ на героизмъ и самоотверженіе. Несомнѣнно, что при Нахимовѣ день 27 августа сопровождался бы иными событіями.

Съ 7 іюня и до конца этого мѣсяца непріятельскій огонь былъ слабъ, за исключеніемъ довольно сильной канонады по 3-му и 4-му бастіонамъ 26 и 27 чиселъ. 22-го открыты минныя работы во рву Малахова кургана. Въ іюлѣ осажденные начали устраивать на Корабельной вторую оборонительную линію, что, подъ усилившимся непріятельскимъ огнемъ, направляемымъ по преимуществу сюда, стоило большихъ потерь.

Іюля 16-го умеръ англійскій главнокомандующій лордъ Рагланъ, мѣсто его заступилъ генералъ Симпсонъ.

Обратимся къ Крымской арміи. Еще 13 мая французы заняли нашу Чоргунскую позицію, побудивъ къ оставленію ея однѣми демонстраціями. Начальствовавшій Чоргунскимъ отрядомъ князь Горчаковъ (братъ главнокомандующаго, командиръ 6 пѣхотнаго корпуса) съ тѣхъ поръ прозванъ былъ *чоргунскимъ*.—Въ іюлѣ стали замѣчаться приготовленія къ наступательнымъ дѣйствіямъ; но вытекала ли идея ихъ изъ собственныхъ намѣреній главнокомандующаго, или онѣ рѣшены были въ Петербургѣ, въ какомъ видѣ и объемѣ,—никто не могъ сказать утвердительно. Большинство мнѣній склонялось къ тому, что наступательныя дѣйствія наши, при численномъ превосходствѣ союзниковъ и крѣпости ихъ позицій, не могли имѣть другого результата кромѣ пораженія. Но другіе разсуждали такъ: война, очевидно, локализовалась въ одномъ пунктѣ и съ одною пока цѣлью—уничтоженія черноморскаго флота; опасность для западной границы нашей если не совсѣмъ миновала, то значительно уменьшилась и, стало быть, можно было стянуть въ Крымъ большія силы. Между тѣмъ осада Севастополя подвигалась впередъ такъ быстро, что необходимо было испытать послѣднее средство къ спасенію его, иначе мы впадали въ противорѣчіе

съ самими собою, обороняя его столько времени, и впадемъ еще въ большее—дальнѣйшею пассивною обороною, зная напередъ, что послѣдняя во всякомъ случаѣ не отвратитъ конечнаго паденія города и лишь потребуетъ огромныхъ жертвъ, несоотвѣтственныхъ жертвамъ противника. Единственное средство къ спасенію заключается въ разбитіи союзниковъ въ полѣ, слѣдовательно попытка къ тому, даже съ небольшими надеждами на успѣхъ, является неизбѣжною и логическою потребностью. Считая же въ 16 дивизіяхъ пѣхотныхъ, $3^1/_2$ кавалерійскихъ, съ матросами и ополченіемъ, до 150.000 человѣкъ при 600 орудіяхъ, нельзя признавать Крымскую армію безсильной для сказанной попытки. Разумѣется, нужно было дѣйствовать рѣшительно, энергически, стянувъ для нападенія всѣ силы и пославъ ихъ въ бой въ массѣ.

Въ половинѣ іюля наступленіе было рѣшено въ принципѣ, ожидали только прибытія направленныхъ въ Крымъ свѣжихъ войскъ. Дивизіи 4 и 5 прибыли въ концѣ іюля, Курское ополченіе—4 августа, двѣ дивизіи гренадеръ еще позже. Въ то же время полки пополнялись значительными партіями выздоровѣвшихъ изъ госпиталей сосѣднихъ губерній. Состояніе войскъ было вполнѣ удовлетворительное; они были наэлектризованы желаніемъ помѣряться съ врагомъ въ полѣ. Нападеніе назначено было произвести съ Черной рѣчки.

Сраженіе 4 августа стало извѣстно въ войскахъ задолго впередъ; это уже былъ шагъ къ неудачѣ, такъ какъ непріятель изготовился къ нему. Цѣль нападенія состояла въ разбитіи союзныхъ войскъ, прикрывавшихъ осадныя работы, и овладѣніи Ѳедюхинской позиціей и мѣстностью предъ Корабельной.

Планъ атаки заключался въ слѣдующемъ: главная масса войскъ, подъ личнымъ управленіемъ главнокомандующаго, должна была овладѣть Ѳедюхинскими высотами, на лѣвомъ берегу рѣчки Черной; одновременно съ тѣмъ Хрулевъ съ

15 тысячами долженъ былъ сдѣлать вылазку изъ Корабельной и овладѣть Камчатскимъ люнетомъ, а Семякину поручалась демонстрація съ праваго фланга, съ 6 бастіона, которая, по обстоятельствамъ могла превратиться въ дѣйствительную атаку. На военномъ совѣтѣ, предшествовавшемъ сраженію, большинство мнѣній было противъ нападенія, но мотивировались они слабо и неубѣдительно. Генералъ Врангель, рекогносцировавшій Ѳедюхинскую позицію, указывалъ на ея силу и сомнѣвался въ успѣхѣ атаки; генералъ же Коцебу, мнѣніе котораго весьма уважалось кн. Горчаковымъ, говорилъ неопредѣленно—и за, и противъ. Позиція союзниковъ дѣйствительно была сильна, какъ по мѣстности, такъ и по укрѣпленіямъ, находившимся тамъ; ее составляли Ѳедюхины высоты въ нѣсколько отроговъ, справа примыкающія къ возвышенностямъ, ограничивающимъ Байдарскую долину. Пелисье, посвященный во всѣ подробности намѣреній князя Горчакова и имѣвшій въ свое время русскую диспозицію, спокойно сдѣлалъ всѣ распоряженія на случай нашего нападенія; союзныя войска были постоянно наготовѣ.

Диспозиція наша на 4 августа составлялась въ кабинетахъ, по картамъ, безъ справокъ съ мѣстностью. Съ Мекензіевыхъ высотъ войскамъ предстояло спускаться въ долину рѣчки Черной по одной только дорогѣ, и въ диспозіи не было соображено—когда можетъ спуститься хвостъ колонны, если голова ея начнетъ спускаться ночью; отсюда вышло то, что когда уже начался бой, резервы (4 и 5 дивизіи) еще спускались съ горы, а артиллерійскій резервъ вовсе не успѣлъ спуститься. Странно, что никому изъ начальствовавшихъ не была извѣстна другая дорога съ Мекензіевой позиціи, вполнѣ проходимая для пѣхоты и даже для кавалеріи, именно возлѣ хутора Бухариной, гдѣ впослѣдствіи находилась безыменная батарея (№ 45). Далѣе, диспозиція разослана слишкомъ поздно—вечеромъ 3 августа, когда войска уже были въ движеніи, вслѣдствіе чего начальники колоннъ не имѣли времени передать основательнымъ образомъ содержаніе диспо-

зиціи подчиненнымъ и разъяснить каждому изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей—что ему нужно было дѣлать, не говоря уже о томъ, что большая часть начальниковъ частей совершенно не были знакомы съ мѣстностью, на которой приходилось дѣйствовать. Оттого случилось, что нѣкоторые полки, не доходя еще до спуска съ Мекензіевой горы, посбивались съ дороги. Главнокомандующій, для наблюденія за правильнымъ дебушированіемъ войскъ въ долину рѣчки Черной, еще съ вечера послалъ генералъ-квартирмейстера арміи Бутурлина; но тотъ, спустившись съ горы, подъѣхалъ къ бивуаку 7 дивизіи и, вѣроятно вслѣдствіе наступившей темноты, разослалъ коверъ и такъ проспалъ всю ночь. Однимъ словомъ и здѣсь повторилась исторія Инкерманскаго сраженія: ничего не поняли, вездѣ опоздали и все переврали.

Нападеніе предполагалось начать раннимъ утромъ, подъ покровительствомъ густыхъ утреннихъ тумановъ, обыкновенно бывающихъ въ долинѣ рѣчки Черной.—Первая путаница произошла, какъ уже сказано, вслѣдствіе того, что войска не успѣли во время выйти на назначенныя мѣста; они блуждали, сами не зная гдѣ, и наталкивались другъ на друга. Густой туманъ увеличивалъ общую суматоху.—Дѣло не обходилось безъ комическихъ эпизодовъ. Одну изъ батарей 8-ой артиллерійской бригады нѣсколько разъ переставляли съ мѣста на мѣсто. Едва наконецъ успѣла она установиться на позиціи, какъ впереди, черезъ рѣчку Черную, замелькали въ туманѣ, приподнявшемся снизу, сѣрыя лошади. Батарея открыла огонь, но послѣ первыхъ выстрѣловъ подскакалъ кто то съ крикомъ: „Это наши драгуны!“ Не успѣлъ онъ окончить, какъ батарея была осыпана картечью. „Наши драгуны“ оказались англійской конной батареей, маневрировавшей передъ нашею линіей, по ту сторону рѣчки Черной. Мы все еще продолжали отыскивать свои мѣста, когда непріятельскіе аванпосты обнаружили наступленіе: началась ружейная перестрѣлка, а въ союзномъ лагерѣ распространилась тревога. Очень можетъ быть, что передавшійся съ утра

артиллерійскій офицеръ-полякъ съ однимъ юнкеромъ былъ для союзниковъ первымъ обстоятельнымъ вѣстникомъ нашего наступленія. Впослѣдствіи, по заключеніи мира, намъ приходилось сталкиваться во французскомъ лагерѣ съ подобными предателями: они играли тамъ жалкую роль. Когда туманъ сталъ проясняться, командовавшій правымъ крыломъ генералъ Реадъ, командиръ 4 пѣхотнаго корпуса, замѣтилъ, что влѣво отъ него, въ центрѣ боевой линіи, оставалось пустое пространство, за неприбытіемъ войскъ, все еще спускавшихся съ Мекензіевыхъ высотъ. Въ этотъ самый моментъ пріѣзжаетъ адъютантъ съ приказаніемъ отъ главнокомандующаго — *начинать;* но что начинать: огонь или атаку—онъ не могъ разъяснить. Князь Горчаковъ, какъ извѣстно, говорилъ столь невнятно и писалъ столь неразборчиво, что понимать его рѣчь, а въ особенности отрывочныя фразы и читать его рукопись могли весьма немногіе изъ его приближенныхъ. Къ такимъ принадлежалъ его личный адъютантъ Красовскій, который въ силу этого сдѣлался въ Севастополѣ личнымъ его секретаремъ. Всю ночь, наканунѣ сраженія 4 августа, Красовскій писалъ разныя письма подъ диктовку князя Горчакова и, такимъ образомъ, не успѣлъ прочесть диспозицію сраженія, въ которой былъ назначенъ часъ для начатія огня; относительно же времени самаго перехода въ наступленіе сказано было, что моментъ его будетъ указанъ главнокомандующимъ.

Князь Горчаковъ прибылъ на назначенный пунктъ (на Мекензіевой позиціи) очень рано и, не слыша ни одного выстрѣла, нѣсколько разъ посматривалъ на часы, чтобъ удостовѣриться—наступило ли время для начатія сраженія, и когда увидѣлъ, что стрѣлка перешла за урочную черту, потребовалъ очередного адъютанта и послалъ его къ Реаду съ приказаніемъ „начинать“. Очереднымъ адъютантомъ оказался Красовскій, какъ сказано, незнакомый съ содержаніемъ диспозиціи и слѣдовательно не знавшій—къ чему именно относится полученное имъ приказаніе „начинать“. Пока онъ

успѣлъ проѣхать трехверстное разстояніе до Реада, перестрѣлка началась сама собой, и Реадъ пришелъ въ недоумѣніе, какъ понимать полученное приказаніе. Разумѣется, что Красовскій на всѣ обращенные къ нему вопросы отвѣчалъ, что передалъ слова главнокомандующаго буквально, входить же въ разъясненіе ихъ не считаетъ себя вправѣ. Тутъ подъѣхалъ начальникъ штаба 4-го корпуса Веймарнъ и, узнавъ о привезенномъ приказаніи, сталъ утверждать, что оно несомнѣнно относится къ началію огня, но Реадъ былъ другого мнѣнія. Завязался продолжительный споръ, въ которомъ Реадъ высказалъ, что считаетъ себя обязаннымъ исполнить приказъ буквально и начать немедленно наступленіе, такъ какъ не знаетъ ни видовъ, ни соображеній главнокомандующаго и не можетъ брать на себя отвѣтственность, быть можетъ, за участь всего боя. Всѣ возраженія Веймарна и присоединившихся къ нему другихъ офицеровъ генеральнаго штаба не могли поколебать рѣшеніе Реада.—Истолковавъ, такимъ образомъ, полученное приказаніе въ смыслѣ— начинать атаку, Реадъ, согласно диспозиціи, приказалъ генераламъ—Мартинау съ 12 дивизіей и, правѣе его, Ушакову съ 7 дивизіей перейти рѣчку Черную и овладѣть противолежащими высотами. Натискъ 12 дивизіи былъ произведенъ съ примѣрнымъ мужествомъ и удальствомъ: наступавшіе въ головѣ Одесскій и Азовскій полки, овладѣвъ предмостнымъ укрѣпленіемъ французовъ (pont de Tractir) стройно шли впередъ, штыками опрокидывая все встрѣчавшееся по пути; ни штуцерной, ни артиллерійскій огонь не могли остановить ихъ. Опрокинувъ подоспѣвшихъ Сардинцевъ и овладѣвъ тройнымъ рядомъ траншей, солдаты ворвались въ Сардинскій лагерь, вывернули на землю варившуюся тамъ пищу и начали захватывать добычу въ палаткахъ. Но здѣсь и предѣлъ нашихъ успѣховъ. Генералъ Ушаковъ не исполнилъ приказанія Реада; отдалившись слишкомъ вправо, онъ потерялъ связь съ Мартинау, медлилъ переходомъ рѣчки, не одолѣлъ противопоставленной ему 5 тысячной французской

дивизіи Каму (Camou) и скоро былъ отброшенъ обратно за Черную, черезъ что 12 дивизія, оставленная безъ поддержки, была предоставлена себѣ самой. Еще ранѣе атаки Реада, генералъ Липранди, командовавшій на лѣвомъ крылѣ, овладѣлъ безъ сопротивленія Телеграфной горой, остановился и по непонятной причинѣ не продолжалъ наступленія. Бездѣйствіе его дало непріятелю возможность обратить на Реада большую часть силъ. Послѣдній, ослабленный продолжительнымъ боемъ, долженъ былъ начать обратное движеніе; хотя подоспѣвшія 5-я, а потомъ 17-я дивизіи, остановивъ въ свою очередь наступленіе французовъ, дали ему возможность держаться нѣкоторое время на лѣвомъ берегу Черной, но непріятель, не развлекаемый на прочихъ пунктахъ, послѣдовательно направлялъ сюда свѣжія массы, и жаркій бой закипѣлъ у Каменнаго моста (pont de Tractir). Когда Реадъ и начальникъ его штаба Веймарнъ были убиты, послѣдній— во главѣ 5-й дивизіи, которую повелъ на помощь Реаду, войска, подавляемыя превосходнымъ числомъ противника и не имѣя за собою резервовъ, перешли обратно Черную. Получивъ донесеніе о смерти Реада и Веймарна, князь Горчаковъ прибылъ самъ на этотъ пунктъ, но, выказавъ обычную личную неустрашимость, ни мало не помогъ дѣлу своими распоряженіями. Зрѣлище неудачи разбило послѣднюю энергію старца; забывъ о своемъ лѣвомъ флангѣ, о сохранившейся многочисленной артиллеріи, о предположенныхъ вылазкахъ изъ Севастополя, онъ отдалъ приказъ объ отступленіи.

Между тѣмъ, съ началомъ сраженія, на Малаховомъ Курганѣ все было готово къ вылазкѣ и съ нетерпѣніемъ ожидало сигнала къ ней. Гарнизонъ видѣлъ тревогу, распространившуюся въ непріятельскихъ траншеяхъ, видѣлъ какъ отряды войскъ спѣшили по направленію къ Черной; общая увѣренность въ успѣхѣ вылазки ежеминутно возрастала. Но время проходило, а сигнала не было, и когда наконецъ Хрулевъ послалъ освѣдомиться о причинахъ непонятнаго про-

медленія, ему привезли громовую вѣсть объ окончаніи сраженія. Утверждали, что сигналъ былъ поданъ, но только вовсе не такой, какой былъ предварительно условленъ. Ошибка произошла вслѣдствіе послѣдовавшихъ не задолго передъ тѣмъ измѣненій въ сигнальномъ лексиконѣ, о которыхъ не сообщили своевременно всѣмъ телеграфнымъ пунктамъ. Электрическаго телеграфа тогда еще не существовало въ Севастополѣ, и депеши передавались посредствомъ флаговъ, подымаемыхъ на мачтахъ телеграфныхъ пунктовъ. О существовавшихъ тогда порядкахъ можно еще судить по слѣдующему. Въ составъ предполагавшейся 4 августа вылазки, съ праваго фланга, назначены были двѣ полевыя батареи. Когда артиллерійскій офицеръ, посланный для предварительнаго осмотра мѣстности и проходовъ для орудій, утромъ 4 августа явился на 6 бастіонъ къ генералу Хрущеву, помощнику начальствовавшаго правымъ флангомъ Семякина, и объяснилъ ему цѣль своего прихода, тотъ съ изумленіемъ отвѣчалъ, что ему ничего объ этомъ не сообщено и что проходъ для одной изъ батарей нужно еще приготовить, т. е. срыть часть вала.

Отступленіе наше совершилось въ порядкѣ, но стоило большихъ потерь, такъ какъ производилось подъ сосредоточеннымъ огнемъ артиллеріи и мѣстныхъ укрѣпленій непріятеля. Потеря на Черной рѣчкѣ простиралась до 300 офицеровъ и болѣе 7.000 нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя. Пелисье показалъ 3329 русскихъ, зарытыхъ на полѣ сраженія. Убиты генералы: Реадъ, Веймарнъ и баронъ Вревскій, начальникъ канцеляріи военнаго министра, присланный въ Крымъ, какъ утверждали, для настояній относительно наступательныхъ дѣйствій. Первый похороненъ на кладбищѣ французской главной квартиры, и французы же поставили ему памятникъ съ надписью: Le général Read, mort au champ d'honneur le 16 août 1855. Трофеевъ непріятелю не оставлено ни одного. Французы число своихъ убитыхъ показали въ 27 офицеровъ и 172 солдата.

Сраженіемъ на Черной рѣшилась окончательно судьба Севастополя. Послѣдняя попытка къ освобожденію его не удалась, Крымская армія снова приняла пассивное положеніе; войска потеряли послѣднее довѣріе къ своему главнокомандующему и генераламъ; бодрость же союзниковъ возрасла и укрѣпилась, а подкрѣпленія изъ Франціи и Англіи не переставали усиливать ихъ войска.

Промежутокъ отъ 5 до 24 августа можно принять за одну непрерывную бомбардировку города и укрѣпленій, которая, если не представляла видимой правильности и то усиливалась, то ослабѣвала, обращаясь попеременно на различные пункты, то въ общемъ, тѣмъ не менѣе, отличалась своей жестокостью и разрушительностью. Непріятель, видимо, приготовлялся къ рѣшительному штурму, и осадныя работы его хотя медленно, но безостановочно подвигались впередъ. Августа 24-го непріятельскія передовыя траншеи были: предъ бастіономъ № 2 — въ 20 саженяхъ, предъ Малаховымъ курганомъ — въ 12 саж., передъ бастіонами: № 3 — 60 саж. и № 5 — 30 саженяхъ. Князь Горчаковъ, съ своей стороны, началъ готовиться къ осуществленію своей давней мысли объ оставленіи города; 14 августа оконченъ былъ плавучій бревенчатый мостъ черезъ большую бухту, отъ Михайловскаго форта на графскую пристань, и началась исподволь перевозка изъ города разныхъ тяжестей. Но и тутъ онъ не обнаружилъ твердо принятой рѣшимости и, казалось, все еще предоставлялъ послѣднее слово случаю и обстоятельствамъ, такъ что и 27 августа застало Севастополь врасплохъ, и вмѣстѣ съ городомъ оставлено непріятелю множество запасовъ, для вывоза которыхъ имѣлись какъ время, такъ и средства. Во всѣхъ частяхъ города стали устраиваться и вооружаться баррикады; подъ фортами Павловскимъ, Николаевскимъ и другими были приготовлены мины, которыя нѣсколько разъ то заряжались, то разряжались.

Наконецъ наступаетъ 24 августа. Безпрерывными бом-

бардировками въ продолженіе послѣднихъ трехъ недѣль Пелисье успѣлъ разстроить наши укрѣпленія до такой степени, что требовались самыя напряженныя усилія для исправленія ихъ. При всемъ томъ, наученный опытомъ перваго штурма, онъ не считалъ еще успѣхъ новаго штурма обезпеченнымъ и для окончательной подготовки его открылъ 24 августа знаменитое послѣднее бомбардированіе.

Въ исторіи самыхъ кровавыхъ событій, когда либо совершенныхъ человѣческими руками, найдется немного подобныхъ этой истинно—адской бомбардировкѣ. Все, что наука, искусство и опытъ вѣковъ открыли истребительнаго, все было соединено и исчерпано въ эти дни на погибель Севастополя. Трудно найти выраженія, которыя могли бы изобразить, хотя приблизительно, картину Севастопольскихъ укрѣпленій того времени; чтобъ составить себѣ представленіе о ней, нужно находиться въ сферѣ адской катастрофы, нужно лично испытать агонію длящагося чувства, обхватывающаго душу при долгомъ, постоянномъ зрѣлищѣ тысячи смертей, готовыхъ поглотить васъ каждое мгновеніе; иначе не поможетъ самое счастливое воображеніе. Въ 5 часовъ утра залпъ со всѣхъ непріятельскихъ батарей по лѣвому нашему флангу потрясъ воздухъ и затѣмъ—загорѣлся самый учащенный огонь, который, распространяясь влѣво по линіи непріятельскихъ батарей, скоро обнялъ все пространство отъ Сапунъ-горы до Херсонесскаго мыска. Бастіоны наши встрепенулись и съ своей стороны отвѣтили столь же ускоренной пальбой изъ всѣхъ орудій. Разыгралась чудовищная картина: не было слышно грома 1.000 орудій, онъ слился въ одинъ протяжный вой, по временамъ покрываемый трескомъ лопнувшей вблизи бомбы; пороховой дымъ затмилъ дневной свѣтъ, свистъ ядеръ и пронзительный визгъ пуль, бороздившихъ воздухъ по всѣмъ направленіямъ, въ соединеніи съ фонтанами камней, земли и песку, вздымаемыми падавшими и разрывавшимися снарядами, образовали сумятицу вихря, въ которомъ царствовали мракъ, смерть и разрушеніе. Но смерть, въ какія бы чудо-

вищныя формы ни была она облечена, не могла смутить безстрашныхъ воителей Севастополя; съ хладнокровіемъ и беззаботностію людей, отрѣшившихся отъ всего земного, трудились матросы около орудій, отвѣчая на выстрѣлъ выстрѣломъ и тутъ же отпуская острое слово при видѣ непріятельской бомбы, упавшей и готовой разорваться среди нихъ, или отзываясь укоризною на несдержанный стонъ раненаго или умирающаго собрата. Канонада, послѣдовательно усиливаясь и нѣсколько ослабѣвая на томъ или другомъ пунктѣ, продолжалась до 10 часовъ и—вдругъ прекратилась повсемѣстно. Мысль о приступѣ мгновенно, какъ электрическая искра, пробѣжала во всѣхъ умахъ; тотчасъ жерла пушекъ наполнились картечью, банкеты усыпались стрѣлками, послали за резервами. Съ напряженнымъ вниманіемъ всматривались мы въ непріятельскія траншеи, стараясь открыть въ нихъ присутствіе войскъ, но тамъ все было пусто и мертво, — и понемногу всѣ разувѣрились. Ровно черезъ часъ, минута въ минуту, по сигналу изъ главной квартиры Пелисье, снова раздался залпъ съ непріятельскихъ батарей и опять завыла столь же учащенная канонада, которая продолжалась до 4 часовъ. Затѣмъ, послѣ полуторочасовой остановки, не нарушенной ни однимъ выстрѣломъ, бомбардировка въ $5^1/_2$ часовъ открылась снова, но въ несравненно величественнѣйшемъ видѣ. Вмѣстѣ съ прицѣльнымъ огнемъ, преобладавшимъ днемъ, начинался усиленный навѣсный огонь. Казалось, цѣлыя созвѣздія, отрываясь отъ небеснаго свода, медленно спускались въ Севастополь, падали, вспыхивали и исчезали, разнося повсюду смерть. Бомбы, ракеты, лохматки, *) капраль-

---

*) *Лохматкою*, или на 4-мъ бастіонѣ *шапкою*, называлась бомба, обыкновенно 2-хъ или 3-хъ пудовая, пущенная малымъ зарядомъ и подъ малымъ угломъ возвышенія. Это былъ самый опасный и губительный снарядъ. Бомба летѣла безъ звука, чрезвычайно быстро рекошетируя по валганту, или во внутренности бастіона. Предостеречься отъ нея, подобно какъ отъ навѣсной бомбы, падающей сверху, было невозможно; она накрывала, какъ шапкой; названіе же лохматки получила отъ огненныхъ искръ, сопровождавшихъ ее въ полетѣ.

ства,*) ядра, штуцерныя пули и навѣсная картечь не переставали сыпаться въ городъ и на бастіоны до самаго утра. Обстановка была до того страшна, смерть съ такою жадностью пожирала свои жертвы, что самые безстрашные изъ Севастопольскихъ бойцовъ, закаленные въ одиннадцати-мѣсячныхъ ужасахъ, невольно содрогались: это былъ по истинѣ въ адѣ адъ. Къ 6-ти часамъ утра огонь прекращался, и послѣ нѣкотораго промежутка опять начинался прежнимъ порядкомъ. Такъ было въ первыя сутки. Въ послѣдующіе дни—25 и 26-го чиселъ бомбардированіе продолжалось съ одинаковою силою, но время и продолжительность остановокъ были иныя. Какое то особенное счастіе покровительствовало непріятельскимъ артиллеристамъ въ эти дни: 24 числа сгорѣлъ отъ бомбы большой транспортъ „Березань", на которомъ находилась канцелярія черноморскаго флота и флотскіе архивы, а 26—сгорѣлъ 40-ка пушечный фрегатъ „Коварна" и взорваны ракетою, возлѣ самой Графской пристани, два баркаса, перевозившіе съ Сѣверной стороны болѣе 500 пудовъ пороху. Взрывъ этотъ, стоившій жизни лейтенанту князю Кекуатову и 40 матросамъ, былъ столь силенъ, что въ Николаевской батареѣ со стороны, обращенной къ пристани, вырвало всѣ оконныя рамы.

Осажденные, отчасти вслѣдствіе приказанія—беречь порохъ и снаряды, отчасти изъ убѣжденія въ невозможности противодѣйствовать непріятельскому огню, со второго же дня бомбардировки или вовсе перестали отвѣчать, или отвѣчали весьма слабо. Въ самомъ дѣлѣ, что могли сдѣлать мы?—Мортиръ, самаго дѣйствительнаго, по тогдашнимъ условіямъ, оружія—не было; убивать непріятельскія войска мы не могли, потому что на батареяхъ противника находилось самое необходимое число артиллеристовъ, смѣнявшихся 4 раза въ

*) *Капральствами* въ Севастополѣ называлась не только гранатная картечь, сколько неслыханный еще въ артиллерійской наукѣ снарядъ, состоявшій изъ бочонка, наполненнаго гранатами. Стрѣляли ими изъ мортиръ съ небольшой дистанціи.

сутки, а въ передовыхъ траншеяхъ—небольшое число стрѣлковъ; разрушать же громившія насъ батареи не стоило труда: онѣ разрушались гораздо болѣе отъ собственныхъ выстрѣловъ, да и самое существованіе этихъ батарей обусловливалось лишь нѣсколькими днями бомбардированія. Къ тому же, какъ стрѣлять, когда пушечныя амбразуры безпрестанно засыпались, артиллеристы были убиваемы, а орудія подбиваемы? Укрѣпленія наши, полусрытые въ теченіе дня, исправлялись съ наступленіемъ темноты, и къ утру изъ назначаемыхъ на эти работы солдатъ буквально не оставалось въ живыхъ и третьей части.

Вглянемъ теперь на жизнь города и укрѣпленій въ эти мрачные дни. До августа и даже въ первыя его числа городъ удерживалъ еще небольшой остатокъ своихъ мирныхъ жителей. Хотя большинство зданій было уже поразрушено непріятельскими бомбами, и ни одно изъ нихъ не представляло сколько нибудь безопасное убѣжище, тѣмъ не менѣе матросскія семьи продолжали ютиться въ нихъ. Оставались еще торговцы, большею частію отставные матросы, у которыхъ жажда наживы пересиливала опасеніе за жизнь. Около Графской пристани и на эспланадѣ Николаевской батареи, въ началѣ августа, держался еще рынокъ, гдѣ торговки продавали со столиковъ съѣстные припасы, фрукты, овощи; туда же сходились матросы и солдаты для покупокъ—продажъ незатѣйливыхъ потребностей своего быта: обуви, бѣлья и тому подобнаго. На городскихъ улицахъ встрѣчались женщины и гражданскіе костюмы. Но обстановка эта стала быстро измѣняться съ 5-го числа, когда непріятель дѣятельно началъ обстрѣливать городъ на всемъ его пространствѣ. Все не военное окончательно переселилось на Сѣверную сторону, гдѣ еще прежде, за Михайловской батареей, выросъ цѣлый ярмарочный городъ съ трактирами, харчевнями, лавками и рынкомъ; столики исчезли, Николаевская площадь опустѣла, и у графской пристани вы рисковали встрѣтить развѣ шаланды съ мертвыми тѣлами, уложенными въ нѣсколько ярусовъ,

подобно дровамъ, въ окровавленныхъ саванахъ, а то и безъ всякихъ савановъ. Это были убитые и умершіе въ госпиталяхъ, переправляемые на Сѣверную сторону, для погребенія на общемъ кладбищѣ, близъ Михайловской батареи. Для приготовленія общихъ братскихъ могилъ въ августѣ ежедневно наряжался цѣлый батальонъ, а въ послѣдніе дни—два. Гробовъ не употреблялось; роскошь эта доступна была немногимъ, оставлявшимъ послѣ себя деньги. Впрочемъ, въ Севастополѣ встрѣчались между солдатами обладавшіе капиталами въ нѣсколько десятковъ полуимперіаловъ, которые скоплялись отъ проданной добычи, отъ обобранныхъ убитыхъ непріятелей и т. п. Богачи солдаты обыкновенно приготовлялись къ погребенію близъ Артиллерійской бухты (за Николаевской батареей), гдѣ устроена была убогая часовня и находился небольшой запасъ гробовъ, савановъ, восковыхъ свѣчей. Похоронное братство, устроившее это, состояло изъ матросовъ, и къ нему то обращались родные или друзья покойника, желавшіе похоронить его „по христіански". Не рѣдко по улицамъ тянулась печальная процессія, подъ звуки похороннаго марша; это были похороны или высшихъ офицеровъ, или такихъ, у которыхъ находились свободные товарищи для отданія послѣдняго долга. По мѣрѣ приближенія конца мѣсяца, уличное одиночное движеніе въ городѣ ослабѣвало (движеніе войскъ никогда не прекращалось): непріятельскія бомбы падали все чаще, и только служебныя надобности не удерживали пѣшеходовъ, обыкновенно или спѣшившихъ въ Николаевскую батарею, въ которой сосредоточились квартиры начальствующихъ и помѣщенія воинскихъ управленій, или выходившихъ изъ нея. Не рѣдѣли только носилки съ ранеными; въ послѣднюю бомбардировку они тянулись длинною непрерывною вереницею къ той же Николаевской батареѣ, вмѣщавшей въ себѣ главный перевязочный пунктъ и госпиталь. Городскія зданія, въ свою очередь, принимали все болѣе своеобразную физіономію, по мѣрѣ того, какъ непріятельскіе снаряды рѣшетили ихъ крыши и обезображивали фасады. Нерѣдко

вспыхивали пожары; смотря по тому, на какомъ бастіонѣ отражалось зловѣщее зарево, мы опредѣляли мѣстность и даже улицу, гдѣ горѣло. Впрочемъ, каменныя стѣны опустѣвшихъ домовъ (постройки въ Севастополѣ были исключительно изъ камня) не давали большой пищи огню, и пожары не принимали большихъ размѣровъ, какъ ни добивался того непріятель, осыпавшій районъ пожара массою зажигательныхъ снарядовъ. Вообще, въ концѣ августа Севастополь представлялъ городъ смерти, и металлическій звукъ разрывавшихся на его каменныхъ мостовыхъ бомбъ производилъ раздражающее впечатлѣніе даже на самые привычные нервы.

Жизнь на бастіонахъ, до послѣдней бомбардировки, шла своимъ издавна сложившимся порядкомъ. Въ составъ коренныхъ или постоянныхъ обывателей бастіоновъ входили: артиллерійская прислуга при орудіяхъ, въ большинствѣ изъ матросовъ, саперныя команды, гдѣ производились минныя работы и саперовъ, руководившихъ инженерными работами. Между матросами встрѣчались малолѣтки—дѣти ихъ, мальчики лѣтъ 11 — 13-ти, которые также строго несли свою добровольную службу при пушкахъ; обыкновенно они исполняли обязанности канонира, производившаго выстрѣлъ. Перемѣняющееся населеніе состояло изъ стрѣлковъ, разставляемыхъ по банкету для штуцерной стрѣльбы по передовымъ непріятельскимъ траншеямъ, и собственно гарнизона, т. е. пѣхотныхъ войскъ, назначаемыхъ на случай открытаго нападенія. Секреты впереди 5 бастіона содержались пластунами, т. е. казаками черноморскихъ пѣшихъ батальоновъ. Люди эти, не знавшіе, что такое страхъ передъ непріятелемъ и пріобрѣвшіе въ войнѣ съ кавказскими горцами необыкновенный навыкъ, проползали вездѣ незамѣченными (съ этой цѣлью они ходили обыкновенно не въ сапогахъ, а въ опанкахъ), часто являлись съ предложеніемъ къ офицерамъ принести винограду изъ Херсонесскаго монастыря, за французскими траншеями. Предложенія всегда принимались, и плохой виноградъ къ свѣту былъ доставляемъ.

Для непосвященныхъ въ науку фортификаціи не излишне объяснить, что подъ именемъ бастіоновъ въ Севастополѣ подразумѣвались самостоятельные отдѣлы общей оборонительной линіи, хотя они имѣли различныя начертанія, включавшія въ себя также самостоятельныя части, подъ названіемъ: батарей, штурмовыхъ батарей, редутовъ, люнетовъ, состоявшія въ общей связи. Втѣхъ бастіоновъ было 8, если включать въ ихъ число крайнія батареи праваго фланга №№ 7 и 8. Бастіоны, батареи и проч., въ свою очередь, подраздѣлялись на батареи—собственно, изъ неодинаковаго числа орудій, начиная съ 2-хъ, имѣвшія своихъ особыхъ командировъ, подчиненныхъ командиру всей той части. Постоянный составъ помѣщался тутъ же въ блиндажахъ, т. е. землянкахъ, накрытыхъ толстыми бревнами, съ насыпаннымъ сверху слоемъ земли, въ предохраненіе отъ бомбъ. Блиндажи оконъ не имѣли, и свѣтъ проникалъ въ нихъ чрезъ входное отверстіе. Перемѣняющійся же составъ блиндажей не имѣлъ и располагался, какъ могъ, подъ открытымъ небомъ, большею частію за укрѣпленіями, подвергаясь всѣмъ невзгодамъ атмосфернымъ и всѣмъ опасностямъ отъ непріятельскаго огня. Больно было видѣть, какъ эти храбрые солдаты умирали, сидя сложа руки. Горячая пища и хлѣбъ доставлялись на бастіоны изъ особо устроенныхъ кухонь; солдатская пища была безупречно хороша. Офицерскій контингентъ на бастіонахъ дѣлился на отдѣльныя семьи по блиндажамъ. Офицерскихъ блиндажей было немного; по одному, много по два на каждую отдѣльную часть. Это были тѣ же землянки, съ досчатыми лавками по стѣнамъ, замѣнявшими и кровати, и стулья, съ однимъ, двумя простыми столиками. Желѣзная кровать, складной стулъ или табуретъ составляли роскошь и рѣдкость. Страшнымъ бичемъ этихъ подземныхъ помѣщеній были миріады блохъ, которыя, впрочемъ, кишѣли повсемѣстно на укрѣпленіяхъ и отъ которыхъ не спасали никакія антиинсектины. Вновь надѣтое бѣлье изъ бѣлаго полотна въ нѣсколько часовъ принимало видъ цвѣтного съ черными крапинками. Для чувствительныхъ съ этой стороны организмовъ

сонъ приходилъ только послѣ крайняго физическаго утомленія. Офицеры обѣдали въ артеляхъ, также по блиндажамъ, и столъ ихъ можно назвать роскошнымъ. Войска Севастопольскаго гарнизона состояли на такъ называемомъ морскомъ довольствіи и получали натурою мясо и водку, и деньгами на масло и зелень; за послѣднія офицеру приходилось, сколько помнится, до 14 р. въ мѣсяцъ. Мясо крымскихъ барановъ было превосходно и припоминается до сихъ поръ. Въ мѣстномъ крымскомъ винѣ, правда плохомъ, недостатка не было никогда; оно доставлялось прямо на бастіоны разносчиками и измѣнялось въ цѣнѣ сообразно съ благополучіемъ минуты; въ обыкновенные дни за бутылку платили 30—40 коп.; въ бомбардировку—рубль и свыше. Разносчики были по преимуществу изъ отставныхъ матросовъ, и каждый имѣлъ своихъ излюбленныхъ покупателей; они, вмѣстѣ съ тѣмъ, изображали изъ себя ходячія газеты, переносившія новости съ одного бастіона на другой. А новостей всегда была бездна: того убили, того ранили, того назначили туда-то; на такой то батареѣ случилось то-то и проч. и проч. Формы въ одеждѣ не соблюдалось ни между солдатами, ни между офицерами; въ августѣ не считалось преступленіемъ противъ военной дисциплины встрѣча начальниковъ безъ верхней одежды, лишь бы при саблѣ. Льгота эта досталась не сразу и не безъ усиленнаго противодѣйствія; особою заботливостію о соблюденіи формы въ одеждѣ отличался начальникъ горнизона, генералъ Остенъ-Сакенъ. Разрѣшеніе солдатамъ ходить безъ галстуховъ послѣдовало по личной инпціативѣ покойнаго Государя. На укрѣпленіяхъ было множество собакъ и кошекъ, пріуроченныхъ къ той или другой солдатской или матросской артели; между ними встрѣчались раненые и искалѣченные ветераны на трехъ ногахъ, безъ хвостовъ, обожженныя. Бѣдныя созданія, которымъ такъ привольно жилось все время, погибли большею частію 27 августа, при взрывѣ пороховыхъ погребовъ, вслѣдъ за оставленіемъ бастіоновъ. Время на бастіонахъ, само собою разумѣется, поглощалось преимущественно службою:

пальба, перемѣна подбитаго орудія или станка, исправленіе поврежденной платформы были обыденными явленіями; въ офицерскихъ досугахъ даже не оставалось мѣста картамъ, по крайней мѣрѣ—въ августѣ. Въ короткіе промежутки свободнаго времени офицеры собирались въ своихъ блиндажахъ, или отправлялись въ другіе: тутъ завязывались бесѣды и споры о текущихъ событіяхъ и передавались новости, въ которыхъ недостатка не было. Досуги эти сопровождались разными эпизодами вродѣ, напримѣръ, слѣдующаго. Сколько помнится, въ половинѣ августа, часовъ около шести вечера, когда обыкновенно смѣнялись у французовъ траншейные караулы, при чемъ ружейный огонь всегда утихалъ на часъ или полчаса, нѣкоторые изъ помѣщавшихся на батареѣ Азарьева офицеры, въ томъ числѣ пишущій эти строки, расположились пить чай на открытомъ воздухѣ. Мы разсѣлись, со стаканами въ рукахъ, у входа въ блиндажъ. Вправо, около траверса, на разстояніи трехъ шаговъ, стояли скученными три полевыя орудія и возлѣ нихъ, подъ навѣсомъ изъ зеленыхъ вѣтвей, лежали артиллеристы, человѣкъ семь, а влѣво, около самаго блиндажа, растянулся ничкомъ пѣхотный солдатъ. Мы беззаботно разсуждали о чемъ то; кругомъ суетились матросы, собираясь ужинать; вдругъ, шагахъ въ пяти отъ насъ, упала лохматка; я осязательно видѣлъ, какъ подкатилась она подъ одно изъ орудій и начала кружиться на мѣстѣ. Вслѣдъ затѣмъ насъ оглушило трескомъ: лохматку разорвало. Все это было такъ неожиданно, такъ внезапно и такъ мгновенно, что ни одинъ изъ насъ не успѣлъ ни привстать со своего мѣста, ни даже набраться что называется страху. Импитомъ разрыва всѣхъ насъ оттолкнуло къ блиндажу. Когда разсѣялся дымъ, первая мысль была осмотрѣться кругомъ: кого именно отправило на тотъ свѣтъ. Къ удивленію всѣ изъ насъ оказались налицо и притомъ — невредимы; изъ подъ навѣса артиллеристовъ тоже не слышалось ни одного стона; все ограничилось поврежденіемъ колеса одного изъ орудій, у котораго вышибло нѣсколько спицъ. Въ это самое время при-

поднимается лежавшій у блиндажа солдатикъ съ словами: „Ну спасибо, лохматушка, что почистила сапоги, самому то некогда“, и пошелъ себѣ, прихрамывая. Оказалось, что осколокъ бомбы, скользнувъ по сапогу солдата, оставилъ на немъ глянцевитый слѣдъ. Отдѣлался ли краснобай только одною чисткою сапога—справляться потомъ было некогда.—Отлучки офицеровъ съ бастіоновъ практиковались рѣдко; для моряковъ онѣ не имѣли смысла, такъ какъ ходить было некуда и не для чего, для другихъ—имѣли цѣлью исключительно Николаевскую батарею, гдѣ узнавались всевозможныя новости; о Сѣверной сторонѣ, по дальности разстоянія, помышлялось еще рѣже. Жизнь не утихала и по ночамъ; напротивъ, часто принимала болѣе дѣятельный видъ: нужно было ухищряться для противодѣйствія одолѣвавшимъ непріятельскимъ бомбамъ, не говоря уже объ усиленіи бдительности противъ нечаяннаго нападенія. Наконецъ, по ночамъ производились исправленія укрѣпленій. Хотя исправленія эти дѣлались особо наряжаемыми командами отъ пѣхотныхъ полковъ и ближайшее руководство ими, въ техническихъ подробностяхъ, принадлежало саперамъ, однако на мѣстныхъ батарейныхъ командирахъ лежала обязанность наблюденія за дѣльнымъ исправленіемъ. За недостаткомъ мортиръ въ Севастополѣ, придуманъ былъ особый родъ пальбы, не указанный артиллерійскою наукою—„*съ попа*“. Дѣло заключалось въ томъ, что въ вырытую воронкообразную (коническую) яму ставилась обыкновенно подбитая 36 фунтовая корабельная пушка, подъ угломъ возвышенія отъ 25° до 30°, (на пушечныхъ станкахъ уголъ возвышенія не превосходилъ нѣсколькихъ градусовъ). Пущенное изъ нея ядро, описывая высокую дугу, летѣло съ особымъ звукомъ на огромное разстояніе и достигало даже непріятельскаго лагеря. Разумѣется, подобная стрѣльба не имѣла дѣйствительности, по невозможности прицѣливанія, но, тѣмъ не менѣе, отвѣчала цѣли—тревожить непріятеля. У союзниковъ замѣняли нашихъ „поповъ“ элеваціонные станки; выпущенныя съ нихъ ядра на-

зывались у насъ *„жеребцами“*, по тому же характеристичному звуку въ полетѣ. Видъ раненыхъ и убитыхъ, вслѣдствіе привычки, не производилъ особеннаго впечатлѣнія на нервы, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ и заставлялъ ихъ вздрагивать. На каждомъ бастіонѣ находился перевязочный пунктъ, впрочемъ безъ медика, съ одними фельдшерами. Институтъ сестеръ милосердія въ Крымскую войну только зарождался и сестеръ было очень мало; объ нихъ только упоминали въ отрывочныхъ разсказахъ, но лично я не встрѣчалъ въ Севастополѣ ни одной, не смотря на то, что раза два навѣщалъ изъ любопытства главный госпиталь въ Николаевской батареѣ. Я видѣлъ тамъ, между прочимъ, кучи отрѣзанныхъ человѣческихъ рукъ и ногъ по угламъ, въ операціонныхъ палатахъ, но зрѣлища отпиливанія ихъ тупыми инструментами послѣ неподѣйствовавшаго хлороформированія и при раздирающихъ крикахъ паціентовъ, выдерживать не могъ.—Перевязочный пунктъ 5 бастіона помѣщался въ казематированной башнѣ его горжи (на половину разрушенной непріятельскими выстрѣлами) и оглашался стонами ополченцевъ; солдаты же обстрѣленныхъ полковъ и въ особенности матросы стоически переносили физическія страданія отъ ранъ. Нужно замѣтить, что Курское ополченіе съ прибытія своего 4 августа зачислено было въ составъ Севастопольскаго гарнизона и назначалось, по преимуществу, на ночныя работы по исправленію укрѣпленій. Санитарныя условія Севастопольскихъ госпиталей были такъ неблагопріятны, что самыя незначительныя наружныя раны оканчивались иногда смертельнымъ исходомъ, вслѣдствіе развитія госпитальнаго антонова огня.

Но весь этотъ довольно размѣренный строй жизни съ началомъ послѣдней бомбардировки, вслѣдствіе всеобщаго возбужденія и лихорадочной дѣятельности, превратился въ какой то хаосъ, впрочемъ казавшійся такимъ для поверхностнаго и неопытнаго глаза. Собственно въ хаотическомъ видѣ представлялся наружный видъ бастіоновъ, разбитыхъ,

полуобрушенныхъ, заваленныхъ обломками всякаго рода; живая же душа ихъ, заключенная въ защитникахъ, не умирала, не разсѣивалась и не менѣе прежняго таила въ себѣ грозную силу. Первое послѣдствіе бомбардировки выразилось въ общемъ переселеніи начальствующихъ, такъ какъ большая часть офицерскихъ блиндажей была разрушена въ первый же день. Въ этомъ повальномъ разрушеніи доказательнѣе всего высказывалась сила непріятельскаго огня; напримѣръ, блиндажъ Азарьева накрытъ былъ двойнымъ рядомъ дубовыхъ бревенъ, въ $^{3}/_{4}$ аршина въ діаметрѣ каждое, сверхъ которыхъ имѣлась еще земляная насыпь въ 4—5 аршинъ и, тѣмъ не менѣе, блиндажъ былъ разворочепъ бомбами. Одновременно съ блиндажами были уничтожены и другія приспособленія: цистерны для воды, офицерскія кухни и проч. Солдаты и матросы скучились также въ немногихъ уцѣлѣвшихъ блиндажахъ, ютились подъ пушками, около траверзовъ. Служебная дѣятельность удвоилась и требовала особаго напряженія; прекратилась правильность въ пищѣ, отдыхѣ, такъ какъ снабженіе бастіоновъ боевыми и продовольственными запасами часто сопровождалось взорваніемъ и разбитіемъ слѣдовавшихъ туда повозокъ. Съ 24 августа и по день оставленія южной стороны, никто изъ офицеровъ на 5 бастіонѣ ни разу не раздѣвался. Выше было сказано, что со второго дня бомбардировки укрѣпленія перестали отвѣчать на непріятельскіе выстрѣлы. Чтобъ не подвергать безполезно людей опасности, на 5 бастіонѣ было рѣшено держать наверху, кромѣ сигнальщиковъ и часовыхъ, лишь нѣсколько стрѣлковъ и по одному дежурному орудію; всѣ остальные обязательно должны были укрываться гдѣ, кто могъ. По той же причинѣ, между офицерами, по взаимному соглашенію, установлено было очередное дежурство, сколько помнится на 3 или 4 часа. Дежурный обязанъ былъ находиться наверху безотлучно и слѣдить за всѣмъ происходившимъ, какъ въ своемъ районѣ, такъ и у непріятеля; остальнымъ предоставлялась сво-

бода оставаться въ блиндажѣ. Понятно, что дежурство это было крайне утомительно: долгъ товарищества и чести обязывалъ быть вездѣ, за всѣмъ усмотрѣть, всѣмъ распорядиться и все угадать.

Упомянувъ о сигнальщикахъ, необходимо объяснить ихъ обязанность. Сигнальщики назначались для предупрежденія о непріятельскихъ снарядахъ, падающихъ въ бастіонъ. Они выбирались изъ самыхъ опытныхъ старожилыхъ матросовъ, ознакомленныхъ какъ со сферой дѣйствія каждой непріятельской батареи, такъ и съ направленіемъ каждаго выпущеннаго ими снаряда и мѣстомъ его паденія. Практическая польза подобнаго предупрежденія состояла въ томъ, что оно въ иныхъ случаяхъ или вовсе устраняло опасность отъ летѣвшаго снаряда, или умаляло таковую. Напримѣръ, чтобы не попасть въ сферу полета осколковъ упавшей близко бомбы, послѣ ея разрыва поднимавшихся вверхъ, стоило только прилечь къ землѣ. Сигналы подавались громкимъ и протяжнымъ голосомъ, въ условныхъ выраженіяхъ, сложившихся на языкѣ матросовъ. Такъ „*бомба идетъ*" —означало что сейчасъ должна упасть бомба, „*ракита идетъ*"—что падаетъ ракета, „*пушка идетъ*"—что ядро направлено въ данное мѣсто. Ошибки въ первоначальномъ сигналѣ исправлялись вслѣдъ за нимъ, напримѣръ,—„*бомба идетъ!*" а потомъ—„*не наша*"—означало что бомба упадетъ въ другомъ мѣстѣ, внѣ района, отъ котораго выставленъ сигнальщикъ.

Немаловажною задачею осажденныхъ въ послѣднее бомбардированіе было охраненіе пороховыхъ погребовъ, въ то время весьма переполненныхъ, не смотря на постоянный недостатокъ пороха въ Севастополѣ. Происхожденіе такого избытка слѣдующее. Въ продолженіе всей осады нерѣдко отдавались приказанія беречь порохъ, причемъ во 1-хъ, опредѣлялось maximum ежедневныхъ выстрѣловъ изъ каждаго орудія, напр. 10, а во 2-хъ, количество зарядовъ отпускалось значительно меньше противъ требованій командировъ батарей. Послѣдніе, изъ естественнаго желанія не оставаться

безоружными въ случаяхъ усиленной канонады со стороны непріятеля и не допускать безпрепятственнаго разгромленія своихъ батарей, начали показывать число выпущенныхъ зарядовъ болѣе, а число остающихся въ запасѣ—менѣе противъ дѣйствительнаго, и въ то же время требовать ихъ въ двойной пропорціи противъ необходимаго. Впослѣдствіи это обратилось въ общее правило, и 27 августа пороховые погреба, на всей оборонительной линіи, завалены были порохомъ, тогда какъ по оффиціальнымъ вѣдомостямъ его не значилось и десятой части.

Разскажу одинъ эпизодъ, указывающій какъ неохотно наши солдаты брались за дѣло ночныхъ исправленій на укрѣпленіяхъ. На второй день бомбардировки, въ предвечерній промежутокъ ея, я отправился въ городъ на батарейную квартиру и оттуда, по близости, зашелъ въ Николаевскій фортъ. Въ обратный путь я тронулся за столько именно времени, чтобы успѣть добраться на бастіонъ до начала канонады, но встрѣча съ офицеромъ Курскаго ополченія, просившимъ указать ему дорогу на 4 или 3 бастіонъ, задержала меня на нѣсколько минутъ. Едва успѣлъ я подняться на гору, къ оборонительной стѣнкѣ между 6 бастіономъ и батареею № 7, какъ раздался знакомый залпъ, открывавшій новое дѣйствіе въ бомбардировкѣ. Путь мой лежалъ вдоль оборонительной стѣнки, мимо 6 бастіона, по прямой линіи, продольно обстрѣливаемой съ французскихъ батарей, противъ 4 бастіона. На встрѣчу неслись ядра и гранаты, прыгали, разрывались, проскакивая, казалось, между руками и ногами. Однако нужно было идти,—и я шелъ. У каземата 6 бастіона меня окликнули сидѣвшіе въ амбразурѣ его офицеры и, указывая на весь абсурдъ дальнѣйшаго путешествія въ хороводѣ ядеръ, предложили выждать у нихъ наступленія сумерокъ, съ которыми прицѣльный огонь уменьшался въ пользу навѣснаго. Я согласился. Продолжая затѣмъ путь, около люнета Бутакова, я наткнулся на роту, назначенную на 5 бастіонъ на ночныя работы. Бомбы уже падали кру-

гомъ и солдаты, прижавшись къ стѣнкѣ, не шли дальше. Ротный командиръ, узнавши, что я также направляюсь на 5 бастіонъ, просилъ помочь ему въ воздѣйствіи на солдатъ, не желавшихъ идти на ненавистныя работы. Пришлось прибѣгнуть къ хитрости увѣреніями во 1-хъ, что проведу ихъ болѣе безопасною дорогой, а во 2-хъ, что они будутъ поставлены на бастіонѣ въ хорошихъ мѣстахъ. Послѣ долгихъ колебаній солдаты тронулись за мной; прежде всего я имѣлъ ввиду оттянуть ихъ отъ стѣнки влѣво, на открытое мѣсто. Окруживъ себя унтеръ-офицерами, я сталъ громко развивать теорію о томъ, что не та бомба опасна, которая падаетъ близко, а та, которая разрывается вдали, поясняя ее примѣрами валившихся тутъ же кругомъ. Солдаты заинтересовались было и не отставали, пока неудачно выбранная бомба не опровергла всю мою латынь, поваливъ осколкомъ кого то сзади. Пришелъ я на бастіонъ одинъ.

Не безинтересны также факты безсознательнаго проявленія у человѣка инстинкта самосохраненія. Какъ уже сказано, блиндажъ Азарьева былъ разрушенъ; мнѣ пришлось, въ числѣ другихъ, перебраться въ блиндажъ командира бастіона—лейтенанта Банкова и занять тамъ послѣднее свободное на лавкѣ мѣсто, около самаго входа. Прямо противъ входа, шагахъ въ трехъ, начиналась подошва насыпи надъ пороховымъ погребомъ. Французы усиленно добивались взорвать послѣдній и пускали бомбу за бомбой, изъ которыхъ многія скатывались по отлогости насыпи къ самому порогу блиндажа, гдѣ лежали два большихъ камня. Бомба, задержанная камнями, останавливалась, кружилась и затѣмъ разрывалась, причемъ осколки зачастую летѣли въ блиндажъ и врѣзывались въ дубовые столбы у противоположной стѣны. Понятно, что доставшееся мнѣ мѣсто находилось какъ разъ на линіи полета этихъ осколковъ. На третью ночь бомбардировки, послѣ смѣны съ дежурства, я повалился усталый на свое мѣсто и крѣпко заснулъ. На утро мнѣ разсказывали, какъ я сонный, съ закрытыми глазами, вставалъ

и отходилъ внутрь блиндажа, коль скоро упавшая у порога бомба своимъ клокотаньемъ обнаруживала готовность разорваться.

Еще одна подробность въ обстановкѣ 5-го бастіона. На батареѣ Азарьева стояла на аналоѣ икона Св. Николая съ паникадиломъ. Въ праздничные дни передъ ней служились молебны. Въ послѣднюю бомбардировку, по ночамъ на паникадилѣ не доставало мѣста для зажигаемыхъ свѣчей, и подъ грозный вой канонады въ освѣщенномъ кругу можно было видѣть группы молящихся колѣнопреклоненно Севастопольскихъ бойцовъ. Въ эти дни кружечный сборъ у образа переходилъ за 100 р. ежедневно.

Вотъ въ какомъ положеніи находился Севастополь утромъ 27 августа. Не смотря на всѣ усилія къ исправленію укрѣпленій, они до того были разбиты, что двухчасовой канонады съ утра было совершенно достаточно для уничтоженія почти всего труда минувшихъ ночей. По всей линіи рва почти не существовало, за исключеніемъ 4 бастіона, основательнѣе всѣхъ построеннаго; множество амбразуръ было засыпано, пороховые погреба поддерживались съ самыми невѣроятными усиліями: гарнизонъ и въ особенности артиллерійская прислуга, оставаясь безъ сна и частію безъ достаточной пищи, были крайне утомлены. Ко всему этому нужно присоединить закрадывавшееся моральное уныніе.

Мысль о неизбѣжности скораго штурма была всеобща съ перваго же дня бомбардировки, и всѣ заботы клонились къ разгадкѣ дня и часа его. Но какъ было угадать этотъ часъ? Ожидали штурма 26 августа, въ годовщину Бородинскаго сраженія, что подтверждали перебѣжчики, но 26-е число прошло и недоумѣніе увеличилось еще болѣе. Ожидали раннимъ утромъ 27-го, но приближался и полдень, а штурма не было. Всѣ знали, что штурмъ можетъ послѣдовать каждую минуту, и тѣмъ не менѣе онъ засталъ нѣкоторыхъ врасплохъ. Такимъ образомъ день 27 августа начался при обыкновенныхъ условіяхъ прежнихъ дней: съ утра продолжалась

своимъ порядкомъ бомбардировка, потомъ къ полудню она стала затихать на Корабельной. Вслѣдъ затѣмъ сигнальщикъ съ вышки каземата 5 бастіона ошеломилъ насъ возгласомъ: „Французы на Малаохвомъ курганѣ!..“.

Но прежде чѣмъ начать разсказъ о подробностяхъ штурма, не мѣшаетъ выяснить себѣ, какимъ путемъ непріятель достигъ успѣха и былъ ли этотъ успѣхъ дѣйствительно такъ подготовленъ, что исключалъ теоретически возможность неудачи. Выше было сказано, что послѣ 6 іюня французскій главнокомандующій поставилъ себѣ задачею — отстранить тѣ препятствія, которыя обусловили неуспѣхъ перваго штурма. А именно: 1-е, ему предстояло приблизиться къ осажденнымъ укрѣпленіямъ, и союзники исполнили это съ успѣхомъ, хотя и не были допущены до контръ-эскарпа; послѣднее, впрочемъ, не имѣло значенія при характерѣ Севастопольскихъ укрѣпленій; 2-е, разрушить укрѣпленія обороняющагося и привести его артиллерію въ невозможность встрѣчать нападающаго картечью—и въ томъ и въ другомъ успѣхъ былъ совершенно недостаточный, такъ какъ большинство пушекъ оставалось въ цѣлости, а каждую подбитую осажденный могъ замѣнить новою; 3) засыпать рвы атакованныхъ укрѣпленій для облегченія эскалады; 4) предварительно подавить нравственный духъ осажденныхъ и физическую бодрость гарнизона постояннымъ и продолжительнымъ ожиданіемъ штурма и 5) удачно избрать моментъ нападенія и искусно скрыть такой отъ обороняющихся. Всѣ эти задачи Пелисье выполнилъ съ успѣхомъ, за исключеніемъ развѣ того, что не поколебалъ рѣшимости Севастопольцевъ защищать свои укрѣпленія. Итакъ, большинство прежнихъ препятствій было побѣждено, но это еще не означало, что большинство шансовъ къ успѣху перешло на сторону союзниковъ. А именно: тутъ не взято въ разсчетъ, что за стѣнами Севастополя и за плечами постоянныхъ защитниковъ его оставалась еще цѣлая армія, вслѣдствіе чего штурмъ 27 августа долженствовалъ бы превратиться въ схватку между двумя враждебными ар-

міями, но съ тѣмъ преимуществомъ для русской, что она сражалась за стѣнами, сохранявшими громадную артиллерію. Въ самомъ дѣлѣ, нужно только представить себѣ, что атакующій, прежде всего, встрѣчаетъ на пути крѣпостную ограду, съ которой навстрѣчу ему несутся залпы ружейнаго и картечнаго огня, которую затѣмъ нужно эскаладировать подъ штыками защитниковъ и потомъ штыками выбивать ихъ оттуда, а въ заключеніе—встрѣтить цѣлыя массы свѣжихъ силъ. Отсюда понятно, что всѣ выгоды, пріобрѣтенныя въ послѣднее время осаждающими только уравновѣшивали его шансы сравнительно съ обороняющимся.

Утверждаютъ еще, что артиллерія Малахова кургана, на который послѣдовало первое нападеніе, была демонтирована 27 августа и не могла встрѣтить атакующихъ картечью. Это невѣрно. На Малаховомъ курганѣ было то же самое, что и на другихъ бастіонахъ, а на другихъ бастіонахъ было слѣдующее: Обыкновенно, съ утра орудія заряжались ядромъ и картечью вмѣстѣ и въ такомъ видѣ оставлялись. Черезъ нѣсколько часовъ непріятельскіе снаряды почти засыпали амбразуру землею (обсыпавшеюся съ вала и щекъ или боковыхъ стѣнокъ амбразуры) и стрѣлять повидимому было нельзя; на самомъ же дѣлѣ препятствіе было только кажущееся: первый выстрѣлъ ядромъ съ картечью легко выносилъ вонъ рыхлую землю и очищалъ амбразуру настолько, что дальнѣйшая стрѣльба могла производиться съ какою угодно дѣйствительностью. Обсыпавшаяся земля, напротивъ, предохраняла орудія отъ подбитія непріятельскими снарядами.

Теперь, надѣюсь, можно утвердительно сказать, что безъ оплошности на Малаховомъ курганѣ, французовъ и на этотъ разъ ожидала такая же неудача, какъ и 6 іюня. Нагляднымъ доказательствомъ служитъ рѣшительное пораженіе атакующихъ на всѣхъ прочихъ пунктахъ, т. е. гдѣ были готовы къ отпору. Этимъ я вовсе не утверждаю объ абсолютной неодолимости Севастополя послѣ послѣдней бомбардировки, вслѣдъ за которой онъ былъ бы оставленъ добровольно.

Августа 27, въ 11½ часовъ, въ 349 день осады, Пелисье, соединивъ до 40.000 французовъ, подъ командою Боске, атаковалъ разомъ Малаховъ курганъ, рогатку и бастіонъ № 2, а спустя полчаса—англичане атаковали третій бастіонъ. Штурмъ пятаго бастіона начался въ третьемъ часу по-полудни.

Выше сказано, что со второго дня бомбардировки осажденные слабо отвѣчали на непріятельскій огонь. Вслѣдствіе сего большая часть артиллерійской прислуги и гарнизона укрывалась отъ непріятельскихъ снарядовъ въ блиндажахъ или гдѣ находила возможнымъ; на банкетахъ оставались лишь часовые и небольшое число стрѣлковъ. Въ особенности въ полденъ, какъ считавшійся почему то болѣе безопаснымъ временемъ, предосторожности значительно ослаблялись. Но если такъ было на большей части бастіоновъ, то на Малаховомъ курганѣ оказалась рѣшительная безпечность. Французы успѣли пробѣжать пространство отъ передовыхъ траншей своихъ до вала, прежде чѣмъ на курганѣ распространилась тревога. Сильный и порывистый вѣтеръ, поднимая облака пыли, благопріятствовалъ нападающимъ, скрывая предварительныя ихъ движенія въ траншеяхъ.

Но тутъ необходимо ознакомиться съ Малаховымъ курганомъ. Корниловскій бастіонъ или Малаховъ курганъ, построенный съ самаго начала осады, представлялъ отдѣльное сомкнутое укрѣпленіе въ видѣ подковы, окруженное со всѣхъ сторонъ рвомъ. Къ нему вели три сообщенія: отъ рогатки, съ батареи Жерве, и со стороны Корабельной; послѣднее имѣло видъ широкой дороги. Всѣ три прохода защищались траверсами; на первомъ и послѣднемъ имѣлись деревянные мостики черезъ ровъ. Въ предохраненіе отъ продольныхъ выстрѣловъ со стороны Камчатскаго и Селенгинскаго редутовъ курганъ былъ перерѣзанъ прочными поперечными траверсами, служившими въ тоже время и блиндажами для гарнизона. Бомбардируемый жестоко цѣлый августъ, онъ сильно пострадалъ: ровъ былъ засыпанъ, валъ оставался цѣ-

лымъ только со стороны горжи. Постоянно приходилось слышать сужденія: не будь Малаховъ курганъ закрытъ съ горжи и будь онъ построенъ подобно бастіонамъ № 4 и 5, французы не удержались бы въ немъ 27 августа. Совершенно справедливо, что горжа Малахова кургана была единственно-существенной причиной его паденія 27 августа, потому что помѣшала нашимъ резервамъ войти въ него и выбить французовъ, но тѣмъ не менѣе вопросъ ставится неправильно. Не нужно забывать, что Малаховъ курганъ получилъ особое значеніе съ мая мѣсяца, т. е. со времени перенесенія на него главной атаки, веденной прежде противъ 4 бастіона. До того укрѣпленія Корабельной стороны были незначительны, слабы и не имѣли еще второй линіи, а потому, для приданія Малахову кургану самостоятельности и устойчивости, необходимо было сдѣлать его укрѣпленіемъ сомкнутымъ. На это указывали Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ. И дѣйствительно, горжа спасла Малаховъ курганъ дважды: первый разъ—26 мая, когда французы, по занятіи Камчатки, бросились въ тылъ ему и батареѣ Жерве, а второй разъ— 6 іюня, когда, овладѣвъ батареею Жерве, они заняли домики позади Кургана. Въ обоихъ случаяхъ Курганъ былъ бы взятъ если бы не его горжа, задержавшая нападающихъ. Но когда направленіе главной атаки достаточно обозначилось для осажденныхъ и когда они, послѣ отраженія перваго штурма, приступили къ устройству второй линіи укрѣпленій, за первымъ и вторымъ бастіонами и рогаткою, то одновременно съ тѣмъ необходимо было построить сильное укрѣпленіе и сзади Малахова кургана, а горжу его уничтожить. Къ сожалѣнію, это было упущено изъ виду.

Первое нападеніе послѣдовало на лѣвый фасъ Малахова кургана, около самой рогатки, и на лѣвый фасъ гласисной батареи (передовой батареи кургана). Безъ труда опрокинувъ безпечный гарнизонъ, не встрѣтившій нападающихъ ни однимъ пушечнымъ выстрѣломъ, французы бросились къ башнѣ, залегли около нея и начали ружейную перестрѣлку

съ собиравшимися частями гарнизона, между тѣмъ какъ другіе захватывали въ блиндажахъ неуспѣвшихъ выбѣжать оттуда офицеровъ и солдатъ. Тутъ, въ числѣ другихъ, былъ захваченъ въ блиндажѣ и генералъ Буссау, командовавшій войсками на 4 отдѣленіи оборонительной линіи, вслѣдъ затѣмъ убитый въ свалкѣ русскою пулею. Буссау съ своею 15-ю резервною дивизіею прибылъ на Корабельную ночью. Занявъ лѣвый фасъ кургана, французы усиливаемые безпрерывно подходившими массами, продолжали распространяться во всѣ стороны, и Прагскій резервный полкъ, отстаивая каждый шагъ, наконецъ вынужденъ былъ послѣ жестокаго боя очистить курганъ совершенно и отступить частію въ проходъ къ Корабельной, а частію на батарею Жерве. Тутъ подоспѣлъ Хрулевъ съ резервомъ. Подойдя къ проходу со стороны Корабельной, онъ приказалъ легкой № 4 батареѣ 17 бригады обстрѣлять его и потомъ лично повелъ Ладожскій полкъ. Французы были выбиты изъ прохода и наши завладѣли пространствомъ въ два орудія, вправо по горжѣ. Непосредственно затѣмъ погнали французовъ съ рогатки. Пользуясь моментомъ, Хрулевъ двинулся впередъ и овладѣлъ всѣмъ пространствомъ до послѣдняго длиннаго поперечнаго траверса, представлявшаго для кургана особенную важность по защитѣ отъ выстрѣловъ со стороны Камчатки. Здѣсь на площадкѣ между траверсомъ и башней стояла главная масса французовъ; какъ только бѣжавшіе передъ нашими войсками успѣли перебраться за траверсъ и примкнуть къ своимъ, раздался залпъ. Залпъ этотъ рѣшилъ участь кургана. Множество офицеровъ нашихъ было убито; Хрулевъ раненъ и войска, лишенные начальника, за которымъ слѣдовали всегда безотчетно, тотчасъ приняли пассивное положеніе. Въ этотъ критическій моментъ раздались крики французовъ на правомъ флангѣ и въ тылу защитниковъ кургана; занявъ ближайшую часть батареи Жерве, они ломились на курганъ черезъ проходъ и брустверъ праваго фаса. Русскіе отошли назадъ до сапернаго блиндажа, т. е. очистили $^2/_3$ кур-

гана, но французы, обѣжавъ на горжевой валъ, тѣмъ самымъ заставили ихъ отступить за проходъ. Малаховъ курганъ былъ потерянъ безвозвратно; непріятель тотчасъ принялъ всѣ мѣры къ прочному утвержденію въ немъ: передній брустверъ былъ срытъ, проходы завалены и ввезено нѣсколько полевыхъ орудій. Вслѣдъ затѣмъ подняты были: на башнѣ—орелъ 91-го линейнаго полка, а на правомъ и лѣвомъ фасахъ и въ серединѣ на траверсѣ—значки. Видъ французскихъ знаменъ на курганѣ яростно отозвался въ сердцахъ Севастопольцевъ: немедленно стоявшіе на рейдѣ пароходы, городская батарея Эйсмонта, 3 бастіонъ и батарея Сѣверной стороны сосредоточили въ него свои выстрѣлы, которыми и былъ взорванъ пороховой погребъ, между рогаткою и Курганомъ. Орелъ повалился въ прахъ, и множество французовъ взлетѣло на воздухъ; остальные же, объятые паническихъ страхомъ, бросились бѣжать съ Кургана. Но прежде чѣмъ войска наши успѣли воспользоваться смятеніемъ непріятеля, все пришло въ прежній видъ, и французы занимали Малаховъ курганъ твердою ногою.

Одновременно съ курганомъ, французы атаковали и выбили русскихъ съ рогатки, гарнизонъ которой отступилъ во вторую линію и держался тамъ до прибытія резервовъ. Хрулевъ схватилъ полки Шлиссельбургскій и Ладожскій и, проведя ихъ мимо 2 бастіона, уже занятаго французами, раздѣлилъ ихъ на три части и изъ за второй линіи рогатки разомъ атаковалъ всѣ отнятыя у насъ укрѣпленія. Одна часть Шлиссельбургскаго полка двинута была во флангъ и тылъ атаковавшимъ вторую линію 2-го бастіона, другая—фронтально на овладѣвшихъ рогаткою, а Ладожскій полкъ, подъ личнымъ начальствомъ Хрулева, пошелъ на Малаховъ курганъ. Французы были скоро выбиты съ рогатки: одна часть ихъ бросилась черезъ валъ на Малаховъ курганъ, а другая отступила въ траншеи. Устроившись тамъ, французы снова бросились впередъ и снова были отбиты. Когда всѣ попытки непріятеля, повторявшіяся еще два раза, были отражены, онъ

открылъ по рогаткѣ съ Селенгинскаго редута продольно рикошетный огонь бомбами и гранатами, а съ Малахова кургана картечью изъ нашихъ же орудій. Несмотря на это обороняющіеся держались тутъ до отступленія.

По занятіи 2-го бастіона, послѣ перваго нападенія, французы, построившись въ колонны, двинулись на вторую его линію и батарею Гейнриха, но задержанные отступавшимъ гарнизономъ были приняты во флангъ резервомъ, приведеннымъ Хрулевымъ, и скоро выброшены совсѣмъ съ бастіона. Устроившись въ траншеяхъ, они снова двинулись въ атаку, имѣя впереди генераловъ Сенъ-Поля и Биссона, но картечь и ружейный огонь обратили ихъ назадъ. Сенъ-Поль убитъ, Биссонъ—раненъ. Встрѣченные при отступленіи картечью своихъ же батарей и подкрѣпленные гвардейскими егерями французы опять бросились на бастіонъ и опять были отбиты. Съ прибытіемъ бригады Маролля и гвардейскихъ гренадеръ, непріятель возобновилъ наступленіе: ободряемые своими офицерами атакующіе подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ шли впередъ съ отчаянною храбростію, но безуспѣшно. Все пространство впереди бастіона, равно какъ и между первою и второю линіею, было покрыто сплошными грудами труповъ ихъ. Немногіе однако успѣли добѣжать до рва, гдѣ и залегли; тогда ядра, картечь, камни— все, что имѣло какую либо тяжесть, посыпалось на головы отважныхъ, пока наконецъ 40 ручныхъ гранатъ, принесенныхъ съ Парижской батареи (1-го бастіона), ни выжили ихъ оттуда. Генералъ Маролль убитъ. Честь отраженія штурма на этомъ пунктѣ принадлежитъ энергической храбрости генерала Сабашинскаго, начальника 5 пѣхотной дивизіи, но въ то же время нельзя не отдать должной справедливости и мужеству непріятеля. Въ особенности французскіе офицеры выказали военную доблесть. Одинъ штабъ-офицеръ ихъ обратилъ на себя общее вниманіе. Съ самаго начала онъ постоянно былъ впереди и, когда опрокинутыя колонны скрывались въ траншеяхъ, онъ одинъ оставался передъ бастіономъ, голосомъ и жестами ободряя своихъ. Даже съ Сѣверной стороны замѣ-

тили смѣльчака: ему рукоплескали и вмѣстѣ съ тѣмъ направляли въ него выстрѣлы. До послѣдней свалки смерть щадила отважнаго, но затѣмъ его уже не было видно.

При отбитіи одной изъ атакъ попался въ плѣнъ французскій полковникъ. Солдаты привели его къ Сабашинскому. Яростная и окровавленная фигура послѣдняго, съ обнаженною саблею въ рукахъ, такъ афрапировала плѣнника, что тотъ, подавая ему кошелекъ съ деньгами, взмолился о пощадѣ. Сабашинскій, схвативъ кошелекъ, бросилъ его въ лицо потерявшемуся французу.

Потеря французовъ при штурмѣ 2 бастіона была огромна.

Атака англичанъ, подъ командой полковника Виндама, на 3-ій бастіонъ началась скоро за атакой французовъ на Корабельной. Третьему бастіону въ послѣдне время выпала незавидная доля: во все продолженіе августа непріятель громилъ его усиленнымъ образомъ; но къ великой чести его ни одинъ бастіонъ не отстаивалъ себя такъ геройски; онъ дальше всѣхъ остановилъ непріятельскіе подступы, и самыя разрушительныя канонады ни разу не заставили его умолкнуть; до конца онъ былъ готовъ на каждый выстрѣлъ отвѣтить выстрѣломъ. Англичане, поддерживаемые большимъ резервомъ, въ разсыпномъ строѣ бросились на исходящій уголъ бастіона и на лѣвый фасъ отъ угла, ворвались въ амбразуры и оттѣснили Владимірскій полкъ. Но затѣмъ, вмѣсто того чтобы, воспользовавшись удачею, принимать мѣры къ дальнѣйшему овладѣнію бастіономъ, они занялись рубкою пушечныхъ станковъ, отдираніемъ досокъ въ платформахъ, пока подоспѣвшія роты Селенгинскаго и Камчатскаго полковъ ни выбросили ихъ вонъ штыками. Двукратно повторенныя атаки имѣли тотъ же результатъ; часть англичанъ засѣла было во рву, но была выгнана оттуда охотниками Владимірскаго полка. Вообще, пораженіе англичанъ было полное. Замѣчательно, что они шли въ атаку съ отомкнутыми штыками.

Сигналомъ атаки 5-го бастіона [1]) служило поднятое на Малаховомъ курганѣ французское знамя. Блистательнымъ отраженіемъ штурма бастіонъ обязанъ бдительности лейтенанта Бѣлкина, командира Люнета его же имени. Часа за три до штурма съ люнета замѣчено было движеніе въ непріятельскихъ траншеяхъ войскъ съ лѣстницами и фашинами. Бѣлкинъ сдѣлалъ тревогу, которая хотя оказалась преждевременной, но принесла однако неоцѣненную пользу въ томъ отношеніи, что, уничтоживъ всякое сомнѣніе въ близости штурма, заставила гарнизонъ быть въ полной къ нему готовности. А что значитъ быть или не быть въ готовности видно изъ слѣдующаго. Послѣ перваго звука барабана, забившаго первоначальную тревогу, прошло не менѣе четверти часа, пока артиллерійская прислуга собралась къ орудіямъ, а гарнизонъ занялъ свои мѣста по валу, т. е. время совершенно достаточное для непріятеля, чтобъ пробѣжать 40—100 шаговъ отъ траншей до рва, ворваться черезъ амбразуры въ бастіонъ и завладѣть орудіями; по первому же удару второй дѣйствительной тревоги — бастіонъ открылъ уже пушечный и ружейный огонь. Французская дивизія Левайллана, часу въ 3-мъ пополудни, разомъ атаковала крайніе пункты бастіона— люнетъ Бѣлкина и редутъ Шварца.

Предшествуемые густою цѣпью стрѣлковъ, колонны непріятельскія вышли изъ траншей и двинулись было впередъ своимъ обычнымъ pas gymnastipue, имѣя ружья на перевѣсъ. Правая колонна отъ бригады Трошю, не встрѣченная пушками редута, но жестоко поражаемая съ лѣваго фаса бастіона пушечными и ружейными выстрѣлами, не выдержала, разстроилась и повернула назадъ въ траншеи, но охотники, въ числѣ не болѣе 400 человѣкъ, добѣжавъ до редута и раздѣлившись передъ исходящимъ его угломъ, ворвались въ него съ двухъ сторонъ и вытѣснили гарнизонъ. Минута была кри-

[1]) У французовъ наши бастіоны назывались: 2-ой—le petit redan, рогатка—la grande courtine, 3-ій—le grand redan, 4-ый bastion de mât—(мачтовый) и 5-ый—bastion central (центральный).

тическая: сосѣдняя съ редутомъ батарея Азарьева была уже оставлена. Но огонь съ фасовъ бастіона не допускалъ непріятеля, усиленнаго 42-мъ и 46-мъ линейными полками и бригадою Бретона, подкрѣпить смѣльчаковъ; двукратная попытка къ наступленію была отражаема огнемъ и заставляла колонны въ безпорядкѣ скрываться въ траншеи. Начальникъ штаба перваго французскаго корпуса де-Салля генералъ Риве былъ убитъ, равно какъ и бригадный начальникъ Бретонъ. Наконецъ, подоспѣвшія двѣ роты Минскаго или Житомірскаго полка ворвались въ редутъ и, послѣ непродолжительной рукопашной схватки, заставили засѣвшихъ тамъ французовъ бросить оружіе и сдаться въ плѣнъ. Обратное взятіе редута происходило при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Редутъ Шварца, составлявшій лѣвую оконечность бастіона, сообщался съ примыкавшею къ нему батареею Азарьева проходомъ подъ валомъ, въ родѣ небольшого тоннеля. Засѣвшія въ редутѣ французы сгруппировались противъ этого прохода и встрѣтили Минскія роты залпомъ, послѣ котораго тѣ отхлынули назадъ. Никакія убѣжденія со стороны офицеровъ не могли заставить солдатъ повторить попытку; наконецъ взбѣжалъ на валъ Азарьевской батареи кто то изъ офицеровъ и, указывая на внутренность редута, объяснилъ, что тамъ французовъ „самая малость“, что подтвердили и присоединившіеся къ нему унтеръ-офицеры; наконецъ масса колыхнулась, задвигалась и повалила въ проходъ.

Атака на люнетъ Бѣлкина бригады Кустона сопровождалась одинаковыми обстоятельствами и имѣла одинаковый исходъ: одна только цѣпь успѣла добѣжать до рва, гдѣ и залегла; наступленіе же сомкнутыхъ колоннъ отражено огнемъ люнета и батарей 6-го бастіона (люнета Бутакова, батареи Шемякина и лѣваго фаса бастіона). Засѣвшіе во рву люнета также сдались послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ корронадъ (короткихъ корабельныхъ мѣдныхъ пушекъ), фланкировавшихъ ровъ, и взорваннаго фугаса. Атаки на исходящій уголъ бастіона, о которой упоминается въ реляціи начальника гарнизона, французы не предпринимали.

Въ рукахъ нашихъ осталось плѣнныхъ: 4 офицера и 148 солдатъ.

Какъ очевидецъ, долженъ сказать по совѣсти, что при штурмѣ 5-го бастіона французы не выказали приписываемой имъ отваги; колонны ихъ не выдерживали нашего огня самое короткое время и тотчасъ скрывались въ траншеи. Правда, огонь былъ частъ и такъ частъ, что все пространство впереди бастіона пылилось отъ падавшихъ въ родѣ града пуль, но въ степени поражаемости его позволительно было сомнѣваться, такъ какъ солдаты стрѣляли съ пояса, не прицѣливаясь. И никакія увѣщанія не могли заставить ихъ стрѣлять рѣже, лишь бы прицѣливаться, они спѣшили только выстрѣлить, отдать свое ружье и взять другое, заряженное изъ заднихъ рядовъ.

Обратимся къ Малахову кургану. Вслѣдъ за отъѣздомъ въ госпиталь Хрулева, на Корабельную прибылъ князь Горчаковъ, туда же направлены были большая часть городскихъ резервовъ и 4-ре полка 5-ой и 12-ой дивизій съ Сѣверной стороны. Первоначальныя распоряженія главнокомандующаго клонились къ возвращенію кургана, но въ нихъ не выказалось ни твердой воли, ни настойчивости, и потому они остались безъ результатовъ. Отсутствіе Хрулева давало себя чувствовать—некому было воодушевить и увлечь за собою войска. Частные примѣры нѣсколькихъ ротъ и отдѣльныхъ батальоновъ, пытавшихся проникнуть на курганъ, оставались безъ подражанія; скученная за кургановъ масса стояла, но не трогалась впередъ. Такъ дружина № 48 Курскаго ополченія отважно сразилась съ французами, но не поддержанная должна была отступить съ огромною потерею. Нашимъ дѣйствіямъ не доставало единства и опредѣленной цѣли. Видя безполезность дальнѣйшихъ усилій, главнокомандующій уѣхалъ, отдавъ приказаніе—держаться въ занимаемыхъ позиціяхъ.

Во всемъ происходившемъ на Корабельной батареи Сѣверной стороны принимали немаловажное участіе и своими выстрѣлами наносили большой вредъ непріятелю, движенія

котораго отчетливо обнаруживались съ Сѣверной. Выѣхавшія было для поддержанія атакующихъ колоннъ полевыя батареи не могли держаться на позиціяхъ, такъ какъ сѣверныя батареи подбивали ихъ орудія и взрывали зарядные ящики, поражая въ то же время штурмовыя колонны картечными гранатами.

Потеря наша 27 августа заключалась въ 370 офицерахъ и 11.603 нижнихъ чинахъ, выбывшихъ изъ строя. Цифра эта, взятая изъ оффиціальныхъ донесеній, кажется много преувеличенною; безъ сомнѣнія въ нее вошла значительная цифра выбывшихъ изъ строя въ предшествовавшіе дни бомбардировки, когда частнымъ начальникамъ трудно было сводить вѣрные счеты. Пятый бастіонъ понесъ самую чувствительную утрату въ начальникѣ своемъ лейтенантѣ Банковѣ, всѣми любимомъ офицерѣ, убитомъ штуцерною пулею въ високъ, послѣ окончанія штурма, когда онъ отдавалъ приказанія навѣсить амбразурные заслоны. Обыкновенно въ Севастополѣ, когда не производилась пушечная пальба, амбразуры завѣшивались канатными щитами, отлично задерживавшими ружейныя пули. Банковъ, находившійся на укрѣпленіяхъ съ самаго начала осады, наканунѣ какъ-бы предчувствовалъ смерть, часто вспоминая о своемъ семействѣ, оставленномъ въ Николаевѣ. Потеря въ бомбардировку показана въ 51 офицеръ и 3.967 нижнихъ чиновъ. Общая потеря въ августѣ состояла изъ 580 офицеровъ и 27.831 нижнихъ чина. Французы свою потерю при штурмѣ показали въ 15 генераловъ, 394 офицера и 7.648 нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненыхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣдняя цифра далеко ниже дѣйствительной, такъ какъ въ Парижѣ не стѣснялись въ сокращеніи крымскихъ своихъ потерь передъ публикою.

Отступленіе русскихъ изъ Севастополя на Сѣверную сторону, въ ночь съ 27 по 28-е августа, принадлежитъ къ очень удачнымъ военнымъ событіямъ и приноситъ немного чести непріятельскимъ главнокомандующимъ, если только рѣшеніе—не тревожить насъ въ отступленіи—не входило въ ихъ планы. Приказаніе войскамъ сниматься съ бастіоновъ дошло

туда передъ сумерками: сперва снялась полевая артиллерія, потомъ гарнизонъ, а затѣмъ матросы и прочая орудійная прислуга, предварительно заклепавъ и перепортивъ орудія; на укрѣпленіяхъ остались аріергардная цѣпь и небольшія команды для приготовленія къ взрыву пороховыхъ погребовъ, для окончательной порчи орудій, станковъ и проч. Для маскированія отступленія не переставали раздаваться до полуночи отдѣльные пушечные и ружейные выстрѣлы; непріятельскій-же огонь прекратился совершенно съ 7 часовъ вечера, и ночью на укрѣпленія и въ городъ падали только рѣдкія одинокія бомбы. Остававшіеся отъ затопленія въ прежнее время корабли — 120-ти пушечные: Парижъ и В. Князь Константинъ, 84-хъ пушечные: Императрица Марія, Храбрый, Чесма и Іегудіилъ, за исключеніемъ послѣдняго—всѣ недавней постройки, были просверлены въ трюмахъ и еще до вечера начали погружаться въ воду. Пароходы затоплены вмѣстѣ со своими машинами въ послѣдующіе дни; нѣкоторые изъ нихъ содѣйствовали переправѣ и всю ночь перевозили войска и раненыхъ съ Корабельной. Потоплено также 77 полевыхъ орудій, изъ опасенія, что не достанетъ времени на перевозку ихъ. Часть орудій сброшена въ бухту, около графской пристани, другая раньше— въ южную бухту. Опасеніе это оказалось напраснымъ, такъ какъ послѣ перехода войскъ оставалось еще слишкомъ достаточное время для перевозки всей артиллеріи. Впослѣдствіи союзники обнаружили эти орудія и присоединили ихъ къ своимъ трофеямъ. Войска безъ шуму и въ порядкѣ сходились на площадь передъ Николаевскимъ фортомъ; переходъ ихъ исключительно производился черезъ плавучій мостъ и начался еще до наступленія темноты. Въ исходѣ перваго часа начались взрывы пороховыхъ погребовъ и пожары на бастіонахъ и вслѣдъ затѣмъ, разгораясь постепенно, запылалъ подожженный во всѣхъ мѣстахъ Севастополь. Не напомнила ли непріятелю картина пылавшаго города о законѣ возмездія и не пришли ли ему въ этотъ моментъ въ голову вѣщія слова древняго пѣвца Эллады:

„Будетъ нѣкогда день и погибнетъ священная Троя,
„Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама...

Снявшись со своими полевыми пушками съ 5-го бастіона часовъ около 8 и распорядившись переправою на Сѣверную своего походнаго чемодана, я остался совершенно безъ дѣла и пошелъ бродить по городскимъ улицамъ. Натолкнувшись тамъ на команды, имѣвшія порученіе поджигать зданія, руководилъ нѣкоторое время ихъ работою. Затѣмъ отправился въ Николаевскую батарею; она совершенно пустѣла, и оставался неочищеннымъ одинъ только госпиталь. И тамъ уже раскладывались по казематамъ костры изъ мебели и всякаго горючаго матеріала. Не безъ сожалѣнія наложилъ я первую руку на великолѣпную рѣзную мебель, привезенную изъ Марселя, въ помѣщеніи бывшаго начальника гарнизонной артиллеріи въ Севастополѣ, которую не рѣшались ломать солдаты. Затѣмъ всетаки осталось время, которое некуда было дѣвать; я вернулся къ переправѣ и поневолѣ сталъ наблюдать. Зарево пожара освѣщало сумрачныя лица дефилировавшихъ по мосту севастопольскихъ бойцовъ; вправо, на высотѣ, на огненномъ фонѣ, рельефно рисовался темный силуетъ памятника Козарскому, а тамъ изъ мрака непріятельской стороны взвивались по временамъ огненныя точки и, опускаясь ближе, исчезали въ бухтѣ. Но вотъ потянулись и матросы съ узлами домашняго скарба. Я придвинулся къ шлагбауму моста: мнѣ хотѣлось проникнуть и разгадать чувства, съ которыми эти остатки героевъ покидали родной городъ. Но непривычная тишина царствовала въ рядахъ ихъ; лишь порой тотъ или другой, крестясь, какъ будто шепталъ слова молитвы; у другого вырывались какъ будто слова проклятія, но кому и за что—какъ знать... Мало по малу передъ мостомъ стало пустѣть и за недавнимъ говоромъ толпы наступила полная тишина. Одиночныя группы еще двигались по направленію къ пароходной пристани, остававшейся въ тѣни (это переносили раненыхъ изъ госпиталя), но на ярко освѣщенной площади Николаевской батареи было уже совершенно пусто... Тоска, невыра-

зимая тоска запала въ душу... Впечатлѣнія пережитого дня были еще такъ свѣжи, вся минувшая эпопея представлялась въ такомъ грандіозномъ величіи,... и мнѣ стало жалко разставаться съ Севастополемъ: съ бастіонами и бомбардировками его сжилось такъ привычно, а боевая жизнь, полная славы и опасностей, обхватывала душу такой возвышающей поэзіей, что все дальнѣйшее не представляло уже смысла, тѣмъ болѣе что самое сознаніе факта, что я выхожу изъ Севастополя здравымъ и невредимымъ, не имѣло никакого значенія передъ неизвѣстностью грядущаго, въ которомъ жизнь также мало могла входить въ серьезные разсчеты...

Перейдя на Сѣверную, я машинально пробрелъ версты двѣ за Михайловскій фортъ, попытался было разузнать про бивуакъ своей батареи, но никто не далъ удовлетворительнаго отвѣта. Куда было идти дальше?.. впереди ни одного огонька и повсюду тьма непроглядная, а тоска давила больше и больше... Я вернулся назадъ въ городъ, заглянулъ въ Николаевскую батарею, изъ которой выносили уже послѣднихъ раненыхъ... и опять пріютился около моста, гдѣ и оставался до самой зори, пока саперный офицеръ ни предупредилъ меня о начавшемся снятіи моста. Перейдя его положительно послѣднимъ и отыскавъ бивуакъ батареи, я былъ встрѣченъ съ изумленіемъ просыпавшимися офицерами и первый принесъ имъ громовую вѣсть о совершившемся оставленіи Севастополя.

Непріятель ни мало не тревожилъ насъ въ отступленіи; только изрѣдка бомба или ракета падала въ бухту или на Корабельную. Передъ разсвѣтомъ переправился аріергардъ и затѣмъ сняли мостъ. Въ полдень 28 августа снопомъ взлетѣла на воздухъ Павловская батарея; Николаевская осталась неразрушенною, потому что приказаніе о зарядѣ минныхъ колодцевъ подъ нею послѣдовало слишкомъ поздно, когда уже не оставалось для того времени. 29 и 30-го потоплены пароходо-фрегаты Владиміръ, Бессарабія и Херсонесъ, командиры которыхъ просили разрѣшенія выйти въ море, чтобы прорваться въ Николаевъ или погибнуть въ бою съ непрія-

тельскими кораблями, оцѣпившими 28-го числа входъ въ бухту сплошною дугою.

Представляю себѣ изумленіе передовыхъ непріятельскихъ войскъ, когда утромъ 28 августа они увидѣли Севастопольскія укрѣпленія и Севастопольскія развалины опустѣлыми! Въ первые за этимъ дни бродили въ нихъ только шайки французскихъ мародеровъ, къ которымъ присоедились пьяные матросы наши, справлявшіе тризну по родному пепелищу. Продолжавшійся пожаръ, воспламеняя время отъ времени уцѣлѣвшіе пороховые и бомбовые погреба, производили довольно частые взрывы; они то внушили непріятелю опасенія скрытыхъ минъ, будто бы подведенныхъ въ разныхъ частяхъ города, вслѣдствіе чего онъ оставался незанятымъ въ теченіи нѣсколькихъ дней. Къ вечеру 28 числа перевезли съ Малахова кургана раненыхъ нашихъ, переданныхъ французами и переѣхали и остальные матросы. Отнынѣ Севастополь обрекался на окончательное разрушеніе русскими же бомбами.

Такъ окончилась одиннадцатимѣсячная Севастопольская драма, а съ нею и трехлѣтняя война.

Обстоятельство долго всѣхъ удивлявшее, что непріятель не только не преслѣдовалъ, но и не безпокоилъ русскихъ въ отступленіи изъ Севастополя—разъяснялось неодинаково: одни приписывали его невѣдѣнію объ отступленіи, другіе—нежеланію вдаваться въ рискованное и опасное преслѣдованіе. Но допуская, что мысль о ночномъ преслѣдованіи, какъ дѣйствительно соединенномъ съ большими опасностями для преслѣдующихъ, не могла входить въ намѣренія Пелиссье—то чему приписать непонятное великодушіе съ его стороны, по которому онъ не сосредоточилъ въ ночь на 28 августа, на пунктъ переправы, огонь своихъ осадныхъ батарей, тогда праздныхъ, и не засыпалъ отступавшихъ бомбами? Вѣдь путь отступленія и пунктъ переправы были очень хорошо извѣстны непріятелю, такъ какъ мостъ находился у него передъ глазами; равнымъ образомъ не могли укрыться отъ Пелиссье и результаты навѣснаго огня по скученной массѣ войскъ. Очевидно, что по-

слѣдняя не осталась бы неподвижной подъ бомбами и разомъ хлынувъ на мостъ, разорвала бы его своимъ напоромъ, а тогда переправа прекратилась бы, если не совершенно, то по крайней мѣрѣ до слѣдующаго дня. Неужели Пелиссье отказался бы присоединить къ числу своихъ трофеевъ еще плѣненіе 10 или 15 тысячъ противниковъ?! Послѣ заключенія мира Пелиссье въ частныхъ бесѣдахъ съ русскими высказывалъ, что онъ догадался о начатомъ очищеніи города еще въ 7 часовъ вечера; англичане же утверждали, что удостовѣрились въ оставленіи 3-го бастіона ночью. Позволительно не только усумниться въ справедливости этихъ указаній, но прямо назвать ихъ сознательно невѣрными. Со словъ французскихъ офицеровъ, ближайшихъ участниковъ въ послѣднемъ штурмѣ, съ которыми приходилось говорить пишущему эти строки, можно прямо утверждать, что непріятель, хотя и замѣчалъ что то необычное, происходившее у осажденныхъ послѣ штурма, но истиннаго смысла происходившаго не угадывалъ до утра, а въ свою очередь опасался какихъ-либо смѣлыхъ предпріятій съ нашей стороны. Если бы союзники угадали такъ рано отступленіе, то какой смыслъ имѣли всѣ ночныя работы французовъ надъ постройкой батарей для обстрѣливанія внутренности Малахова кургана и приготовленія англичанъ къ повторенію, утромъ 28 числа, атаки на 3-й бастіонъ?

Наконецъ, естественно рождается вопросъ—что предприняли бы союзники въ случаѣ общей неудачи второго штурма 27 августа? По собственнымъ отзывамъ они вынуждены были бы пріостановить бомбардированіе по истощенію на батареяхъ зарядовъ, но опять возобновили бы таковое послѣ отстройки новыхъ мортирныхъ батарей противъ Корабельной, для которыхъ имѣли будто бы свыше 200 вновь выгруженныхъ мортиръ. Принимая въ разсчетъ, что доставка тяжестей съ морского берега на мѣсто осадныхъ работъ всегда была крайне затруднительна и, за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, производилась войсками, которыя весьма неохотно

брались за подобную работу, можно предположить, что новое бомбардированіе началось бы черезъ 2, 3 мѣсяца, а въ это время мы очистили бы Севастополь добровольно, и тѣмъ по крайней мѣрѣ отняли бы у врага возможность похваляться взятіемъ его.

По оставленіи Севастополя, Русская армія оказалась въ столь разстроенномъ видѣ и малочисленномъ составѣ, что не могла помышлять ни о какихъ военныхъ дѣйствіяхъ, кромѣ строго оборонительныхъ. Составъ полковъ, выведенныхъ изъ Севастополя послѣ штурма, въ большинствѣ не превышалъ обыкновенной численности роты; артиллерія не имѣла орудій и частію лошадей. Въ подобномъ положеніи главнокомандующій недоумѣвалъ: держаться ли на Сѣверной позиціи, или отступить къ Бахчисараю. Первое представляло тактическія невыгоды растянутой позиціи, необезпеченной притомъ съ праваго фланга (отъ моря); второе—предавая въ руки союзниковъ весь Севастополь и южную часть Крыма, давало имъ огромный нравственный перевѣсъ, опасныя послѣдствія котораго для Россіи были буквально неисчислимы.—Насъ выручило бездѣйствіе непріятеля, давшее намъ время и свободу заняться укомплектованіемъ и устройствомъ арміи. По мѣрѣ выполненія этой задачи первоначальныя опасенія князя Горчакова ослабѣвали, и онъ рѣшился выждать развитія дальнѣйшихъ плановъ противника, удерживая Сѣверную позицію. Бездѣйствіе же союзниковъ не поддавалось никакимъ объясненіямъ; въ сентябрѣ силы наши были столь слабы, что овладѣніе Сѣверной стороной не только не представляло для нихъ сколько нибудь рискованнаго предпріятія, но просто могло быть достигнуто однѣми демонстраціями. Высадка, напримѣръ, отряда въ 15, 20 тысячъ, въ устьяхъ Бельбека или Качи, заставило бы насъ отступить къ Бахчисараю; движеніе на Инкерманскія высоты или противъ Мекензіевой позиціи, приводило къ тому же. Погода вполнѣ благопріят-

ствовала осенней кампаніи. Такъ прошли сентябрь и октябрь, съ наступленіемъ же ноября всякое предпріятіе становилось немыслимымъ: осенніе дожди дѣлаютъ крымскую почву обсолютно непроходимою. За все это время непріятель ограничился рекогносцировкою крайняго лѣваго фланга Крымской арміи, изъ ущелій Юкаръ-Королесъ и Орто-Королесъ и движеніемъ генерала д'Аллонвилля изъ Евпаторіи, имѣвшихъ цѣлію рекогносцировку путей во внутренность Крыма. Во время этого послѣдняго движенія, генералъ Корфъ, начальникъ 2-й уланской дивизіи, съ отрядомъ изъ 8 эскадроновъ уланъ Елизаветградскаго полка и восьми конныхъ орудій № 19 батареи, имѣя вблизи непріятеля, расположился въ закрытой мѣстности на привалъ, не озаботившись военными предосторожностями. Непріятельская кавалерія, приблизившись незамѣченно, напала на него врасплохъ и захватила 6 конныхъ орудій.

Въ самомъ Севастополѣ непріятель также не обнаруживалъ замѣтной дѣятельности. Въ послѣднихъ числахъ сентября, построивъ мортирныя батареи на Павловскомъ мыску, за Николаевскимъ фортомъ и около бастіона № 8, онъ открылъ по Сѣверному укрѣпленію довольно сильное бомбардированіе, продолжавшееся около 2-хъ недѣль, но не имѣвшее никакихъ послѣдствій.

Октября 13 повсемѣстно прекратился огонь непріятеля; до самаго заключенія мира съ его стороны не сдѣлано болѣе ни одного выстрѣла, но сѣверныя батаріи наши не переставали по временамъ тревожить городъ и сдѣлали неудобною прочную осѣдлость въ немъ.

Такимъ образомъ, съ послѣднихъ чиселъ октября, военныя дѣйствія въ Крыму можно считать законченными; дальнѣйшія событія не представляютъ никакой военной важности. Съ декабря по май союзники были заняты въ Севастополѣ разрушеніемъ доковъ, адмиралтейства съ его зданіями, казармъ, батарей и проч. У насъ важнѣйшими событіями того времени были—посѣщеніе Крымской арміи Государемъ Императоромъ—

въ концѣ октября и назначеніе главнокомандующимъ арміею генерала Лидерса, впослѣдствіи графа.

Оцѣнка дѣйствій князя Горчакова въ Крыму принадлежитъ исторіи; здѣсь же умѣстно будетъ передать составившееся о немъ мнѣніе въ Крымской арміи. Горчаковъ, при всѣхъ своихъ военныхъ неудачахъ и ошибкахъ, сохранялъ къ себѣ въ войскахъ, если не любовь, то по крайней мѣрѣ нѣкоторое уваженіе. Неудачу его приписывали не столько ему самому, сколько ближайшимъ его совѣтникамъ; объ немъ болѣе сожалѣли, чѣмъ осуждали. Никогда не обладавшій военными способностями и утратившій все самостоятельное на должности начальника штаба фельдмаршала Паскевича, разсѣянный и суетливый, князь Горчаковъ возвышался однако среди современныхъ ему генераловъ, по своему истинно русскому сердцу, патріотизму, высокой честности и безкорыстію. Тогда еще на дебетѣ его не стояла печальной памяти дѣятельность его въ Варшавѣ въ 60-хъ годахъ, передъ послѣднимъ польскимъ повстаньемъ.

Для полноты очерка необходимо упомянуть и объ интендантствѣ Крымской арміи, преданія о дѣятельности котораго вѣроятно сохранятся еще надолго. Не имѣя ввиду подымать завѣсу со старыхъ язвъ, ограничусь только указаніемъ на нѣкоторые факты, происходившіе на глазахъ у всѣхъ. Вопервыхъ, интендантство взыскивало въ свою пользу два процента со всѣхъ суммъ, отпускаемыхъ войскамъ, иначе деньги не выдавались, подъ предлогомъ неимѣнія налицо. Во 2-хъ, товарищество изъ интендатскихъ чиновниковъ, осенью 1855 года, устроило въ одной изъ Симферопольскихъ гостинницъ, арендованной имъ, публичный игорный домъ съ неограниченнымъ основнымъ фондомъ. На игорныхъ столахъ лежали кучи золота въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей; игра шла непрерывно съ утра до вечера, причемъ ставки на одну карту доходили до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Всѣмъ извѣстны случаи выигрыша отъ 50 до 300 тысячъ рублей въ вечеръ нѣкоторыми офицерами. Появлявшіеся въ

игорномъ домѣ командиры воловьихъ и конныхъ парковъ, иногда угощали всѣхъ тамъ находившихся ужиномъ съ шампанскимъ, который обходился въ 3—4 тысячи рублей. Интересно, что все это происходило на глазахъ главной квартиры арміи, съ назначеніемъ графа Лидерса главнокомандующимъ—перенесенной въ Симферополь. Но самое поучительное заключалось въ состояніи почтовыхъ сообщеній конца 1855 года и начала 1856, между Севастополемъ и Перекопомъ, находившихся тогда въ завѣдываніи у интендантства. Первоначально трактъ этотъ устроенъ былъ отлично, перегоны не превышали 10 верстъ и на каждой станціи имѣлся полный комплектъ лошадей въ 120 троекъ; содержалъ его еврей изъ Симферопольскихъ капиталистовъ, но потомъ, какъ утверждали, между почтосодержателемъ и индендантствомъ вышли несогласія изъ за размѣра процентовъ, который должно было получать интендантство за своевременный отпускъ денегъ, вслѣдствіе чего интендантство задержало на нѣсколько мѣсяцевъ выдачу суммы до 300.000. Еврей обанкротился и содержаніе тракта перешло въ руки интендантства.—Вотъ что происходило въ январѣ 1855 года. Получивши кратковременный отпускъ, я безпрепятственно и скоро проѣхалъ первые два перегона отъ Севастополя—Инкерманскій и Бельбекскій, но въ Бахчисараѣ смотритель станціи, принимая отъ меня подорожную, лаконически произнесъ: № 142, указавъ на кучу лежавшихъ на столѣ и затѣмъ обнадежилъ меня полученіемъ лошадей приблизительно черезъ двѣ недѣли. Благодаря однако незначительности багажа, состоявшаго изъ двухъ небольшихъ вьючныхъ чемоданчиковъ, я успѣлъ проскользнуть въ теченіе ночи 4—5 перегоновъ, согласившись ѣхать верхомъ, одинъ безъ проводника, руководствуясь телеграфными столбами, а далѣе добрался до Перекопа, съ почтою. На станціяхъ изъ прежняго комплекта лошадей оставалось и поддерживалось въ силахъ лишь нѣсколько троекъ, остальныя попадали отъ безкормицы. Ямщиковъ вовсе не было; первый комплектъ разбѣжался вслѣдствіе неуплаты

жалованья, а второй, выписанный изъ Курской губерніи, помиралъ отъ тифа. Помѣщеніе ямщиковъ въ землянкахъ представляло невообразимое зрѣлище собачьихъ конуръ. На самихъ станціяхъ, находившихся въ хозяйственномъ завѣдываніи военныхъ офицеровъ, скопленіе проѣзжающихъ было такъ велико, что не доставало мѣста для багажа. Офицеры жили тамъ недѣлями и проживались окончательно: за чашку чая, за кусокъ баранины взыскивалась баснословная плата. Разрѣшалось подобное проживаніе тѣмъ, что офицеры, соединившись въ партіи, отправлялись пѣшкомъ въ окрестные аулы, за 20—30 верстъ, гдѣ и нанимали татарскія арбы, запряженныя верблюдами и складывали въ нихъ багажъ, сами же конвоировали его пѣшкомъ до слѣдующей станціи. Вообще, во все продолженіе кампаніи интендантство было всемогуще и неуязвимо; для него не существовало ни суда, ни расправы, какія бы очевидныя и наглыя преступленія оно ни творило.

Упомянувъ въ общихъ чертахъ о событіяхъ, слѣдовавшихъ за оставленіемъ южной стороны Севастополя, разскажу нѣкоторыя подробности и черты изъ внутренней жизни Инкерманскихъ укрѣпленій, исключительно по личнымъ моимъ воспоминаніямъ.

Обломки 11 артиллерійской бригады недолго оставались на Сѣверной сторонѣ; 29 августа они отведены за нѣсколько верстъ назадъ, на рѣчку Качу, гдѣ сдѣлалось извѣстнымъ распоряженіе главнокомандующаго о скорѣйшемъ сформированіи пострадавшихъ въ Севастополѣ батарей, въ тѣхъ видахъ, чтобы онѣ могли принять дѣятельное участіе въ ожидаемыхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Князь Горчаковъ, съ этой стороны, весьма много разсчитывалъ на полевую артиллерію и потому особенно заботился о возрожденіи ея. Но мнѣ не суждено было принять участіе въ дѣятельности, загорѣвшейся на Качѣ; черезъ нѣсколько дней я получилъ назначеніе на Инкерманскія укрѣпленія. Стоянка на Качѣ памятна развѣ въ томъ отношеніи, что тамъ обнаружилась легкая

контузія, полученная мною при штурмѣ. Открытіе это послѣдовало совершенно нечаянно. Нужно замѣтить, что бивуакъ на Качѣ отличался крайнею скудостью даже въ обычныхъ принадлежностяхъ военно-походной жизни; такъ напр., не имѣлось вовсе ни сѣна, ни соломы, и офицерамъ приходилось спать на голой землѣ. Еще наканунѣ меня безпокоила тупая боль въ лѣвомъ бедрѣ, но я относилъ ее къ вліянію жесткой постели на матери сырой землѣ; когда же она стала напоминать о себѣ при всякомъ движеніи, я полюбопытствовалъ осмотрѣть больное мѣсто: оказалось все лѣвое бедро припухлымъ въ величину ладони, цвѣта синевато-багроваго, съ довольно сильною при надавливаніи болью. Совѣтъ запастись медицинскимъ свидѣтельствомъ былъ не сподрученъ по отдаленности отъ госпиталей, а какъ боль стала утихать, то скоро и забылось про эту контузію. Числа 30 или 31-го на Качу пріѣхалъ генералъ Крыжановскій, начальникъ штаба артиллеріи дѣйствующей арміи (впослѣдствіи Оренбургскій генералъ-губернаторъ) съ предложеніемъ офицерамъ—не пожелаетъ ли кто изъ нихъ остаться на укрѣпленіяхъ Сѣверной стороны, гдѣ былъ большой недочетъ въ артиллеристахъ. Изъ цѣлой бригады я одинъ только согласился и на утро получилъ назначеніе—принять въ командованіе редутъ № 37, на 4-мъ или Инкерманскомъ отдѣленіи Сѣверной оборонительной линіи, съ предложеніемъ отправиться туда немедленно. Около полудня я добрался пѣшкомъ до Инкермана и на редутѣ былъ встрѣченъ, какъ давно желанный избавитель, изнемогавшимъ въ жестокой лихорадкѣ своимъ предмѣстникомъ, лейтенантомъ Ивановымъ. Устья р. Черной славятся своими губительными лихорадками, такъ что большая часть прежнихъ командировъ Инкерманскихъ батарей вынуждены были оставить свои посты именно по причинѣ одолѣвавшей ихъ маляріи. Принявъ въ тотъ же день команду изъ матросовъ и крѣпостныхъ артиллеристовъ и всю матерьяльную часть редута, я первые дни посвятилъ на ознакомленіе съ окружающею мѣстностію.—Инкерманское отдѣленіе Сѣверныхъ укрѣпленій

состояло изъ редутовъ № 35 (или центральный), 36 и 37 и батарей—№ 40 (или маячная, построенная на мѣстѣ бывшаго маяка) 41, 42, 43 и 44 и имѣло довольно сильную артиллерію изъ морскихъ пушекъ, числомъ до 80. Въ это время оно получало особую важность, какъ охранявшее единственный удобный подступъ къ нашей позиціи на Сѣверной сторонѣ съ рѣчки Черной черезъ Графскую балку. Командирами батарей на Инкерманѣ я засталъ исключительно моряковъ, но скоро всѣ они были замѣнены полевыми артиллеристами; орудійная прислуга состояла по преимуществу изъ матросовъ. Начальникомъ отдѣленія назначенъ былъ капитанъ-лейтенантъ Перекомскій и оставался такимъ номинально до декабря мѣсяца. Изъ опасенія лихорадки Перекомскій не жилъ на отдѣленіи, а поселился въ расположеніи главнаго штаба арміи, верстахъ въ 3-хъ, 4-хъ; затѣмъ скоро заболѣлъ и почти не принималъ все время участія въ происходившемъ на отдѣленіи, а въ декабрѣ окончательно уѣхалъ въ Николаевъ; въ дѣйствительности обязанности начальника Инкерманскаго отдѣленія лежали на мнѣ, какъ на старшемъ по чину между командирами батарей.—Прямо противъ Инкерманскихъ высотъ, отвѣсно падавшихъ въ бухту, возвышалась знаменитая Сапунъ-гора, командовавшая Инкерманомъ саженей на 10—15, на окраинѣ которой собственно для обстрѣливанія Инкерманскихъ высотъ находились двѣ непріятельскія батареи: Канробера (четырехглазая) на 5 орудій и другая—на 9 орудій, между Сушильною и Воловою балками. Непріятельскія батареи имѣли столь значительное командованіе надъ Инкерманомъ, что съ нихъ обнаруживалась вся внутренность укрѣпленій нашихъ, за исключеніемъ развѣ батарей въ Графской балкѣ, и все происходившее въ нихъ.

Первые дни по водвореніи моемъ на Инкерманѣ прошли относительно спокойно; непріятель вовсе не тревожилъ насъ своими выстрѣлами; никакихъ особенныхъ распоряженій отъ своего начальства не было, и я, управившись со внутренними распорядками на редутѣ, имѣлъ полную свободу изучить въ

совершенствѣ какъ Инкерманъ, такъ и сосѣднюю мѣстность въ долинѣ рѣчки Черной. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ на Инкерманъ полковникъ Шейдеманъ, начальникъ артиллеріи оборонительной линіи, въ цѣляхъ сообразить на мѣстѣ о мѣрахъ къ обезпеченію Сѣверной позиціи отъ возможнаго покушенія со стороны Черной рѣчки. Обозрѣвъ вмѣстѣ со мною мѣстность, онъ высказалъ свои предположенія, на которыя я позволилъ себѣ сдѣлать кое-какія замѣчанія. Къ удивленію замѣчанія эти были выслушаны, и я получилъ предложеніе—изложить свое мнѣніе въ особой запискѣ. На другой день, послѣ личнаго объясненія, Шейдеманъ одобрилъ мой проектъ, который и поручилъ мнѣ привести въ исполненіе, менѣе же важныя работы по перевооруженію существовашихъ укрѣпленій предоставилъ исключительно моему усмотрѣнію. Задача оказалась не легкою, такъ какъ добываніе каждой мелочи требовало частыхъ личныхъ настояній, что, при четырехъ верстномъ разстояніи до сѣвернаго укрѣпленія, гдѣ находились всѣ артиллерійскіе склады, соединялось съ огромною тратою времени; ходить туда приходилось пѣшкомъ, а между тѣмъ постройкою и вооруженіемъ батареи № 42 въ Графской балкѣ торопили со всѣхъ сторонъ. Независимо отъ дневныхъ вѣдомостей о ходѣ работъ начальнику артиллеріи, приходилось безпрестанно отписываться по вопросамъ изъ штаба 4 корпуса, а иногда и изъ главнаго штаба, присылавшимся съ нарочными казаками. Между прочимъ, я получилъ нѣсколько собственноручныхъ записокъ отъ начальника штаба 4 корпуса, полковника Тимашева, впослѣдствіи Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ 7—10 дней удалось справиться съ главнѣйшими работами благополучно и безъ помѣхи со стороны непріятеля. Результаты нашихъ ночныхъ трудовъ—вновь выросшія батареи разумѣется не пришлись по сердцу французамъ, и батареи ихъ на Сапунъ-горѣ прервали свое молчаніе. Мы стали отвѣчать и скоро установилось, какъ бы по обоюдному соглашенію, правило, по которому первый выстрѣлъ вызывалъ со стороны противника два отвѣтныхъ.

Это начало перестрѣлки совпало съ тѣмъ временемъ, когда въ главномъ нашемъ штабѣ болѣе всего опасались наступательныхъ дѣйствій союзниковъ, которыхъ ожидали преимущественно со стороны рѣчки Черной. Опасенія эти обнаруживались тѣмъ, что не проходило дня, чтобы на Инкерманскія батареи не являлись одинъ за другимъ генералы, офицеры генеральнаго штаба, полковые и батальонные командиры, для осмотра долины Черной и расположенія непріятеля. Появленіе на батареяхъ всадниковъ вызывало выстрѣлы съ Сапунъ-горы, а какъ послѣдніе были весьма мѣтки, то подобные визиты скоро вышли изъ моды. Между тѣмъ случайные выстрѣлы упрямо поддержанные съ обѣихъ сторонъ, по временамъ переходили въ серьезную канонаду; вѣроятно, громъ ея безпокоилъ расположенную невдалекѣ главную квартиру князя Горчакова, и скоро послѣдовало приказаніе— „днемъ, безъ особаго разрѣшенія, не отвѣчать на непріятельскіе выстрѣлы.“ Среди водворившагося такимъ образомъ боевого бездѣйствія единственнымъ развлеченіемъ на Инкерманѣ служили такъ названныя „*репетиціи умирать*“. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Инкерманскимъ укрѣпленіямъ дана была такая инструкція: въ случаѣ непріятельскаго нападенія, батареи и редуты на нагорной части отдѣленія обстрѣливаютъ наступающія войска, пока передовыя колонны ихъ не взберутся на высоты; тогда артиллерійская прислуга съ батареи № 40 и редутовъ № 36 и 37, предварительно заклепавъ орудія и взорвавъ пороховые погреба, отступаютъ въ центральный редутъ, гдѣ и защищаются, не сдаваясь до послѣдняго человѣка. Первая репетиція этого отступленія была сдѣлана Шейдеманомъ и затѣмъ повторялась много два или три воскресенья сряду.—Въ этотъ же періодъ затишья зашелъ однажды на командуемый мною редутъ генералъ Сухозанетъ (впослѣдствіи военный министръ), бывшій тогда командиромъ 4 пѣхотнаго корпуса, прикрывавшаго Сѣверную позицію, въ сопровожденіи своего адъютанта и полковника Шейдемана. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на поря-

докъ, въ которомъ содержался редутъ. Обозрѣвая обстрѣливаемую имъ мѣстность, онъ остановился у длинной 36 ф. корабельной пушки, обращенной на Черную рѣчку, и спросилъ: „Къ чему она тутъ?“ Шейдеманъ, предупреждая меня, сталъ торопливо объяснять, что она обстрѣливаетъ такое то пространство.—„А ты что скажешь?“ обратился Сухозанетъ ко мнѣ (онъ имѣлъ обыкновеніе говорить всѣмъ младшимъ въ чинѣ—*ты*). Я отвѣчалъ, что она добрасываетъ ядро до такой то точки, только что указанной Шейдеманомъ.—„И ты прицѣливаешься туда?“—Нѣтъ, тогда я вынимаю клинъ.—„То-то! А кто ее сюда поставилъ?“—Я засталъ ее тутъ.—„И нашелъ, что она на мѣстѣ?“—Нѣтъ, я просилъ взамѣнъ ея бомбовую пушку, для обстрѣливанія картечью подступовъ къ балкѣ, но мнѣ отказали за неимѣніемъ такой.—„Да, тутъ бомбовая пушка была бы болѣе кстати.“ Перейдя на другой фасъ редута, Сухозанетъ спросилъ—какъ велико разстояніе до батареи Канробера (На Сапунъ-горѣ). Шейдеманъ тотчасъ проговорилъ: 500 саж. Я молчалъ.—„Врешь, братъ, врешь...“ возразилъ Сухозанетъ и, обратившись ко мнѣ, повторилъ: „Сколько до Канробера?“ Дѣлать было нечего, я отвѣчалъ, что 850 сажень.—„Вотъ видишь, что совралъ..., не мѣшайся, когда тебя не спрашиваютъ,“ сказалъ онъ Шейдеману. Уходя съ редута, Сухозанетъ сказалъ мнѣ: „Спасибо, братъ!.. видно, что дѣльный офицеръ и дѣльный артиллеристъ. „Запиши его,“ обратился онъ къ адъютанту. Съ этого дня пропало прежнее ко мнѣ благоволеніе Шейдемана.

Во второй половинѣ сентября, въ прекрасный теплый день, я полулежалъ, по обыкновенію, на валгангѣ редута, созерцая великолѣпную картину Чернаго моря. Солнце склонялось къ западу. Вдругъ надъ головой послышалось знакомое шипѣніе ракеты; я успѣлъ уловить полетъ ея уже при самомъ паденіи, саженяхъ въ 10-ти за редутомъ. За первою послѣдовала другая, въ томъ же почти направленіи, но упавшая саженей на 100 дальше. Эту вторую я поймалъ при самомъ вылетѣ съ Сапунъ-горы. Тамъ, вправо отъ батареи Канробера,

виднѣлась группа людей. Было очевидно, что непріятель поставилъ ракетные станки вовсе не съ цѣлію обстрѣливать Инкерманскія батареи, и безъ того бывшія подъ его ядрами и гранатами, тѣмъ болѣе, что принесенная матросами первая ракета, не успѣвшая разорваться, оказалась съ зажигательнымъ составомъ.—Ракетные станки находились какъ разъ подъ нашими выстрѣлами, но въ виду приказанія—не открывать пальбы безъ разрѣшенія, ничего болѣе не оставалось, какъ послать казака въ главный штабъ за разрѣшеніемъ стрѣлять. Разославъ на всѣ батареи отдѣленія приказаніе—изготовиться къ пальбѣ по ракетнымъ станкамъ, я съ бруствера редута высматривалъ возвращенія казака, а между тѣмъ ракеты слѣдовали одна за другою. Третья пошла по направленію къ главному штабу, четвертая врѣзалась въ самую гущу ставокъ и балагановъ, окружавшихъ домикъ главнокомандующаго, пятая потянула влѣво, къ огромнымъ пирамидамъ изъ мѣшковъ съ сухарями. Наконецъ показались вдали мчавшіеся два всадника, изъ которыхъ одинъ (адъютантъ главнаго штаба) махалъ платкомъ. Я тотчасъ же далъ залпъ изъ 6 орудій; редутъ № 36, съ своей стороны, послалъ залпъ и вслѣдъ затѣмъ заговорили и батареи сосѣдняго 3-го отдѣленія. Черезъ нѣсколько секундъ все мѣсто, гдѣ стояла непріятельская ракетная батарея, запылилось отъ падавшихъ нашихъ снарядовъ; выпустивъ всего до 10 ракетъ, непріятель поспѣшно скрылся, вѣроятно не безъ потерь.—Послѣднія ракеты падали около сухарныхъ складовъ, одинъ изъ которыхъ загорѣлся было, но пожаръ скоро прекращенъ сбѣжавшимися войсками. Истребленіе этихъ складовъ составляло цѣль непріятеля.—Случай этотъ возбудилъ множество толковъ на счетъ виновника распоряженія—не стрѣлять, которое въ тотъ же день было отмѣнено.—Одна изъ ракетъ сорвала голову у проходившаго солдата возлѣ самой ставки главнокомандующаго. На утро напуганный еврей—маркитантъ принесъ было мнѣ въ подарокъ съ низкими поклонами 2 ф. табаку „за спасеніе отъ бѣды“.—Непріятельскія батареи, какъ будто

задѣтыя тѣмъ, что не успѣли отстоять свою ракетную батарею, съ тѣхъ поръ уже не пропускали ни одного повода къ начатію перестрѣлки. По временамъ мы отмалчивались, но часто усиленныя просьбы матросовъ превозмогали и непріятель платился иногда не дешево; такъ, однажды, былъ взорванъ его пороховой погребъ.—Стрѣльба съ нашей стороны имѣла еще одну практическую цѣль—обученіе вновь прибывавшихъ на батареи, въ составъ артиллерійской прислуги пѣхотныхъ солдатъ и ополченцевъ. Съ „обстрѣливаніемъ" послѣднихъ было не мало хлопотъ; послѣ первыхъ упавшихъ на батарею ядеръ, они такъ терялись, что затрудняли дѣйствія изъ орудій. Непріятель же стрѣлялъ весьма мѣтко и только недостатокъ у него разрывныхъ снарядовъ, или бережливость въ нихъ, спасали насъ отъ значительныхъ потерь въ людяхъ.—Первоначально находилось на отдѣленіи Курское ополченіе, и съ нимъ еще кое какъ можно было управляться, но когда его смѣнило Тульское—курьезы выходили не до смѣха. Напримѣръ, требовались необычайныя усилія чтобъ отучить туляковъ ложиться спать на часахъ, причемъ они добродушно ставили ружья тутъ же въ сторону; ночныя тревоги, производимыя выстрѣлами съ просонья, были не въ диковинку; на редутѣ № 36 командиръ вынужденъ былъ привязывать ополченцевъ къ орудіямъ во время перестрѣлокъ, такъ какъ послѣ разрыва одной 36 ф. пушки, убившей нѣсколько человѣкъ, они просто разбѣгались изъ редута, при одной командѣ „къ орудіямъ".

Съ наступленіемъ длинныхъ осеннихъ ночей, служба на Инкерманѣ оставляла все болѣе времени, которое трудно было помѣстить въ этомъ совершенно замкнутомъ мірѣ и въ небольшомъ кружкѣ 5 офицеровъ. Инкерманская семья наша, за исключеніемъ меня и командира редута № 36, бывшаго въ чинѣ поручика, состояла изъ молодежи, жаждавшей дѣятельности кипучей и развлекающей. Книгъ не имѣлось и не откуда было достать ихъ; приходилось напрягать всю изобрѣтательность, чтобы разнообразить наши досуги. До наступле-

нія глубокой осени еще кое какъ справлялись со временемъ, переворачивая его по большей части навыворотъ, т. е. дѣлая изъ дня ночь и изъ ночи день. Ночь посвящалась на повѣрку карауловъ въ раіонѣ отдѣленія и передовой цѣпи, выставлявшейся отъ расположенной на Инкерманѣ дивизіи, и предпринимались экскурсіи въ долину р. Черной и въ развалины древняго Инкермана. Демаркаціонною линіею между воюющими служила рѣчка Черная. Въ лунныя ночи мы подползали къ своимъ секретамъ, расположеннымъ лицомъ къ лицу съ такими же непріятельскими. Было своего рода ощущеніе смотрѣть въ глаза зуаву или стрѣлку, также безмолвно глядѣвшему на васъ. Всего ближе сходились секреты возлѣ развалинъ моста на р. Черной, на бывшей почтовой дорогѣ, и тутъ то, подползая на оконечность его, мы упирались съ глазу на глазъ во француза, лежавшаго на противоположной окраинѣ моста, на разстояніи 2-хъ саженей, причемъ иногда обмѣнивались съ нимъ въ полголоса нѣсколькими фразами.—Посѣщеніе развалинъ Инкерманскаго монастыря сопровождалось игрою въ опасность. Древняя церковь, высѣченная въ скалѣ, имѣла окна на Черную и стоило только показать въ окно зажженный огарокъ, какъ нѣсколько пуль летѣли на эту цѣль. Весь интересъ сводился къ тому, чтобы держать свѣчу твердою рукою впродолженіе опредѣленнаго числа выстрѣловъ. По вечерамъ обыкновенно собирались у меня, сперва на редутѣ № 37, а потомъ на центральномъ, куда я перебрался въ октябрѣ и гдѣ былъ довольно обширный и чисто отдѣланный блиндажъ, съ нѣкоторою претензіею на омеблировку; тутъ же всѣ обѣдали въ общей артели. Кулинарная часть находилась у насъ въ исключительно счастливомъ положеніи; у матросовъ Инкерманскаго отдѣленія сохранились какимъ то образомъ рыболовные снаряды и нѣсколько шлюпокъ и потому въ рыбѣ, превосходной и разнообразныхъ сортовъ, вылавливаемой тутъ же, въ бухтѣ, недостатка не было; мясо отпускали въ изобиліи и вдобавокъ оказалось между матросами нѣсколько корабельныхъ поваровъ, обучавшихся

своему искусству во Франціи. Весною появились мѣстныя устрицы; каждое утро матросы приносили мнѣ корзину штукъ въ 300—400. Общество наше разнообразилось двумя, періодически смѣнявшимися членами, изъ офицеровъ, прибывавшихъ съ пѣхотными и ополченскими командами, назначаемыми на отдѣленіе въ составъ артиллерійскаго гарнизона. Изъ перебывавшихъ такимъ образомъ осталась въ памяти одна личность; это былъ прапорщикъ, кажется Алексопольскаго полка, полякъ по происхожденію, человѣкъ уже пожилой, лѣтъ 40, съ нѣкоторымъ наружнымъ лоскомъ. На первыхъ порахъ онъ заинтересовалъ всѣхъ намеками на свои несчастія и отрывочными полупризнаніями о томъ, что онъ жертва политическаго преслѣдованія. По его разсказамъ службу началъ онъ во флотѣ, попалъ въ крѣпость, былъ разжалованъ въ солдаты и только благодаря своимъ подвигамъ въ Севастопольскихъ вылазкахъ возвратилъ офицерскій чинъ. Солдатскій георгіевскій крестъ отчасти подтверждалъ эти разсказы. Молодежь приняла въ немъ самое горячее участіе, но мнѣ не совсѣмъ нравилась эта личность: я мало придавалъ вѣры его повѣтствованіямъ, въ которыхъ сквозилась его внутренняя безсодержательность, и далеко не видѣлъ въ немъ мученика своихъ убѣжденій. Когда пришлось высказать такое мнѣніе, на меня накинулись со всѣхъ сторонъ, утверждая, что онъ заслуживаетъ уваженія уже по одной доказанной своей храбрости. Я возразилъ, что и въ храбрость то его не особенно вѣрю, потому, собственно, что онъ слишкомъ часто и слишкомъ много распространяется о ней. Слово за слово и наконецъ порѣшили испытать его съ этой стороны.

На слѣдующій день я пригласилъ его къ себѣ на вечерній чай, на редутъ № 37 (онъ избралъ для себя помѣщеніе на маячной батареѣ у соотечественника). Когда всѣ собрались, я предложилъ мѣстомъ чаепитія валгангъ редута, откуда разстилается такая роскошная картина моря.

Гость съ горячностью поддержалъ мою идею и мы совершили переселеніе. Послѣ предупрежденія съ моей стороны, что

вѣроятно французы не удержатся отъ искушенія пустить въ насъ нѣсколько ядеръ, что конечно не помѣшаетъ нашему удовольствію, а напротивъ придастъ ему болѣе пикантности, вышло какъ то такъ, что герой нашъ выбралъ себѣ мѣсто на самомъ гребнѣ вала, поближе къ внутренности редута, и затѣмъ сталъ поглядывать на амбразуры непріятельскихъ батарей. По предварительно составленному плану, было отдано приказаніе дежурному орудію—пустить ядро въ четырехглазую батарею, если спустя 15—20 минутъ послѣ начала нашего чаепитія французы не будутъ стрѣлять. Первые стаканы опорожнялись, а непріятель, казалось, не думалъ прерывать нашу бесѣду, на которую старались отвлекать вниманіе гостя. Вдругъ раздался выстрѣлъ съ редута; не успѣлъ кто то проговорить, что вотъ сейчасъ Канроберъ отсалютуетъ намъ, какъ оттуда мелькнулъ огонекъ, выкатился бѣлый клубъ дыма и ядро, какъ будто въ заговорѣ съ нами, шлепнулось въ валгангъ, аршинахъ въ 5-ти отъ нашей группы, обдавъ всѣхъ землей.—Нужно было видѣть, какъ храбрецъ мгновенно схватился съ своего мѣста, пригнулся и нырнулъ на банкетъ, но такъ неудачно, что скатился съ него кувыркомъ. Смѣхъ матросовъ, свидѣтелей этой сцены, изрядно переконфузилъ его. Второе ядро, ударившееся въ насыпь порохового погреба, онъ выдержалъ не пригибаясь. Съ этого момента въ пріятеля стали всматриваться попристальнѣе и возбужденный имъ интересъ скоро пропалъ.

Съ другимъ субъектомъ, ротнымъ командиромъ Курскаго ополченія, старичкомъ лѣтъ 60-ти, изъ гражданскимъ чиновниковъ и горькимъ пьяницей, пришлось довольно поняньчиться. Первоначально онъ наскучалъ постоянными жалобами на неудобство отведеннаго ему особаго помѣщенія и на неуваженіе со стороны матросовъ, а потомъ перебрался въ общій матросскій блиндажъ, подружился съ матросами и напивался вмѣстѣ съ ними. Возникавшія при этомъ братскія ссоры однажды разрѣшились тѣмъ, что его заперли въ одно неудобное нежилое помѣщеніе. Въ предупрежденіе повторенія

подобныхъ случаевъ, я перевелъ его въ свой блиндажъ, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣры противъ снабженія его водкою. Старикъ дня три перемогался, но потомъ заболѣлъ и со слезами признаваясь, что водка давно уже составляетъ необходимую потребность его организма, просилъ объ обратномъ переводѣ къ матросамъ. Его скоро затѣмъ замѣнили другимъ офицеромъ.

По мѣрѣ приближенія глубокой осени досуги наши дѣлались все длиннѣе и однообразнѣе; настали длинныя южныя ночи, съ такою непроглядною тьмою, что прежніе ночные обходы и экскурсіи дѣлались немыслимыми по опасности— свалиться со скалы. Тьма была такова, что на разстояніи полуаршина ничего не было видно; даже командиры батарей, вполнѣ освоенные съ мѣстностію, расходясь отъ меня далеко за полночь, зачастую попадали во рвы укрѣпленій и потому мнѣ, какъ счастливо избѣгавшему подобныхъ случайностей, нерѣдко приходилось разводить своихъ гостей по ихъ батареямъ.—Нужно ли скрывать, что карты и вино служили однимъ изъ главныхъ способовъ для коротанія времени. Никто изъ насъ не былъ пристрастнымъ почитателемъ этихъ занятій, но скука, бездѣйствіе и отсутствіе всякаго чтенія волей неволей заставляли набрасываться на нихъ. Впрочемъ мода эта продолжалась недолго; со вступленіемъ на Сѣверную позицію 3-го корпуса, смѣнившаго 4-й, у насъ завязалось знакомство съ офицерами расположившейся невдалекѣ 8-й или 9-й артиллерійской бригады (хорошенько не помню), и мы стали обмѣниваться съ ними частыми визитами. Въ числѣ новыхъ знакомыхъ нашлись обладавшіе недурными голосами, и у насъ начали устраиваться вокальные вечера.

Съ половины октября, перестрѣлка съ непріятельскими батареями, потерявшая всякую цѣль, начала понемному утихать и къ концу мѣсяца совершенно прекратилась. Въ это время стали доходить слухи о предстоящемъ посѣщеніи Крыма Государемъ Императоромъ, и, какъ только слухи эти подтвердились офиціально, мы начали приготовляться къ пріему Вы-

сокаго Гостя. Изъ управленія начальника артиллеріи оборонительной линіи послѣдовало извѣщеніе, что Государь будетъ осматривать мѣстности сраженій Инкерманскаго и 4-го августа и что, можетъ быть, пунктомъ для осмотра будутъ избраны Инкерманскія батареи, и въ такомъ случаѣ мнѣ выпадала бы лестная обязанность сопровождать Государя въ районѣ этихъ батарей. Мгновенно на отдѣленіи закипѣла усиленная дѣятельность для проложенія удобной тропинки отъ центральнаго редута до маячной батареи, какъ пункту, съ котораго открывался лучшій видъ на долину рѣчки Черной и отчасти Сапунъ гору. Нужно замѣтить, что вся мѣстность между Инкерманскими батареями была изрыта непріятельскими бомбами и сплошь усѣяна ядрами и осколками бомбъ и гранатъ. Ко дню пріѣзда Государя все это было собрано и уложено въ три большія пирамиды, въ двойной человѣческій ростъ каждая, обозначавшія направленіе вновь проложенной тропы. Къ величайшему горю нашему, мѣстомъ осмотра избрана была Мекензіева гора. На сѣверной позиціи Государь посѣтилъ 1-е отдѣленіе оборонительной линіи, такъ называемое сѣверное укрѣпленіе, гдѣ собраны были офицеры съ ближайшихъ батарей. Онъ поѣхалъ туда верхомъ, въ сопровожденіи князя Горчакова и небольшой свиты изъ 2, 3-хъ лицъ, предшествуемый казачьимъ офицеромъ для указанія пути. Посѣщеніе Инкерманскихъ высотъ сопряжено было съ немаловажною опасностію, такъ какъ французы могли открыть огонь со своихъ Сапунскихъ батарей. Государь въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ и со слезами на глазахъ благодарилъ войска за славную Севастопольскую службу, причемъ поздравилъ моряковъ съ полуговымъ окладомъ жалованья въ награду. Едва мы замѣтили возвращеніе кавалькады съ сѣвернаго укрѣпленія, какъ двинулись бѣгомъ къ домику главнокомандующаго, гдѣ Государь долженъ былъ завтракать. Тамъ собралось до 10 офицеровъ около самаго домика. Послѣ завтрака Государь вышелъ къ поданному экипажу. Въ отвѣтъ на отданную нами честь, Онъ снялъ съ головы фуражку,

поклонился намъ и милостиво проговорилъ: здравствуйте, господа! Впереди стоялъ Перекомскій, начальникъ нашего отдѣленія. Князь Горчаковъ представилъ его Государю, который изволилъ обратиться къ нему съ нѣсколькими словами; Перекомскій же представилъ насъ, говоря: „вотъ командиры Инкерманскихъ батарей", Горчаковъ прибавилъ: „Самыхъ говорливыхъ и не дающихъ мнѣ покоя". Государь еще разъ милостиво поклонился намъ и затѣмъ, сѣвъ въ экипажъ съ главнокомандующимъ, отправился на Мекензіеву гору.

Недолго спустя по выѣздѣ Государя изъ Крыма, главная квартира арміи перешла въ Бахчисарай, и Инкерманъ значительно опустѣлъ противъ прежняго. Къ этому времени всѣ уже освоились съ мыслію, что ранѣе весны не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо военныхъ дѣйствіяхъ, и потому жизнь Инкерманскихъ батарей потянулась безъ треволненій и ожиданій. Пришла и зима: по утрамъ Ѳедюхинскіе холмы иногда выказывались въ бѣломъ саванѣ и мы жадно желали русскихъ 20 градусныхъ морозовъ, собственно для утѣхи французамъ и ихъ союзникамъ. Наконецъ прочли приказъ о вступленіи генерала Лидерса въ командованіе арміею. Въ началѣ января я уѣхалъ въ 14 дневный отпускъ въ Бессарабію.

Послѣ заключенія мира обнаружилось не совсѣмъ обыкновенное въ исторіи войнъ явленіе: между воевавшими арміями немедленно начались сношенія, отличавшіяся взаимною пріязнію. Первый шагъ въ этомъ отношеніи принадлежалъ союзникамъ; такъ было по крайней мѣрѣ на Инкерманскомъ отдѣленіи. Правда, что изъ управленій Русской арміи данъ былъ лозунгъ—относиться къ бывшимъ врагамъ предупредительно и дружелюбно; но первыя сношенія съ нашей стороны затруднялись изданными правилами о переходѣ за черту расположенія войскъ, содержавшими множество трудноисполнимыхъ формальностей. Уже послѣ того, какъ правила эти перестали соблюдаться, установились частыя посѣщенія другъ друга. Черезъ Инкерманъ лежалъ главный путь на нашу сторону, и французскіе офицеры въ первые же дни по обна-

родованіи мира во множествѣ начали появляться на Инкерманскихъ батареяхъ, осматривать ихъ и знакомиться съ находившимися на нихъ офицерами. Высказанная ими любезность заставила насъ отдавать имъ визиты въ лагерѣ, гдѣ стали быстро завязываться знакомства во всѣхъ частяхъ французской арміи. Пошли обоюдныя приглашенія на обѣды, вечера, и мы нерѣдко проводили въ лагерѣ ночи, подобно какъ и они у насъ на батареяхъ. Впрочемъ, увлеченіе наше французскими знакомствами продолжалось недолго, такъ какъ мы ничего изъ него не вынесли кромѣ разочарованія. Въ общемъ, французскіе офицеры линейныхъ войскъ отличались порядочнымъ невѣжествомъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній: все міросозерцаніе ихъ ограничивалось „прекрасною Франціей“ и Парижемъ. Офицеры спеціальныхъ родовъ оружія:— генеральнаго штаба, инженеровъ, артиллеріи, по своей порядочности и образованію, далеко превосходили своихъ армейскихъ товарищей, но и тѣ нерѣдко озадачивали насъ своими курьезными понятіями о Россіи. Естественно, что пустота армейскихъ знакомцевъ нашихъ, въ соединеніи съ безтактною короткостію ихъ въ обращеніи, охладила дальнѣйшую охоту съ нашей стороны къ расширенію круга знакомства во французскихъ лагеряхъ, тѣмъ болѣе что начавшееся сближеніе съ англичанами провело невыгодную параллель для первыхъ. Нужно замѣтить, что сближеніе съ англійскими офицерами началось не вдругъ и завязывалось туго, отчасти потому, что мы сами сначала избѣгали ихъ, а отчасти по трудности объясняться на англійскомъ языкѣ, котораго никто изъ насъ не зналъ, а изъ англичанъ встрѣчалось немного понимавшихъ по-французски. И тутъ первые шаги къ сближенію сдѣланы были со стороны недавнихъ враговъ. Казалось, что отъ англичанъ не укрылось наше отчужденіе, и самолюбіе ихъ было затронуто, при видѣ близкихъ отношеній нашихъ къ французамъ. Англійскіе офицеры безразлично, всѣхъ родовъ оружія, представляли изъ себя истыхъ джентельменовъ по образованію, воспитанію и всей обстановкѣ своего быта. Къ сожалѣнію періодъ знаком-

ства съ ними продолжался недолго, такъ какъ англійская армія скоро оставила Крымъ. Съ пьемонтцами мнѣ не приходилось вовсе встрѣчаться, за исключеніемъ главнокомандующаго сардинскимъ корпусомъ Ламармора, однажды заходившаго осмотрѣть мой редутъ.

Изъ французскихъ генераловъ я принималъ у себя начальника инженеровъ французской арміи Фроссара, осматривавшаго редутъ вмѣстѣ съ адъютантомъ. Это былъ пожилой человѣкъ съ большою просѣдью въ низко обстриженныхъ волосахъ. Онъ очень любезно принялъ мое приглашеніе—зайти въ блиндажъ и просидѣлъ у меня съ полчаса. Замѣчательно, что тутъ, въ общемъ разговорѣ, адъютантъ почти привставалъ со стула каждый разъ, когда Фроссаръ обращался къ нему съ какимъ либо вопросомъ или замѣчаніемъ, причемъ рѣчь свою безпрестанно пересыпалъ титулованіемъ „Mon général“.

Въ одно изъ посѣщеній французскаго лагеря мы попали на прощальный ужинъ, по случаю предстоявшей на утро амбаркаціи какого-то батальона африканскихъ стрѣлковъ, и засидѣлись поздно. По какой то причинѣ оставаться ночевать не пришлось, и мы отправились въ обратный путь далеко за полночь, черезъ Севастополь, къ Графской пристани, гдѣ оставался привезшій насъ катеръ. Насъ провожала толпа французскихъ офицеровъ свыше 20 человѣкъ; одинъ изъ нихъ вдругъ заявилъ желаніе ѣхать съ нами. Ночь была темная и довольно сильный вѣтеръ развелъ порядочное волненіе въ бухтѣ. Несмотря на предварительный уговоръ съ гребцами матросами, чтобъ они не пили вина у французовъ, за что назначена была хорошая денежная премія, скоро стало замѣтно, что гребцы на-веселѣ. На укоръ въ невыполненіи обѣщанія, начальствовавшій ими боцманъ отозвался что „за свои деньги не пили, а отъ угощеній не могли отдѣлаться“. Показался уже огонекъ на Инкерманскомъ берегу, около сторожевой будки, какъ вдругъ катеръ налетаетъ на сломанную мачту затопленнаго судна, острый конецъ ко-

торой врѣзался въ дно катера и пробилъ его. Случилось то, чего именно опасались. Положеніе было и некрасиво и небезопасно: вода стала быстро наполнять катеръ и пробоина могла ежеминутно увеличиваться: гость французъ потерялъ голову; съ большимъ трудомъ удалось успокоить его указаніями, что берегъ недалеко и на насъ троихъ приходится 14 отличныхъ пловцовъ матросовъ. Къ счастью, до того и не дошло; матросы скоро нашлись — ухитрившись какъ то сдвинуть катеръ съ мачты и законопатить кое-какъ пробоину. Мы достигли берега безъ дальнѣйшихъ приключеній, но тѣмъ не менѣе французъ остался недоволенъ и на другое утро отправился къ себѣ пѣшкомъ, черезъ Черную рѣчку, несмотря на предложеніе другого катера и съ другими гребцами.

При взаимныхъ угощеніяхъ у французовъ въ ихъ длинныхъ изъ многихъ блюдъ обѣдахъ играли главную роль вещи совершенно непривычныя для насъ: зелень, овощи, жареныя сардели и т. п.; мясо было рѣдкостью; изъ напитковъ преобладали—коньякъ въ чистомъ видѣ и вермутъ съ водою; шампанскаго подавалось и мало, и оно было нехорошо. Въ тѣхъ случаяхъ, когда французы или англичане дѣлали парадные обѣды, они покупали шампанское на нашей сторонѣ по 6 р. за бутылку, несмотря на то, что у нихъ оно продавалось по 4 франка. Англійскіе обѣды подходили ближе къ нашей кухнѣ и были гораздо лучше французскихъ, по сервировкѣ же вовсе не напоминали военнаго времени. Наши званые обѣды, благодаря избытку въ продажѣ всякихъ гастрономическихъ рѣдкостей и искусству профессіональныхъ поваровъ изъ матросовъ, были положительно роскошны и выставляли всѣ особенности русской кухни, которыхъ, впрочемъ, англичане и французы не умѣли оцѣнить, за исключеніемъ развѣ чая, отъ котораго первые приходили въ восторгъ.

Въ параллель сношеніямъ между офицерами, шли еще болѣе амикальныя сношенія между солдатами воевавшихъ армій, при чемъ матросы наши болѣе сближались съ англичанами, а солдаты—съ зуавами. Первые въ дѣлѣ угощеній

были эксплоататорами, вторые—эксплоатируемыми. Впрочемъ, вслѣдствіе нѣсколькихъ случаевъ ограбленія нашихъ солдатъ во французскомъ лагерѣ, переходъ туда скоро былъ ограниченъ для нихъ. Англійскіе солдаты оставляли много денегъ на нашей сторонѣ.

Походный бытъ офицеровъ во французской арміи былъ устроенъ раціонально и заслуживалъ бы подражанія. Тамъ офицеръ не заботился ни о чемъ: все необходимое для его обстановки, начиная съ палатки, одѣяла и постели, всѣ его потребности въ пищѣ, одеждѣ и пр. доставлялись или правительствомъ, или чрезъ посредство особыхъ коммиссіонеровъ, на счетъ весьма умѣреннаго вычета изъ содержанія. Офицеры каждаго полка имѣли общій столъ, помѣщавшійся въ особо устроенныхъ досчатыхъ баракахъ, гдѣ имѣлись также небольшія библіотеки. Деньщиковъ у нихъ не было: обязанности ихъ отправлялись строевыми солдатами. Но отношенія между полковыми командирами и подчиненными имъ офицерами казались намъ болѣе чѣмъ странными; тамъ полковой командиръ жилъ совершенно изолировано, не входилъ ни въ какія сношенія съ обществомъ офицеровъ и какъ на службѣ, такъ и внѣ ея, держалъ себя гордо и недоступно. На строевыхъ ученьяхъ были въ большомъ ходу „распеканья" офицеровъ и притомъ въ формѣ довольно рѣзкой и даже грубой. Обстановка англійскихъ офицеровъ и устройство ихъ лагерей превосходило все, что могло намъ прійти въ голову. Въ англійскомъ лагерѣ на каждомъ шагу видно было, что правительство англійское имѣетъ очень много денегъ и не жалѣетъ ихъ на войска.

Маркитантская часть во французской арміи устроена была также образцово. Палатки и лавочки маркитантовъ не имѣли ничего сходнаго съ нашими кабачками и вертепами Сѣверной стороны или Инкермана. Всѣ предметы потребленія не только для солдатъ, но и для офицеровъ продавались по установленной таксѣ; умѣренность цѣнъ была изумительна для насъ. Французскіе маркитанты также оказались въ числѣ нашихъ,

впрочемъ невольныхъ, знакомыхъ и озадачивали насъ нежелательною любезностью. Они тотчасъ же поспѣшили явиться на батареи лично, справиться о нашихъ потребностяхъ и, несмотря на категорическія заявленія—что мы ни въ чемъ не нуждаемся, не замедлили прислать цѣлые ящики винъ, портера, апельсиновъ и проч., не требуя немедленной уплаты денегъ. Безцеремонность искуплялась однако дешевизною предложенныхъ продуктовъ.

Планы союзниковъ относительно будущихъ военныхъ дѣйствій, насколько они выяснились изъ сообщеній послѣ заключенія мира, преимущественно англійскихъ высшихъ офицеровъ, заключались въ слѣдующемъ.

Предполагалось, что къ веснѣ 1856 года союзныя арміи въ Крыму будутъ доведены до общей численности въ 300.000 minimum съ 400 орудіями, считая въ томъ числѣ пьемонтцевъ и турокъ, такъ чтобы онѣ могли выставить въ поле не менѣе 200 тысячъ комбатантовъ. Разсчитывали овладѣть Крымомъ въ одну короткую весеннюю кампанію, планъ которой былъ таковъ. Овладѣвъ предварительно Геническомъ и Чонгаромъ, предполагали удерживать демонстраціями и высадкой въ Алуштѣ Крымскую армію въ прежней ея позиціи, въ юго-западной части полуострова, а съ главными силами начать наступленіе на Симферополь отъ Евпаторіи и устьевъ Качи, искать тутъ встрѣчи съ Русской арміею и окончить дѣло однимъ генеральнымъ сраженіемъ.

По занятіи Крыма, армія французская и англійская должны были раздѣлиться. Французская должна была плыть въ Одессу и, сдѣлавъ изъ нея базисъ для будущихъ операцій, идти въ Бессарабію на Кишиневъ, войти въ связь съ Австрійцами, въ открытомъ присоединеніи которыхъ къ коалиціи не сомнѣвались союзники, и затѣмъ перенести театръ войны въ Польшу.

Англійская армія должна была высадиться въ Трапезундѣ, идти оттуда на Эрзерумъ, соединиться тамъ съ Турками,

овладѣть Карсомъ и вторгнуться въ наше Закавказье, при дѣятельномъ содѣйствіи Персіи, которую предполагалось купить. Конечная цѣль состояла въ томъ, чтобъ отторгнуть отъ Россіи Закавказье и образовать тамъ отдѣльныя княжества, подъ протекторатомъ западныхъ державъ и Турціи, Персію же вознаградить провинціями, присоединенными къ Россіи по прежнимъ договорамъ. Для успѣха войны въ Закавказьѣ предполагалось завести на Каспійскомъ морѣ большую флотилію пароходовъ, при содѣйствіи Персіи. Военныя операціи въ Азіи разсчитывались на два года 1856 и 1857.

Разумѣется, всѣ эти предположенія основывались на разсчетахъ успѣха; но намъ съ своей стороны можно было вѣрнѣе разсчитывать, что удача не всегда сопровождала бы предпріятія союзниковъ, и что случайности войны, такъ долго служившія имъ, обратились бы наконецъ на нашу сторону.

Н. Милошевичъ.

Ежедневная убыль Севастопольскаго гарнизона.

Дни.		Убитыхъ.			Раненыхъ.			Контуженыхъ.			Безъ вѣсти пропавшихъ.		ИТОГО.		
		Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Офицеровъ.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.
	Съ 19 Ноября по 9 Декабря 1854 г. . . .	—	—	55	—	20	510	1	6	219	—	6	1	26	790
9	Декабря	—	—	14	—	3	65	—	—	11	—	5	—	3	95
10	—	—	—	12	—	1	57	—	1	7	—	—	—	2	76
11	—	—	—	2	—	1	31	—	—	3	—	—	—	1	36
12	—	—	—	7	—	—	20	—	—	9	—	—	—	—	36
13	—	—	—	5	—	—	35	—	1	6	—	—	—	1	46
14	—	—	—	7	—	2	36	—	—	8	—	—	—	2	51
15	—	—	1	6	—	—	29	—	—	4	—	—	—	1	39
16	—	—	—	4	—	—	21	—	—	6	—	—	—	—	31
17	—	—	—	5	—	—	38	—	1	5	—	1	—	1	49
18	—	—	—	11	—	—	34	—	—	12	—	—	—	—	57

Д н и.		Убитыхъ.			Раненыхъ.			Контуженыхъ.			Безъ вѣсти пропавш.		И Т О Г О.		
		Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Офицеровъ.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.
19	Декабря	—	1	3	—	—	24	—	—	6	—	—	—	1	33
20	—	—	1	—	—	—	14	—	—	6	—	—	—	1	20
21	—	—	—	—	—	—	13	—	1	1	—	—	—	1	14
22	—	—	—	—	—	—	13	—	—	3	—	—	—	—	16
23	—	—	—	6	—	—	4	—	—	1	—	—	—	—	11
24	—	—	—	2	—	—	5	—	—	2	—	—	—	—	9
25	—	—	—	2	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	4
26	—	—	—	8	—	—	14	—	—	2	—	—	—	—	24
27	—	—	1	11	—	—	12	—	2	9	—	—	—	2	32
28	—	—	—	15	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	17
29	—	—	—	10	—	1	21	—	—	2	—	—	—	1	33
30	—	—	—	2	—	—	9	—	—	1	—	—	—	—	12
31	—	—	—	4	—	—	24	—	—	25	—	—	—	—	53
	Итого съ 19 Ноября по 1 Января 1855 г. . .	—	4	191	—	28	1033	1	12	348	—	12	1	43	1584

1	Января	—	—	2	—	—	16	—	—	3	—	1	—	—	22
2	—	—	—	8	—	1	16	—	—	2	—	9	—	1	35
3	—	—	—	4	—	—	8	—	—	4	—	—	—	—	16
4	—	—	—	2	—	1	5	—	—	1	—	—	—	1	8
5	—	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	3
6	—	—	—	3	—	—	2	—	—	1	—	—	—	—	6
7	—	—	2	16	—	2	52	—	—	2	—	1	—	4	71
8	—	—	—	12	—	—	46	1	2	3	—	—	1	2	61
9	—	—	—	3	—	—	14	—	—	6	—	—	—	—	23
10	—	—	—	—	—	—	20	—	1	2	—	—	—	1	22
11	—	—	—	5	—	—	20	—	—	6	—	1	—	—	32
12	—	—	—	2	—	—	12	—	—	1	—	—	—	—	15
13	—	—	—	4	—	—	8	—	—	3	—	—	—	—	15
14	—	—	—	1	—	1	17	—	—	—	—	—	—	1	18
15	—	—	—	1	—	—	12	—	1	2	—	—	—	1	15
16	—	—	—	—	—	—	13	—	—	3	—	—	—	—	16
17	—	—	—	—	—	1	10	—	—	7	—	—	—	1	17
18	—	—	—	3	—	—	12	—	—	—	—	—	—	—	15
19	—	—	1	12	—	1	64	—	—	—	—	10	—	2	86

Дни.		Убитыхъ.			Раненыхъ.			Контуженыхъ.			Безъ вѣсти пропавш.		ИТОГО.		
		Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Офицеровъ.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.
20	Января	—	—	5	—	—	19	—	1	6	—	—	—	1	30
21	—	—	—	4	—	—	16	—	—	3	—	—	—	—	23
22	—	—	—	1	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	5
23	—	—	—	1	—	—	17	—	—	3	—	—	—	—	21
24	—	—	—	—	—	—	18	—	—	—	—	—	—	—	18
25	—	—	—	1	—	1	24	—	—	3	—	—	—	1	28
26	—	—	—	1	—	—	9	—	—	3	—	—	—	—	13
27	—	—	—	—	—	—	12	—	—	4	—	—	—	—	16
28	—	—	—	3	—	—	15	—	—	6	—	—	—	—	24
29	—	—	—	1	—	—	11	—	—	2	—	—	—	—	14
30	—	—	—	2	—	—	15	—	—	2	—	—	—	—	19
31	—	—	—	5	—	—	14	—	—	2	—	—	—	—	21
	Итого въ Генварѣ .	—	3	102	—	8	524	1	5	80	—	22	1	16	728

1	Февраля	—	—	2	—	—	11	—	—	3	—	—	—	—	16
2	—	—	—	—	—	—	8	—	—	1	—	—	—	—	9
3	—	—	—	3	—	—	19	—	1	2	—	—	—	—	24
4	—	—	—	3	—	1	15	—	—	2	—	—	—	1	20
5	—	—	—	2	—	2	8	—	—	3	—	—	—	2	13
6	—	—	—	2	—	—	13	—	—	7	—	—	—	—	22
7	—	—	—	1	—	1	10	—	—	2	—	—	—	1	13
8	—	—	—	1	—	—	8	—	—	2	—	—	—	—	11
9	—	—	—	3	—	—	8	—	—	—	—	—	—	—	11
10	—	—	—	1	—	—	29	—	—	6	—	—	—	—	36
11	При отбитіи отъ Селенгинскаго редута . . .	—	—	69	—	7	224	—	—	5	—	3	—	7	301
12	—	—	—	4	—	1	21	—	—	1	—	—	—	1	26
13	—	—	—	7	—	—	19	—	—	4	—	—	—	—	30
14	—	—	—	2	—	1	19	—	—	—	—	—	—	1	21
15	—	—	—	5	—	1	24	1	—	6	—	—	1	2	35
16	—	—	—	2	—	—	17	—	—	9	—	—	—	—	28
17	—	—	—	1	—	—	23	—	—	9	—	—	—	—	33
18	—	—	—	4	—	—	14	—	—	7	—	—	—	—	25
19	—	—	—	2	—	1	15	—	—	13	—	—	—	1	30

Дни.		Убитыхъ			Раненыхъ.			Контуженыхъ.			Безъ вѣсти пропавш.		И Т О Г О.		
		Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Офицеровъ.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.
20	Февраля	—	—	4	—	—	13	—	—	2	—	—	—	—	19
21	—	—	—	3	—	—	15	—	—	5	—	—	—	—	23
22	—	—	—	6	—	—	25	—	—	8	—	—		—	39
23	—	—	—	2	—	—	20	—	—	2	—	—	—	—	24
24	—	—		2	—	—	20	—	—	6	—	—	—	—	28
25	—	—	—	2	—	—	18	—	—	5	—	—	—	—	25
26	—	—	—	7	—	—	21	—	—	5	—	—	—	—	33
27	—	—	—	6	—	—	21	—	—	19	—	—	—	—	46
28	—	—	1	8	—	—	43	—	—	9	—	—	—	1	60
	Итого въ Февралѣ .	—	1	154	—	15	701	1	2	143	—	3	1	17	1001
1	Марта	—	—	2	—	—	9	—	—	3	—	—	—	—	14
2	—	—	1	9	—	—	60	—	—	38	—	—	—	1	107
3	Дѣло Камчатскаго полка предъ Камчаткой . .	—	1	20	1	3	170	—	2	76	—	18	1	6	284

4	Марта	—	—	25	—	1	64	—	—	15	—	4	—	1	108
5	Дѣло предъ Камчаткой .	—	—	21	—	3	118	1	3	58	—	—	1	6	197
6	—	—	—	15	—	—	47	—	2	18	—	—	—	2	80
7	—	—	—	17	—	1	68	1	1	22	—	—	1	2	107
8	—	—	—	2	—	—	51	—	—	39	—	—	—	—	92
9	—	—	—	26	—	1	91	—	2	44	—	—	—	3	161
10	Дѣло Ген.-Лейт. Хрулева	—	3	107	—	9	611	—	3	206	—	106	—	15	1030
11	передъ Камчат. люнет.	1	3	65	1	7	433	—	10	76	—	119	2	20	693
12	—	—	—	22	—	1	106	—	2	80	—	—	—	3	208
13	—	—	—	9	—	1	53	—	—	28	—	—	—	1	90
14	—	—	—	10	—	1	60	—	—	63	—	—	—	1	133
15	—	—	—	15	—	3	78	—	4	50	—	—	—	7	143
16	—	—	—	19	—	—	67	—	—	61	—	—	—	—	147
17	—	—	—	12	—	1	75	—	1	30	—	—	—	2	117
18	—	—	—	9	—	—	57	—	—	24	—	—	—	—	90
19	—	—	—	6	—	—	39	—	—	22	—	—	—	—	67
20	—	—	—	12	—	—	62	—	—	42	—	—	—	—	116
21	—	—	1	24	—	1	58	1	1	18	—	—	1	3	100
22	—	1	2	10	—	—	82	—	1	38	—	—	2	3	130
23	—	1	—	11	—	—	79	—	—	34	—	—	1	—	124

Д н и.		Убитыхъ.			Раненыхъ.			Контуженыхъ.			Безъ вѣсти пропавш.		И Т О Г О.		
		Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Офицеровъ.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.
24	Марта	—	—	19	—	4	52	—	1	53	—	—	—	5	124
25	—	—	—	6	—	1	36	1	—	27	—	—	1	1	69
26	—	—	—	8	—	—	29	—	—	17	—	—	—	—	54
27	—	—	1	12	—	—	18	—	—	8	—	—	—	1	38
28	Съ 5 час. утра до 8 час. вечера.	—	2	80	—	8	304	—	12	150	—	—	—	22	534
29	—	—	2	108	—	7	315	—	3	83	—	—	—	12	506
30	—	—	1	101	—	5	492	—	5	154	—	18	—	11	765
31	—	—	2	96	—	10	414	—	3	140	—	—	—	15	650
	Итого въ Мартѣ .	3	19	898	2	68	4198	4	56	1717	—	265	10	143	7078
1	Апрѣля	—	1	130	—	7	460	—	3	200	—	12	—	11	802
2	—	—	3	150	—	16	607	—	5	166	—	—	—	24	823
3	—	—	1	65	—	3	346	—	2	102	—	—	—	6	513

4	—	—	—	78	—	3	416	—	6	129	—	—	—	9	623
5	—	—	1	84	—	1	243	—	2	100	—	—	—	4	427
6	—	—	—	49	—	2	235	—	2	72	—	—	—	4	356
7	—	—	—	64	—	2	185	—	3	76	—	—	—	5	325
8	—	—	3	31	—	3	140	—	—	16	—	.	—	6	187
9	—	—	—	25	—	—	100	—	—	24	—	—	—	—	149
10	—	—	—	30	—	1	139	—	1	30	—	—	—	2	199
11	—	—	—	30	-	2	81	—	—	34	—	—	—	2	145
12	—	—	—	18	—	4	64	—	—	33	—	—	—	4	115
13	Дѣло Ген.-Маіора Хрущева	—	6	70	—	10	378	—	5	60	—	6	—	21	514
14	—	—	—	12		—	49	—	—	16	—	—	—	—	77
15	—	—	—	12		1	56	—	—	12	—	—	—	1	80
16	—	—	—	15		1	73	—	—	23	—	—	—	1	111
17	—	—	—	20	—	—	67	—	—	20	—	—	—	—	107
18	—	—	1	30	—	1	116	—	—	48	—	—	—	2	194
19	—	—	1	12	—	2	61	—	—	17	—	—	—	3	90
20	Нападеніе Пелисье на ложем. ред. «Шварца»	—	10	259	—	15	540	—	4	94	—	24	—	29	917
21	—	—	—	131	—	3	242	—	1	52	—	—	—	4	425
22	—	—	—	44	—	1	158	—	1	100	—	—	—	2	302

Дни.		Убитыхъ.			Раненыхъ.			Контуженыхъ.			Безъ вѣсти пропавш.		ИТОГО.		
		Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Офицеровъ.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.
23	Апрѣля	—	—	10	—	2	71		2	38	—	—	—	4	119
24	—	—	—	38	—	3	146	—	—	77	—	1	—	3	132
25	—	—	—	19	—	1	68	—	—	11	—	—	—	1	98
26	—	—	1	12	—	3	80	—	—	41	—	—	—	4	133
27	—	—	—	14	—	1	58	—	1	18	—	—	—	2	90
28	—	—	—	10	—	—	53	—	—	43	—	—	—	—	106
29	—	—	—	9	—	1	33	—	—	8		—	—	1	50
30	—	—	—	22	—	3	66	—	—	11	—	4	—	3	103
	Итого въ Апрѣлѣ	—	28	1493	—	92	5331	—	38	1671	—	47	—	158	8312
1	Мая	—	1	3	—	—	19	—	—	6	—	—	—	1	28
2	—	—	1	40	—	5	141	—	—	42	—	—	—	6	223
3	—	—	—	11	—	—	52	—	—	10	—	—	—	—	73

4	—	—	—	11	—	1	48	—	—	11	—	—	—	1	70
5	—	—	—	7	—	—	35	—	—	18	—	—	—	—	60
6	—	—	—	10	—	—	57	—	—	14	—	—	—	—	82
7	—	—	—	9	—	4	55	—	1	13	—	—	—	5	77
8	—	—	—	14	—	1	68	—	—	31	—	—	—	1	113
9	—	—	—	9	—	—	45	—	3	18	—	—	—	3	76
10	—	—	—	13	—	1	36	—	—	21	—	—	—	1	70
11	—	—	1	28	—	5	103	—	—	45	—	—	—	6	176
11	Потеря въ дѣлѣ Ген.-Лейт. Хрулева	—	18	939	—	52	1724	—	3	75	—	88		73	2826
12	—	—	2	121	—	7	285	—	—	79	—	—	—	9	485
13	—	—		14	—	1	73	—	—	24	—	—	—	1	111
14	—	—	—	15	—	—	46	—	1	23	—	—	—	1	84
15	—	—	—	14	—	1	33	—	—	9	—	—	—	1	56
16	Съ 7 час. веч. 16-го по 5 час. утра 17-го . . .	—	—	5	—	—	81	—	—	17	—	—	—	—	103
17	Съ 5 час. утра 17-го по 5 ч. утра 18-го . . .	—	—	6	—	—	12	—	—	11	—	—	—	—	29
18	—	—	—	6	—	2	30	.		11	—	—	—	2	47
19	—	—	.	5	—	—	31	—	—	10	—	—	—	—	46
20	—	—	—	8	—	3	55	—	—	20	—	—	—	3	83

Д н и.		Убитыхъ.			Раненыхъ.			Контуженыхъ.			Безъ вѣсти пропавш.		И Т О Г О.		
		Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Офицеровъ.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.
21	Мая	—	—	11	—	1	62	—	—	11	—	—	—	1	84
22	—	—	—	12	—	—	62	—	—	30	—	—	—	—	104
23	—	—	—	8	—	—	61	—	—	6	—	—	—	—	75
	Съ 24-го по 31-е	—	54	1491	—	110	4370	—	86	1450	15	911	—	267	8222
31	—	—	—	18	—	1	120	—	—	10	—	—	—	1	149
	Итого въ Маѣ	—	77	2828	—	195	7704	—	94	2015	15	1000	—	383	13552
1	Іюня	—	—	29	—	4	97	—	—	2	—	—	—	4	147
2	—	—	—	14	—	—	56	—	—	9	—	—	—	—	79
3	—	—	1	12	—	1	68	—	—	10	—	—	—	2	90
4	—	—	—	12	—	—	47	—	1	10	—	—	—	1	69
	Съ 5-го по 7-е	—	16	781	—	47	3132	—	32	815	—	17	—	95	4745
7	—	—	—	62	—	12	280	—	—	16	—	2	—	12	360

8	—		—	1	81	—	5	467	—	4	160	—	3	—	10	711
9	—		—	1	8	—	—	57	—	—	9	—	—	—	1	74
10	—		—	—	13	—	2	52	—	—	6	—	—	—	2	71
11	—		—	—	7	—	—	27	—	1	3	—	—	—	1	37
12	—		—	—	14	—	2	43	—	—	6	—	—	—	2	63
13	—		—	—	12	—	—	51	—	—	11	—	—	—	—	74
14	—		—	—	13	—	1	61	—	2	6	—	—	—	3	80
15	—		—	—	13	—	1	65	—	—	11	—	—	—	1	89
16	—		—	—	11	—	—	72	—	—	9	—	—	—	—	92
17	—		—	—	13	—	2	76	—	—	10	—	—	—	2	99
18	—		—	1	14	—	2	88	—	—	11	—	—	—	3	113
19	—		—	—	26	—	2	102	—	1	16	—	—	—	3	144
20	—		—	2	23	—	5	108	—	1	15	—	—	—	8	146
21	—		—	—	10	—	—	75	—	—	18	—	—	—	—	103
22	—		—	—	10	—	—	64	—	—	5	—	—	—	—	79
23	—		—	—	25	—	3	103	—	1	6	—	—	—	4	134
24	—		—	—	19	—	1	61	—	—	9	—	—	—	1	89
25	—		—	—	15	—	2	129	—	—	15	—	—	—	2	159
26	—		—	—	26	—	—	125	—	—	19	—	—	—	11	170
27	—		—	—	25	—	2	128	—	2	15	—	—	—	4	168

Дни.		Убитыхъ.			Раненыхъ.			Контуженыхъ.			Безъ вѣсти пропавш.		ИТОГО.		
		Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Офицеровъ.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.
28	Усиленная пальба по 3 отдѣл.	—	2	37	2	8	382	—	2	94	—	—	2	12	513
29	—	—	—	18	—	—	127	—	1	15	—	—	—	1	160
30	—	—	—	22	1	2	118	—	—	29	—	—	1	2	169
	Итого въ Іюнѣ	—	24	1365	3	104	6261	—	48	1379	—	22	3	175	9027
1	Іюля	—	2	37	—	—	103	—	1	12	—	—	—	3	152
2	—	—	—	30	—	5	122	—	—	21	—	—	—	5	173
	Со 2-го на 3-е	—	—	28	—	2	137	—	1	37	—	—	—	3	202
4	—	—	—	29	—	—	172	1	—	31	—	7	—	1	239
5	—	—	—	24	—	—	117	—	—	29	—	—	—	—	170
6	—	—	—	16	—	—	112	—	1	21	—	—	—	1	149

7	—	—	—	57	—	1	201	—	—	22	—	—	—	1	280
8	—	—	—	48	—	—	135	1	1	51	—	—	1	1	234
9	—	—	—	43	—	4	185	—	—	42	—	—	—	4	270
10	—	—	—	46	—	5	268	—	—	61	—	—	—	5	375
11	—	—	—	39	—	—	176	—	2	70	—	4	—	2	285
12	—	—	1	43	—	3	201	—	3	47	—	4	—	7	115
13	—	—	—	41	—	3	204	—	3	48	—	—	—	6	297
14	—	—	—	37	—	2	223	1	—	105	—	—	1	2	365
15	—	—	—	29	—	3	189	—	4	97	—	—	—	7	315
16	—	—	—	27	—	2	131	—	5	63	—	—	—	7	221
17	—	—	1	35	—	—	160	—	3	17	—	—	—	4	212
18	—	—	—	33	—	—	261	—	—	61	—	—	—	—	355
19	—	—	—	27	—	3	178	—	6	39	—	—	—	9	244
20	—	—	—	30	—	—	49	—	1	28	—	—	—	1	107
21	—	—	3	38	—	—	115	—	—	40	—	—	—	3	193
22	—	—	1	41	1	—	129	—	—	45	—	—	1	1	215

Д н и.		Убитыхъ.			Раненыхъ.			Контуженыхъ.			Безъ вѣсти пропавш.		И Т О Г О.		
		Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Офицеровъ.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.
23	Іюля	—	—	25	—	—	98	1	1	27	—	—	1	1	150
24	—	—	1	20	—	—	118	—	2	36	—	—	—	3	174
25	—	—	—	46	—	—	172	—	—	78	—	1	—	—	297
26	—	—	—	30	—	—	156	—	3	59	—	—	—	3	245
27	—	—	—	30	—	—	189	—	2	59	—	—	—	2	278
28	—	—	1	31	—	—	160	—	1	52	—	—	—	2	243
29	—	—	1	37	—	2	147	—	1	58	—	—	—	4	242
30	—	—	—	29	—	1	138	—	—	68	—	—	—	1	235
31	—	—	—	40	—	1	158	1	2	75	—	—	1	3	293
	Итого въ Іюлѣ .	—	11	1066	1	37	4904	5	43	1499	—	16	5	92	7325

	Съ 1-го па 2-е Августа .	—	—	32	—	1	168	—	2	57	—	—	—	3	259
3	Августа	—	2	50	—	2	213	—	1	77	—	—	—	5	340
4	—	—	—	39	—	1	161	—	—	75	—	—	—	1	275
5	—	—	1	30	—	—	169	1	2	57	—	—	1	3	256
6	—		—	183	—	7	666	—	5	397	—	—	—	12	1246
7	—	1	—	125	1	2	505	—	4	256	—	—	2	6	886
8	—	1	2	120	—	4	405	1	1	267	—	[illegible]	2	7	792
9	—	—	1	98	—	8	441	2	2	183	—	1	2	11	728
10	—	1	2	85	—	3	348	—	7	117	[illegible]	—	1	12	550
11	—	—	—	67	—	5	324	—	2	128	—	—	—	7	519
12	—	—	1	74	—	4	364	—	2	223	—	2	—	7	663
13	—	—	—	91	—	2	409	—	2	159	—	3	—	4	662
14	—	—	—	80	—	1	375	—	—	106	—	3	—	1	564
15	—	—	2	72	1	2	326	1	4	75	—	—	2	8	473
16	—	—	3	83	—	3	362	—	5	65	—	—	—	11	510
17	—	—	—	67	1	2	301	—	2	114	—	—	1	4	482

Дни.		Убитыхъ.			Раненыхъ.			Контуженыхъ.			Безъ вѣсти пропавш.		И Т О Г О.		
		Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин	Офицеровъ.	Нижн. чин.	Шт.-офиц.	Об.-офиц.	Нижн. чин.
18	Августа	—	1	69	—	3	302	—	1	90	—	—	—	5	461
19	—	—	2	79	—	3	322	—	1	114	—	—	—	6	515
20	—	—	1	67	—	3	107	—	—	127	—	—	—	4	301
20	—	—	1	67	—	3	342	—	1	121	—	—	—	5	530
21	—	—	3	65	—	3	313	—	1	87	—	—	—	7	465
22	—	—	2	62	—	4	292	—	5	69	—	—	—	11	423
23	—	—	3	43	—	1	279	—	2	96	—	—	—	6	418
24	—	—	2	215	2	11	789	—	6	172	—	—	2	19	1176
25	—	—	2	232	2	5	984	—	4	238	—	—	2	11	1454
26	—	—	3	222	—	12	838	—	2	277	—	—	—	17	1337
27	При штурмѣ	4	55	2665	26	211	600	10	40	1138	24	1739	42	328	11553
	Итого въ Августѣ .	7	89	5082	33	306	16116	15	104	4885	24	1748	57	523	27831
	Всего съ 19 Ноября по 28 Августа	10	256	13179	39	853	46772	29	402	13737	39	3135	78	1550	76823

	Съ начала осады до 19 Ноября.														
1	Въ сраженіи при Альмѣ	6	40	1755	8	76	2611	9	47	417	7	728	23	170	5511
2	— Инкерманѣ	42		2927	206		5583	—	—	—	—	—	—	—	—
3	Подъ Евпаторіей 5 Февраля	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	На Черной 4 Августа .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Въ Турецкой кампаніи.														
1	При Ольтеницѣ	13		204	11		700	21		—	—	—	—	—	—
2	При Четати	22		813	31		1159	—	—	—	—	—	—	—	—
3	Подъ Каларашемъ . . .	1	2	104	16		—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	При переправѣ черезъ Дунай	5		205	21		565	—	1	6	—	—	—	—	—
5	На о-вѣ Радоманѣ . . .	—	—	342	22		470	—	—	—	—	—	—	—	—
6	Подъ Синопомъ	—	1	37	7		222	—	—	—	—	—	—	—	—
7	Подъ Журжею	3		39	2		134	—	—	—	—	—	—	—	—

Съ начала осады израсходовано:

снарядовъ разрывныхъ	571530
„ сплошныхъ	721834
картечей	93371
Итого .	1386708
патроновъ штуцерныхъ . . .	1225962
„ простыхъ	2668780
Итого .	3894742

Всего выброшено металла . . . . 1405245 пуд.
Пороху сожжено . . . . . болѣе 500000 „

Подбито непріятельскими выстрѣлами:

орудій разныхъ калибровъ . .	920
станковъ	2459

Осталось въ Севастополѣ:

орудій годныхъ	2747
съ негодными	3967
ядеръ разныхъ калибровъ . .	294374

Изъ 2-хъ имѣющихся у насъ вѣдомостей ежедневной убыли Севастопольскаго гарнизона - въ одинъ столбецъ, съ общимъ только итогомъ и въ 5 столбцовъ, съ подраздѣленіями этихъ итоговъ, мы рѣшаемся печатать послѣднюю, не взирая на встрѣчающееся мѣстами несоотвѣтствіе отдѣльныхъ цифръ съ общими итогами, такъ какъ сравнительно незначительная неточность цифръ не лишаетъ ихъ того интереса, который онѣ могутъ представлять какъ историческій матерьялъ.

Прим. изд.

Приложеніе къ плану.

№	Названіе батарей.	Пушки.	Мортиры.
	На Южной Сторонѣ.		
	Приморскія батареи:		
1	Батарея № 10	60	6
2	Александровская батарея	30	1
	1-е отдѣленіе.		
1	Бастіонъ № 8	62	—
2	Батарея № 7	2	—
3	» Щеглова	4	—
4	Новая батарея	4	—
5	Батарея Шемякина	24	—
6	Бастіонъ № 6	22	5
7	Редутъ Ростиславскій	58	3
8	Люнетъ Бутакова	10	—
9	Брешь-батарея	6	—
10	Люнетъ Бѣлкина	18	2

№	Названіе батарей.	Пушки.	Мортиры.
11	Бастіонъ № 5	34	8
12	Редутъ Чесменскій	34	4
13	Батарея Бурцова.	4	—
14	» Азарьева	10	1
15	Редутъ Шварца , ...	10	2
16	Батарея Забудскаго.	12	—
	2-е отдѣленіе.		
1	Батарея Петрова.	9	—
2	» Сарнавскаго	5	—
3	» Ѳомичева	10	—
4	» Дровецкаго	5	—
5	Бастіонъ № 4	42	20
6	Батарея Костомарова	5	—
7	» Львова	8	—
8	» Мещерякова	2	—
9	» Соколовскаго.	2	—
10	» Артемьева.	2	—

№	Названіе батарей.	Пушки.	Мортиры.
11	Батарея Плеханова.	2	—
12	» Дурново	4	—
13	Штурмовая батарея.	16	—
14	Редутъ Язоновскій	23	11
15	Батарея Нарбута.	2	—
16	» Липкина	4	—
	На пересыпи:		
1	Батарея Сталя.	24	—
2	» Перекомскаго	15	—
	3-е отдѣленіе.		
1	Батарея Никонова	38	5
2	Штурмовая батарея.	4	—
3	Батарея Попандопуло	2	—
4	» Швейковскаго	2	—
5	» Потемкина.	5	1
6	» Артюхова	4	—

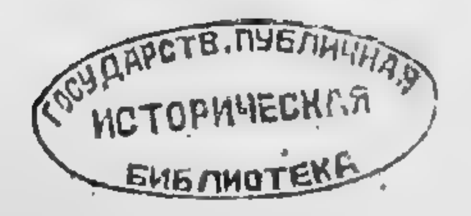
№	Названіе батарей.	Пушки.	Мортиры.
7	Бастіонъ № 3	23	—
8	Батарея Усова	15	—
9	» Яновскаго.	15	—
10	» Будищева	15	—
11	Штурмовая батарея.	7	—
12	Батарея Беклешова.	12	—
	4-е отдѣленіе.		
1	Батарея Жерве	17	5
2	Бастіонъ Корнилова	54	5
3	Батарея Костомарова	12	6
4	» Шмидта	3	—
5	» Лисксатова.	—	4
6	Бастіонъ № 2	20	—
7	Парижская батарея . } Бастіонъ № 1. .	13	1
8	Орлова » . } Бастіонъ № 1. .	16	4
9	Батарея Скарякина.	4	—
10	Штурмовая батарея, ...	3	—

№	Названіе батарей.	Пушки.	Мортиры.
	Непріятельскія:		
	Французскія лѣваго фланга:		
	19 батарей противъ бастіона № 4	129	—
	19 » » » № 5	134	—
	13 » » » № 6	83	—
	Англійскія:		
	32 батареи	179	—
	Французскія праваго фланга:		
	34 батареи	267	—
	Редуты 5 Ноября и Канробера	14	—
	На Сѣверной Сторонѣ.		
1	Сѣверное укрѣпленіе	40	—
1	Люнетъ № 15	10	—
2	Язоновская и нижняя Ворожейкина . . .	10	—
3	Верхняя Ворожейкина № 14	11	—
4	Редутъ № 16	4	—
5	Ватарея № 24	11	—

№	Названіе батарей.	Пушки.	Мортиры.
6	Батарея № 28	4	—
7	Мартеловская башня	10	—
8	Батарея № 29	4	—
9	» № 30	12	—
10	» Карнашевскаго № 12	14	—
11	» № 31	14	—
12	» № 2	6	—
13	» № 33	20	—
14	Константиновская батарея	104	—
15	Нахимовская батарея № 34	9	—
16	» » № 1	34	—
17	Батарея № 35	7	—
18	» № 36	7	—
19	Михайловская батарея		—
20	Нахимовская батарея № 37	14	—
21	Батарея № 38	7	—
22	Нахимовская батарея № 38	10	—
23	Батарея № 39	10	—

№	Названіе батарей.	Пушки.	Мортиры.
24	Батарея № 4	—	—
25	» № 40	6	—
26	» № 41	8	—
27	» № 42	4	—
28	» № 43	8	—
29	Редутъ № 18	14	—
30	» № 17	6	—
31	» № 19	14	—
32	Батарея лит. H	12	—
33	Англійская батарея	4	—
34	Волынская	8	—
35	Центральный редутъ № 27	29	—
36	Правый » лит. S.	14	—
37	Лѣвый » лит. F.	20	—
38	Мортирная батарея лит. g	—	4
39	Батарея E	6	1
40	Маячная батарея D.	4	—
41	Батарея лит. C	6 пол.	—

№	Названіе батарей.	Пушки.	Мортиры.
42	Батарея лит. W	2 п.	—
43	» K	3	—
44	» W′	2 п.	—
	Безъимянная батарея	4	—
	Батарея лит. K′	4	—
	Нагорный редутъ № 1.	18	—
	» » № 2.	17	—
	» » № 3.	23	—
	Мортирная батарея № 1	—	4
	» » № 2	—	4
	» » № 3	—	4
	» » № 4	—	4
	» » № 5	—	4
	» » № 6	—	4

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
2	34	сложившимуся	сложившемуся
4	13	не безопасное	небезопасное
11	30	вторженію	вторженія
17	33	заставили	заставила
20	34	умольчать	умолчать
21	25	подверждаетъ	подтверждаетъ
23	1	не падали	ни падали
24	21	батарею	батареею
34	33	освѣдомился	освѣдомиться
36	22	Русскихъ	русскихъ
39	33	»	»
43	22	штыковой	штыковый
44	1	картечъ	картечь
44	24	по отношеніи	по отношенію
48	14	не могли	ни могли
55	23	диспозіи	диспозиціи
60	4	не задолго	незадолго
64	36	не только	не столько
65	8	полусрытые	полусрытыя
68	7	втѣхъ	всѣхъ
69	11	горнизонъ	гарнизонъ
86	4	Люнетъ	люнетъ
86	25	gymnastipue	gymnastique
98	15	процентовъ	процента
98	9	завѣдываніе	завѣдованіе
99	4	завѣдываніе	завѣдованіе
99	1	помиралъ	поумиралъ
104	17	На Сапунъ	на Сапунъ
104	18	500 саж.	«500 саж.»
106	5	не дешево	недешево
113	20	стороны	стороны
114	27	несмотря	не смотря
115	13	»	»
115	22	»	»

ПЛАНЪ
осады и обороны
Г. СЕВАСТОПОЛЯ
по 27: Августа 1855 года

Французскія траншеи — Англійскія траншеи

